Владимир Лорченков

Все там будем

Annotation

Жители молдавского села Ларги очень хотят уехать в Италию. Серафим Ботезату, к примеру, за 20 лет строжайшей экономии буквально на всем выучил итальянский язык и может вполне сносно на нем изъясняться - было бы с кем! Супруга отца Паисин, матушка Елизавета, напротив, уехала в эту Италию еще в 1999 году. Сначала горничной устроилась, а потом вышла замуж за какого-то местного жулика, Адрияно. Зато механизатор Василий Вельчев не верит ни в какую там Италию, несмотря на то, что его жена, Мария… Впрочем, скоро вы сами познакомитесь с жителями Ларги и узнаете о всех злоключениях и тяготах, которые свалились на них разом. Были среди этих людей и свои отступники, и свои герои, и свои святые. Не было только того, кто возьмет односельчан за руку и приведет в вечный город Рим. Но мечта есть мечта, и она обязательно исполнится, пусть даже через 10 лет, пусть даже самым фантастическим образом.

"Все мы немного ассирийцы"…

Вильям Сароян

…"И чуть-чуть молдаване"

Серафим Ботезату

… октябрь 1993 года.

- Так вот ты какая, наша Италия!!!

Серафим Лунгу зажмурился, и часто-часто поморгал. Но город, расползшийся под ним в низинах холмов, не исчезал. Дома, построенные из белого камня, были также ослепительны, как радость Серафима и его попутчиков. Они, сорок пять молдаван, стояли в маленькой роще на холме подле столицы столиц, самого Рима, и все никак не могли поверить в случившееся. Наконец-то они в Италии! Наконец-то жизнь стала ясной и простой. Как раньше. Как в детстве. Позади молдавское село Ларга. А значит, позади бедность, молдавская разруха, постылая земля, которую обрабатывай, не обрабатывай, а получишь все равно от кукурузы кочерыжку. Впереди - Рим! А значит, впереди необременительная работа на стройке какой-нибудь, - в сравнении с работой в поле все необременительно, - для мужчин, а для женщин - уборка дома богатого итальянца, за которого, глядишь, и замуж выскочить можно…

… Серафим оглянулся на попутчиков, и едва не впал в грех гордыни. Ведь именно благодаря ему все они сумели ночью выбраться из какого-то болота в низине маленькой и грязной реки, где их оставили люди, переправлявшие молдаван в Италию.

- Все, дальше не едем, опасно! - сказал проводник, чернявый юноша, уж больно смахивающий на цыгана, что ларгачанам не очень-то понравилось. - Но если скинетесь по десять евро с носа, проведу до самых римских домов!

Люди отказались. За четыре дня пути до Италии проводник собрал с них, кроме тех четырех тысяч евро, что все заплатили за дорогу и работу на месте, по пятьсот евро, не меньше. По десятке за ночлег, по двадцатке за еду, по тридцать евро - за взятку словацкому полицейскому… Дальше дорогу сами найдем, решили люди! Тем более, что у них был Серафим! Все в Ларге знали, что Серафим Ботезату давно и безнадежно влюблен в Италию. Десятилетним мальчиком он случайно нашел в полуразрушенной сельской библиотеке альбом "Виды Рима" и с тех пор для общества пропал. Нашел где-то в районном центре самоучитель итальянского языка, читал все, что хоть как-то было связано со страной его мечты, Италией. Тогда, в восьмидесятых, это не поощрялось. И Серафима считали дурачком. Но знал ли кто тогда, что через каких-то двадцать лет тысячи и тысячи молдаван поедут работать в эту самую Италию? И Серафим, - над которым смеялись все, от сельских пастухов и их подопечных, до председателя колхоза, - станет главным авторитетом Ларги. Он старательно учил итальянский язык все двадцать лет, перебивался с хлеба на воду, и все ждал, когда судьба забросит его в Рим. И вот, он возле города своей мечты: трепещет, и даже чуть сожалеет, что все это случилось так быстро.

- Каких-то двадцать лет, - с огорчением бормочет Серафим, - всего двадцать…

Односельчане почтительно ждали. Единственным, кто знал итальянский, и, значит, от кого они все зависели, был Серафим. Именно он, слушая плеск воды, определил:

- Это река, неподалеку Рим, в Риме одна река, и называется она Тибр, следовательно, мы стоим на берегу Тибра!

Люди, пораженные размахом мысли Серафима, молча следили за его умозаключениями. Серафим, вспомнив примерно, как выглядел

Рим на картах из журнала "Эхо планеты", что он выписывал, когда всесоюзная подписка еще существовала, вывел людей подальше от воды в рощу, и они стали ждать утра. Пока солнце не сняло покрывало с Рима, и не явило им его, - заспанного красавца, - в полную стать. Правда, несмотря на то, что лица были восхищенные у всех, причины его были у людей разные. Серафим, например, уже заранее предвкушал посещение музеев, театров, и просто бесцельную ходьбу по кривым улочкам Рима. Остальные рассматривали Рим исключительно утилитарно, как место, где им, наконец, улыбнется удача. И все они получат работу. Работать, конечно, придется и Серафиму - четыре тысячи евро, собранные с таким большим трудом, нужно отработать. Но это было для него вторично… Так или иначе, но цель у них всех совпадала. Рим!

- Взгляните на город, - взволнованно воскликнул Серафим, - этот город построен на холмах! Величественная картина! Правда, я не вижу Колизея, да и базилики Святого Петра пока не видать, но город ведь настолько велик, что все сразу и не увидишь!

Жители Ларги, села трех километров в длину и четырех в поперечнике, восхищенно вздохнули.

- Серафим, - робко спросила одна из путешественниц, Родика Крецу, - а когда мы уже сможем спуститься в город? Я мечтаю умыться, переодеться и немножко полежать на кровати, а не на сырой земле…

Люди одобрительно зашелестели, как роща - осенней листвой. Все четверо суток автобус с сельчанами, - оформленными как две команды по керлингу, и две - по подводному плаванию, - ехал только ночью. Днем водитель съезжал в придорожные кусты, тщательно маскировал машину кустарником, и сельчанам велели особо не шуметь, и из автобуса не выходить. За четверо суток все они, как образно выразился Серафим, пережили еще одно турецкое иго. Многие даже жаловались, что стали меньше ростом. Но водитель был непреклонен и суров.

- Кто не хочет в Италию, - покрикивал он на недовольных, - выметайтесь из автобуса!

Никто не хотел не хотеть в Италию, и люди терпеливо продержались четверо суток. И оставаться на месте, пусть даже и в километре от заветной цели, больше им было невмоготу. Серафим понимал их, ему и самому невмоготу было. Ведь за то время, что они мучились в автобусе, им ни разу не довелось ни один итальянский город днем увидеть. Все только ночью, да ночью. Изредка автобус тормозили полицейские, и Серафим с замиранием сердца следил в окошко, прикрывшись одеялом, как проводник группы торгуется за право ехать дальше. Потом проводник забегал в салон, зловещим шепотом называл сумму побора с каждого, брал деньги, и выскакивал на дорогу, как ошпаренный. Денег никто не жалел. Крови бы своей не пожалели. Ведь Италия для сельчан была местом, прибыв куда, ты получал искупление прежних грехов, и обретал новую жизнь. Так какая разница, сколько денег оставлять в старой, если впереди, - огромные заработки по семьсот, а то и девятьсот евро в месяц?! Если бы людям сказали совершить самоубийство, после которого их ждет Италия, они бы и это сделали. И в этом они были похожи, -подмечал начитанный Серафим, - на жителей Европы, ожидавших Апокалипсис в 1000 году.

- На все люди стали готовы, - с сожалением шептал Серафим, - совсем вызверились да отчаялись…

Но понимал, что люди, конечно, в этом не виноваты. Уж больно опостылела всем нынешняя жизнь в Молдавии. А на бунт молдаване никогда способны не были, вот и осталось им одно - бежать. Когда в Ларге объявились представители туристической фирмы, которая, по слухам, отправляла наших в Италию, возрадовались все. Отец Паисий, благообразный священник двух Митрополий, - Молдавской и Бессарабской, - отслужил по этому поводу в сельской церквушке благодарственный молебен. Собирался даже крестный ход провести, да погодные условия не позволили. Холодный град посек остатки поздних урожаев, и, постепенно превратившись в ледяной дождь, сделал дороги жиже самого жидкого киселя.

- Обойдемся без крестного хода, батюшка! - взмолились представители турфирмы, и, отстояв благодарственный молебен в свою честь, начали собрание в сельском клубе. - Кто желает работать в Италии?

В Ларге жили три тысячи сто двадцать три человека. Рук было поднято шесть тысяч двести сорок шесть. Это каждый, на всякий случай, чтоб и его записали, поднял по две руки.

- Сил наших нет! - прижал руки к груди бывший председатель Постолаки. - Пашем, как проклятые. С утра до вечера в земле, как черви ползаем. А прибылей все нет, да нет! Денег по году не видим. Вру. Вчера по телевизору пятьдесят леев[1] видел. В программе "Лото-бинго". А так, чтобы в живую, нет. Опостылело здесь нам все! Как уехать? Что сделать?! Научите уму-разуму!

Дельцы одобрительно посмеялись, потерли руки, и стали учить селян уму-разуму. Во-первых, поездка в Италию, объяснили они, удовольствие не из дешевых. Стоит четыре тысячи евро….

После того, как фельдшер села напоила валерьянкой семерых человек, которым после оглашения суммы стало плохо, работорговцы продолжали. Сразу все уехать, по их словам, вряд ли смогут. Три тысячи человек это слишком большая партия. Поэтому вывозить сельчан предлагали небольшими партиями. По мере сбора денег. Где их найти, забота сельчан. Можно в долг взять, можно землю продать, в общем, каждый выкручивайся, как может.

- Но я бы на вашем месте, - объяснил человек в костюме, - ничего не боялся и не жалел. Что вам эта Молдавия, если вы уже практически - в Италии?!

- Ну, а ну как мы туда не попадем, а здесь станет лучше? - спросили из зала.

- Что ж, тогда, - парировал делец, - оставайтесь в Молдавии, и дожидайтесь плана реализации ЕС-Молдавия, и десятикратного уровня жизни, о котором вот уже шесть лет говорит ваш президент…

После того, как зал отсмеялся и устроил докладчику овацию, тот продолжил. Просто так молдаван на Запад не пускают. Значит, нужно ехать под видом спортивных команд. Пусть для начала первая партия из сорока-пятидесяти человек будет четырьмя командами. Две - по керлингу, две - по подводному плаванию. Плавать и стоять на льду, конечно, не нужно. Главное, документы!

… И документы сработали. Сорок пять подводных пловцов и нападающих керлинга из села Ларга, и Серафим Ботезату, мечтавший об Италии всю жизнь, оказался в своей мечте. Серафим чувствовал себя червем из яблока, попавшим в яблоко. Солнце поднялось над Римом еще выше, и вновь ослепило его поющую душу. Серафим стал тихонько спускаться с холма, не оглядываясь. Он знал, что вся группа идет за ним. В уме Серафим тщательно повторял фразу, которую скажет первому попавшемуся итальянцу, после чего попросит отвести их к церкви. В итальянских церквях молдаван кормили, и давали работу, он это знал. Спустившись с холма, Серафим пошел по асфальтовой дороге, не самого лучшего качества, конечно, но разве в промышленных районах города другие бывают? Впереди маячила спину работяги, не дождавшегося, видимо, нужный автобус, и решившего идти пешком.

- Добрый день, - пробормотал Серафим на довольно таки сносном итальянском, - уважаемый гражданин Италии, потомок римских цезарей, и отважных берсальеров, добрый день! Я рад приветствовать вас от имени братского молдавского народа! Не подскажете ли вы, где здесь ближайшая церковь, и не сообщайте о нас полиции, пожалуйста! Благодарю вас! Миллионы комплиментов!

Он буквально физически почувствовал уважение односельчан, следовавших за ним. Работяга оглянулся, и прибавил шагу. Наверное, испугался, подумал серафим, поняв, как двусмысленно все это выглядит. Одинокий римлянин, которого догоняет ватага небритых, дурно пахнущих, помятых молдаван. Тут испугаешься! Серафим побежал, и, догнав итальянца, схватил его за руку, закричав:

- Уважаемый гражданин Италии, потомок римских цезарей, и отважных берсальеров, добрый день! Не бойтесь! Я рад приветствовать вас от имени братского молдавского народа!

Римлянин затравленно глядел на окруживших его молдаван, и молча пытался вырваться. Серафим улыбнулся как можно шире, и попытался объясниться еще раз.

- Послушайте, потомок римских цезарей, и отважных берсальеров! Я - представитель братского народа Молдавии. Мы приехали к вам в Италию выполнять черную работу, которую вы, итальянцы, делать не хотите. Так что мы вам не враги! Я рад приветствовать вас! Скажите, где здесь церковь?!

Итальянец вырвал руку, и, нахмурившись, стал ее потирать. Постепенно глаза его становились все осмысленней. Он попытался объяснить им что-то знаками.

- Что происходит, Серафим?! - широко улыбаясь, чтобы не напугать итальянца, спросил председатель Постолаки. - Ты что, плохо учил итальянский.

- Вроде бы, хорошо, - виновато оправдывался Серафим. - Но гарантировать что-то не могу. Не было языковой среды.

- Ты нам про среду давай, не начинай! - угрожающе начал Постолаки, не упускавший возможность плоско скаламбурить даже в гневе. - И про четверг, и пятницу!

Иностранец, следивший за их перепалкой с очень удивленным видом, сказал:

- Так вы что, молдаване? Сразу бы и сказали. Что голову морочите? Это что, "скрытая камера"?

- Так ты тоже молдаванин?! - обрадовался Постолаки. - Здорово встретить земляка!

- Ага, - не проявил радости земляк. - Ну, не то, чтобы это здесь было редкостью…

- Ну, - приобнял земляка за плечи Постолаки. - Показывай! Где здесь ближайшая церковь?

- Зачем вам? - тихо спросил совсем ошарашенный молдаванин.

- Как зачем? Работа и еда. Да ты не бойся. - по-своему понял колебания земляка Постолаки. - мы чужое место не займем! Идем, идем!

Ничего не соображающий земляк покорно пошел за Постолаки. А тот, от радости, что все так благополучно завершилось, взмахнул руками, набрал полную грудь воздуха, и сказал:

- Так вот ты какая, наша Италия!!! Кстати, брат, где здесь этот ваш Колизей?!

Земляк, резко вырвавшись из объятий Постолаки, убежал в боковую улицу, крикнув "сумасшедшие". Председатель хотел было посетовать на то, что мы, молдаване, народ нечуткий и друг к другу злой, как увидел сползающего по стене дома Серафима. Тот опускался на асфальт, неотрывно глядя куда-то наверх. Постолаки глянул туда же, уже зная…

… Пока Постолаки всячески пытался разговорить случайно попавшегося им молдаванина, Серафим пытался понять, что не так в его итальянском языке. Все, вроде бы, изучал он по самоучителю. Правда, совершенно отчетливо и остро вспомнил Серафим, в книге, которую ему дали в районной библиотеке, не было титульной страницы. Таким образом, формально утверждать, что он выучил итальянский язык, - а не, к примеру, китайский, - Серафим не мог. И понимал это. С другой стороны… неужели вся жизнь его прошла даром?!

Серафим почувствовал, что у него накопилась масса вопросов, - он стоял, чуть покачиваясь вместе с ветром, - но ему, увы, некому было их задать. Ведь совета обычно спрашиваешь у знакомых тебе людей. А Серафим в этом городе не знал никого. Он вообще, - и сердце его заледенело, когда он это понял, - не знает, что это за город. Ведь надписи "Рим" он нигде не видел…. Ну, это уж полный бред и мания! Тем не менее, Серафим поднял голову, и увидел в щели между двумя

красивейшими облаками плакат. Плохо прикрепленный к столбу плакат, который хлопал из-за ветра.

Раз. Два. Хлоп. Хлоп. Серафим запрокинул голову, и начал терять сознание. Перед этим он успел поймать удивленный взгляд председателя Постолаки. А еще перед этим Серафим успел увидеть… Именно увидеть, а не прочитать, надпись на плакате.

"ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КИШИНЕВ!!!".

ххх

Мария собралась вешаться на акации во дворе. Мужу ее, Василию, было на это совершенно наплевать, потому что он был очень зол на Марию за те четыре тысячи евро, что она заплатила за дорогу до Рима и работу в Италию. И вина жены, говорил Василий, не в том, что повезли их в Италию аферисты.

- С кем не бывает, - хмурился Василий на сельских попойках, перекатывая во рту горошины мутного вина, - ну, попались обманщики. Повезли вас ночами по Молдавии. Ну, выбросили под Кишиневом. Согласен, Мария не виновата в этом. Но кто, если не она, буквально заразила нас этой идиотской, детской мечтой об Италии?

Ради этой мечты Василий продал старенький, но трактор, и сделал долгов на полторы тысячи. Супруги высчитали, что из Италии Мария будет присылать ежемесячно по триста евро. И за год они с долгами рассчитаются и трактор в хозяйство вернут.

- Трактор это обязательно! - погрозил пальцем жене Василий. - Я без него никуда!

Мария горько вздохнула. Она знала о необычайной привязанности Васи к трактору. Началось все в 1978 году, когда крестьянин Лунгу был направлен на курсы механизаторов. Познав мир и технику, - как сам говорил Василий, - он вернулся в село с трактором и огромным самомнением. Увы, когда Молдавия приобрела независимость и потеряла остатки зажиточности, нужда в тракторе Василия отпала.

Денег на солярку у сельчан все равно не было, и обрабатывали землю как встарь. Руками. Но Лунгу, несмотря на уговоры жены, железного коня не отдавал и не продавал. Ровно до того дня 2001 года, когда обезумевшая от нищеты и желания вырваться Мария не убедила его временно продать трактор.

- А потом мы его выкупим! - торжественно пообещала она. - Верь мне!

К сожалению, сорок четыре подводных пловца и керлингиста из Ларги попали в руки аферистов. Те возили людей четверо суток по Молдавии, а потом сбросили их в пойме грязной реки Бык, - именно ее принял местный умник Серафим Лунгу за Тибр, - и были таковы. Узнав об этом, и о том, что трактора ему не вернуть, Василий пришел в отчаяние. Когда Мария вернулась домой, он ее для порядку побил, а потом перестал с женой разговаривать. Мария, поняв, что уехать в Италию ей не удастся, - денег больше ниоткуда не предвиделось, - решила повеситься. Правда, не сама, а по совету мужа.

- Все равно, - рассудил Василий, - я тебе этого никогда не прощу. И буду лупить до конца дней твоих, женщина, как сидорову козу. А как, не дай Бог, пришибу под горячую руку? Грех на себя возьму. Так что лучше уж ты сама.

Слова эти в Марии проросли, как фасоль под красным солнцем в черной жирной земле по весне, всего за день.

- Я иду вешаться, Василий, - сдерживая слезы, сказала она мужу. - Жизнь наша это тьма. Устала я.

- На орех даже не вздумай залезть, - сказал, не отрывая глаз от карманной Библии, Василий. - Сниму, и так изобью, что от побоев сдохнешь. Поломаешь нижние ветки, а там урожай самый большой.

- Я тогда на акации повешусь, - предложила Мария, - там и ветки крепче.

- Вот то совсем другое дело, - поджал губы Василий. - На акации вешайся. Хоть до второго пришествия.

Мария, зная доброе сердце мужа, пошла к акации, закрепила веревку, и встала на табуретку под петлей. Из дому никто не выглядывал. За дверью схоронился, подумала она. И заметила, как и из соседских окон на нее глядят люди. Раз так, вытащат, успокоилась женщина, и прыгнула. Сначала она покачивалась от прыжка, потом - из-за ветра.

Мария качалась на акации всю ночь и немножечко утра.

ххх

Василий Лунгу оказался единственным сельчанином Ларги, который не мечтал попасть в Италию.

- Нет ее, этой вашей Италии! - кричал он на сельских пьянках. - Кто-нибудь из вас ее видел?! А?! То-то же!

Единственным, кто мог возразить Лунгу, был священник Ларги, отец Паисий. Все доподлинно знали, что его супруга, матушка Елизавета, уехала в Италию еще в 1999 году, на те деньги, что батюшка заработал соборованиями, крестинами и отпеваниями. А поскольку местность возле Ларги была неплодородная, и крестьяне бедными, все знали, что свой хлеб батюшка ел не даром. Нет, вовсе не даром!

- Целыми днями я, как проклятый, то дождь вызываю, то молебны закатываю за мешок гороха, - горько жаловался Паисий супруге, когда та звонила из Болоньи, где утроилась горничной. - Еле на еду зарабатываю себе и детишкам. А ты хоть бы денег прислала!

Первые несколько месяцев матушка Елизавета и в самом деле присылала супругу с тремя детишками по триста евро. Потом перестала. Через год прислала пятьдесят евро. И замолчала на год. Отец Паисий совсем измаялся, и собрался было уже обращаться в Красный крест, или какую другую Организацию по Розыску Пропавших Матушек Села Ларги, да матушка Елизавета нашлась. Но как!

- Любимый, - говорила она в трубку, попыхивая папироской, - я совершенно определенно решила остаться здесь и связать свою судьбу с Адриано. Не ревнуй. Он настоящий мужчина, и человек с большой буквы. Извини, но в Ларгу и в Молдавию я не вернусь. В эту дыру?! После Италии?! Кстати, я стала совершенно свободной женщиной. И устроилась на работу. Вернее, Адриано меня устроил. Куда?

Оказалось, бывшая матушка Елизавета стала секретарем Центра Современного Искусства и Атеизма. Известив об этом бывшего супруга, она повесила трубку. Отец Паисий проплакал всю ночь, а под утро все-таки уснул, и ему приснилась Елизавета в мини-юбке. Она облизывала губы, и все подмигивала Паисию, и, вертя в руках папиросу, спрашивала: "Огоньку не найдется". Когда Паисий развел руками, Елизавета испарилась, молвив с укоризной на прощание:

- Сам то ты без огонька, а я, видишь, - баба с огоньком! Вот и оставайся сам в своей Ларге, олух царя небесного!

Проснулся Паисий разбитый и убежденный в том, что Италия все-таки существует. Ведь звонила же оттуда ему эта сука проклятая, дешевая проститутка, жирная корова, дура треклятая, змея подколодная, подлая изменница, его бывшая жена! А раз Италия есть, и Елизавета там, решил Паисий, то он просто обязан проклясть эту страну на очередной проповеди. Несомненно, Италия - средоточие порока!

- Страна, где живут порочные девки, - провозгласил он в церкви, - и их хахали, гнездо разврата, блудница Вавилонская! И я отлучаю от церкви всех, кто хочет в Италию!

Толпа, послушав проповедь, молча разошлась.

А отец Паисий весной стал собирать деньги и чемоданы для поездки в Италию.

ххх

Серафим проснулся от непонятного гула за околицей. Гудело не то, чтобы очень громко, но как-то регулярно, настойчиво и угрожающе. Лениво приоткрыв глаз, Серафим с тоской оглядел выбеленный потолок комнаты. Дом. Его дом в селе Ларга. Каких-то две недели назад казалось, что больше он здесь никогда не проснется. И вот… Вздохнув, Серафим вынул ноги из теплой, - им с женой ее подарили на свадьбу, - перины и решительно прижал их к жесткому красному коврику с петухами. Такими ковриками его жена, Марчика, до того, как сбежать в 1987 году с агитатором, читавшим лекции об атеизме, застелила буквально весь пол в доме. Уж больно нравился ей красный цвет. Посидев, и привыкнув ступнями к прохладе, Серафим отвлекся от тяжких мыслей и снова прислушался. Гул не пропадал. Звук был для села необычный. Но Серафим уже слышал нечто подобное, когда в Кишиневе проходил мимо республиканского стадиона.

- Серафим, сколько можно спать? - крикнул в открытое окно дед Тудор, живший по соседству бобылем. - Выходи на работу, бездельник ты этакий!

Серафим, деда Тудора любивший, - тот очень помог общением и советом в тяжкую пору ухода жены, - встал, откинул перину и вышел во двор. Похмельное солнце нетвердо пошатывалось по углам горизонта, высвечивая съежившуюся от холодов землю. Скорчилась, словно младенец в утробе матери, подумал Серафим. И сжал зубы. Ведь детей у них с Марчикой так и не было…

- Плевать, - нехотя проговорил он под осуждающим взглядом деда Тудора, - и на работу, и на то, что вчера лишнего принял. Плевать, и все тут. Я все равно в Италию уеду. А здесь пускай все горит синим пламенем! Пусть рушится это хозяйство.

Дед продолжал с осуждением глядеть на Серафима, а тот, ежась плечами, споласкивал лицо и тело промерзшей за ночь водой. Делать так его научил отец. Ставишь ведро с колодезной водой на ночь во дворе, и за ночь холод все микробы, всю гадость в ней убивает, да

льдом стягивает, говорил батюшка. А то, что не замерзло, да на дно ведра не выпало, и есть - Живая вода. Умывайся такой, да полощи зубы, и пять раз по двадцать лет сносу им не будет. Пей ее, и в сердце твоем прорастут цветы, обливай ей тело, и оно зазеленеет и потянется вверх, словно рослый молодой тополь… Серафим встряхнулся, и сплюнул, вспомним гнилые зубы сорокалетнего отца, его согбенную спину и вечную самокрутку с ужасно дымливым молдавским табаком. Правда, папенька всегда говорил, что его убила тяжелая работа на земле. И поэтому, учил он сына:

- Никогда не отдавай себя земле весь до остатка. Думай о том, как выбраться отсюда.

Вот Серафим и придумал. В Италию, в Италию. В страну, где на улицах всегда чисто, где люди доброжелательны и улыбчивы, где не тяжкой работой можно получить в месяц столько, сколько в Молдавии за три года на земле денег не сделаешь, где земля ароматная, словно приправы для их макарон, где море солоноватое, теплое и жгучее, как пот женщины, на которой лежишь, где…

- Пускай рушится, говоришь?! - осуждающе же поджал губы дед Тудор. - Да оно, видно, послушалось тебя, твой хозяйство. Оно, видно, человечьим разумом смекает!

Серафим огляделся, и невольно улыбнулся. Хозяйство и вправду выглядело, как после набега турок. Забор вокруг дома давно уже стал похож на челюсть отца Серафима: колышки где торчали, а где нет. И стыдливые попытки хозяина прикрыть бреши в заборе кустами, столь действенные летом, зимой терпели полное фиаско: листва облетала, и забор выглядел еще жальче. За домом, с той стороны, где был черный вход, росли неухоженные яблони. Маленький свинарник на трех-четырех хрюшек давно уж пустовал. Иногда Серафим, приходя домой пьяным, и будучи не в состоянии попасть ключом в замок, ложился там, и похрапывал, греясь полуистлевшей соломой, в которую когда-то зарывались свиньи. Серафиму казалось, что солома хранит тепло свинских тел, как его пуховое одеяло до сих пор сохраняет жар ляжек его распутной жены, Марчики. Но из-за странной слабости и неги,

охватывавших его тело всякий раз, стоило ему прижаться к этой перине, выкинуть ее Серафим не решился. Обычно еще во дворе было полно, по колено! грязи, и Серафим в плохую погоду расхаживал по камням, которые разбросал там и сям возле дома.

- Это его этот, как его…, - смеялся, кривя тонкие губы, старик Тудор, бывший куда умнее, чем пытался выглядеть, - молдавский Стоунхедж! А наш Серафим - егойный друид, растак его!

К счастью, сейчас земля не была раскисшей. Она замерзла и скрючилась, словно замерзший беспризорный ребенок на вокзале, и будто просила взять себя в руки и погреть дыханием.

- Земля работы просит! - буркнул от забора внимательный дед Тудор, и спросил. - Так собрался ты, наконец? Италия Италией, а без кочерыжек не видать нам тепла…

Серафим послушно закончил утренний туалет, набросил на себя клетчатую, как у ковбоя, рубашку, и пошел за велосипедом Тудора, бурча что-то на ходу.

- Спрягаю глаголы, - снова нехотя признался он, уловив удивленный взгляд старика, - а как же? Языковой практики нет, так хоть грамматику назубок выучу.

Дед, покачав головой, ничего не ответил, и стал нажимать на педали все сильнее. Гул послышался громче. Заинтересованные Тудор с Серафимом ускорили шаг и езду, и вышли, наконец, на край села. Здесь, за последним домом на небольшом, с пару квадратных километров, плато, они увидели двадцать сельчан… выстроившихся возле небольшой, но настоящей трибуны! На ней стоял приятель Серафима, Никита Ткач, и дирижировал. При каждом взмахе руки он что-то выкрикивал, после чего собравшиеся проговаривали хором несколько фраз. Причем, что было удивительно, - поскольку остатки сельской библиотеки сельчане пропали под снегом, ветрами, палящим солнцем и дождем еще лет десять назад, - каждый держал в руке по

книжке! По целой, и новой на вид книжке! Было понятно, что творится какая-то непонятная чертовщина…

Серафим еле успел подхватить подмышки Тудора, буквально выпавшего из велосипеда, и мужчины, - старый и молодой, - застыли в изумлении. А рядом с ними лежал, скрючившись, как старая молдавская акация, велосипед, и колеса его крутились, пустым своим верчением напоминая серому небу гончарный круг…

- Камень, - кричал Никита Ткач, - это…

- Снаряд для игры, - ревел хор, поглядывая в книги, - весом 19,960 килограмма и диаметром 31 сантиметр!

- Внимание! - поднял руку Ткач. - Именно 31, а не тридцать, или, к примеру, двадцать девять! Будьте внимательны к мелочам, ясно?

- Ясно!!!

- Продолжаем, - орал Ткач. - Дом. Что есть дом?

- Дом есть круг диаметром 3,6 метра, в который ставятся камни, - дружно отлаяли собравшиеся.

- Энд? - вопрошал Никита с интонацией автора Апокалипсиса.

- Та часть игры, - скандировали слушатели, - в течение которой команды поочередно запускают 16 камней. Игра состоит из 10 эндов!

- Что есть скип? - каверзно вопрошал Никита, зажмурившись.

- Не что, а кто! - укоризненно и хором поправляли своего главу толпившиеся у трибуны сельчане. - Скип есть капитан команды, ведущий игру.

- А вице-скип? - задавал совсем уж легкий вопрос Никита. - Есть что?

- Не что, а кто! - опять укоризненно, и, конечно, хором ответствовали собравшиеся. - Это игрок, как правило, стоящий на другом конце дорожки, за домом, и помогающий скипу вести игру!

В раскрытые рты ничего не понимающих Серафима и деда Тудора залетели по два жаворонка, и, сплетя по гнезду, снесли там яйца. Оставив птенцов пищать, птицы улетели в остывающее поле за пропитанием. Колеса упавшего велосипеда все крутились. Никита Ткач, уловив боковым зрением сторонних наблюдателей, приосанился. Люди глядели на него с обожанием. Со стороны все это напоминало

сборище первых христиан, слушающих своего пророка или апостола, и повторяющего за ним. Да это и были первые христиане. И Никита благовествовал им о граде божьем. Вернее, о способе туда попасть.

- Делаем перерыв для терминов, - кричал он, свесившись с трибуны, - и слушаем, что я скажу. Запомните, попасть в Италию через туристическую фирму, гиблое дело. На жуликов нарвемся, как в прошлый раз, и снова потратим огромные деньги! Которых, кстати, у нас нет. Так ведь?!

- Угу, - загудела одобрительно толпа.

- Значит, нам нужно сделать так, чтобы нас пропустили в Италию безо всяких денег. А кто путешествует без денег, но никто не чинит им препятствий? Кто?

- Бродяги! - выкрикнул сельский пастух Гицэ. - Бродяги и попрошайки!

- Правильно, - кивнул Никита, - а еще дипломаты и спортсмены!

- Значит, мы будем дипломаты? - уточнил Гицэ.

- Мы будем спортсмены, - поправил его Ткач. - Причем настоящие! Если мы оформим документы на спортивную команду, и нам и вправду доведется попасть в Италию, нас задержит первый же полицейский! Потому что установить, что мы не спортсмены, будет легко. Так?

- Так! - отвечала аудитория.

- А стать командой по легкой атлетике, или плаванию, ну, или боксу, мы не сможем, - продолжал Никита, - потому что этим бизнесом давно уже занимаются федерации плавания, легкой атлетики, и бокса, и конкурентов они не потерпят! Да и, к тому же, мы не пловцы, не боксеры, и не бегуны. Верно?

- Совершенно, - покорно согласилась словно загипнотизированная Никитой толпа. - Абсолютно…

- Что есть абсолют? - вздохнул Никита, отучившийся когда-то два курса (второй и четвертый) в ветеринарном колледже. - Впрочем, я продолжаю. Итак, нам остается выбрать редкий вид спорта. Сколотить команду по этому виду спорта. Заняться им. И попасть на игры в Италию.

- Здорово! - поразились люди уму Никиты.

- А в Италии в ближайшую весну проходит только один чемпионат, - заключил Никита. - Чемпионат Европы по керлингу. И мы должны прорваться туда. А для этого нам надо выиграть отборочные этапы, которые будут в Молдавии, в Румынии, и на Украине. Итак, мы должны стать лучшими игроками в керлинг в нашем регионе!

- Да!!!

- Игроками без дураков! В керлинг - без дураков!

- Да-да-да!!!

- А что для этого нужно?!

- Знание правил, и терминов! Умение играть, и самоотдача!

- Все верно! - кричал Никита. - Молдаване! Добрые люди! Оставьте свои никому не нужные поля, потому что ваша земля ничего не рожает. Бросьте ваши плуги, и тяпки. Лопаты и сапы. Оставьте всяк свой убогий двор, и записывайтесь в мою команду по керлингу, ибо это единственный ваш шанс попасть в нашу страну обетованную, в Италию!!!

- Да!!! - вопили обезумевшие от восторга последователи Никиты.

- И именно по этому я на последние сто евро выписал из Ясс тридцать самоучителей игры в керлинг! - кричал Никита. - Правда, все остальное нам придется делать своими руками. Все, все! Форму, камни, клюшки! Это будет нелегко. Готовы ли вы?

- Да!!!

- Еще бы! Готов и я, потому что за испытаниями будет… Что?!

- Италия!

- Я не слышу?!

- И-та-ли-я!

- Я хочу услышать от вас не это! - пришел в экстаз сам Ткач. - Я хочу знать, что есть свипер?!

- Не что, - привычно поправили вождя последователи секты керлинга села Ларга, - а кто! Это есть игрок, натирающий лед перед скользящим камнем. Таких игроков в команде два!

- Да! - вопил Никита. - Дро?!

- Постановочный бросок, целью которого, - нараспев отвечали люди, - является установка камня в доме без контакта с камнями соперника!

- Тейк-аут? - наклонял голову Ткач.

- Выбивающий бросок, - без запинки отвечал хор. - Преследует цель выбить камень противника из дома. При этом свой камень, в зависимости от избранной тактики, либо остается в доме, либо тоже уходит в аут.

- Гард? Кто такой гард? - снова хитрил Никита.

- Не кто, а что! Камень-защитник, ставящийся перед домом и мешающий сопернику в выполнении его задач!!!

Жаворонки, накормив вылупившихся птенцов редкими и сонными червями из остывшей земли, тщательно почистили перышки во рту Серафима, и защебетали. Тот, словно очнувшись, бережно вынул изо рта подросших птиц. Сделал так и Тудор. Отпустив жаворонков, мужчины молча поглядели, как птицы кувыркаются под осенним солнцем. Жаворонки купались в ледяном его свете, будто призраки русалок, играющие в тонущей под паром воде реки Прут.

- Наша цель? - спрашивал Никита Ткач. - Какова она, братья?

- Италия!!! - дружно отвечали сельчане.

- Да, но сначала наша цель, которая и приведет нас в Италию, - объяснял Никита, - это овладение игрой керлинг. Наша цель - попасть пущенной по льду битой в виде диска с рукояткой, в вычерченную на нем мишень! Итак, какова наша цель?

- Попасть пущенной по льду битой в виде диска с рукояткой, в вычерченную на нем мишень!

- Аминь! - проревел Никита.

Наконец, кувыркнувшись напоследок, птицы пропали, и Тудор поднял свой велосипед, колеса которого уже не крутились. Серафим молча помог ему, и мужчины ушли в поле, собирать остатки сухих стеблей кукурузы, чтобы растопить ими печи во мраке наступающих зимних вечеров.

А жаворонки полетели искать других ротозеев.

ххх

Возвращались дед Тудор и Серафим вечером уставшие и злые. Дорога, бежавшая перед ними, желтела серо-желтыми листьями иссохшей кукурузы. Конечно, никаких листьев на дороге не было, но мерещились они сельчанам постоянно. Как и весной им отовсюду подмигивали зеленые ростки помидорной рассады. Как и летом синели да зеленели повсюду виноградные гроздья.

- Это не поле нам мерещится, - говорил дед Тудор, - это сама работа нас преследует повсюду.

Серафим пнул банку "Кока-колы", выброшенную из окна промчавшего мимо автомобиля, и сказал:

- А ты говоришь, оставаться. Что мы здесь видим-то? Грязь, нищета, паскудство. И ведь быстро опустились. За какие-то двадцать лет, что Союз распался.

- При Союзе, - крутил педали, не раскрывая глаз, дед, - тоже плохо жили, ты просто молодой, и не помнишь ничего. А я помню. Грязь, нищета и паскудство были здесь всегда.

- Значит, - настаивал Серафим, - надо уезжать. Вот в Италии…

- Заладил, Италия, Италия, - рассердился Тудор. - ты лучше скажи, слышал что про Марию, которая повесилась?

- Да, - вздохнул Серафим, - когда хоронят?

- Для начала снять бы ее.

- А что, не сняли?

- Висит на акации, вот уже три недели, - сокрушенно поведал дед, - а муж снимать не хочет. Говорит, покачивания тела действуют на него успокаивающе.

- Тьфу, - сплюнул Серафим, - нелюдь.

- Все мы люди, - философски признал дед, - все человеки, и его пожалеть надо. Без трактора ведь человек остался.

- То трактор, железяка, - возмутился Серафим, - а то человек!

- Для него, - осадил молодого друга Тудор, - трактор не просто железяка. Он для него все! Как для тебя твоя Италия!

- Сравнил тоже! - совсем уж разозлился Серафим. - Италия, прекрасная страна, легкая работа. Деньги, чистота, музеи, картины, пицца, и какой-то промасленный трактор!

Дед помолчал, а потом выдавил:

- Эх, Серафим, Серафим, легкомысленный ты, и ветер у тебя в голове ночует, потому тебя Марчика и бросила. Женщине ведь что нужно в жизни? Ей якорь нужен. Чтоб как железный был, тяжелый, и не сомневался. А у тебя в голове ветер, ветер, да Италия твоя.

- Ну, хва… - попытался перебить собеседника Серафим, но дед твердо решил закончить.

- Для тракториста-то этого трактор это мечта его. Как для тебя - Италия. Вот о чем я. Я трактор да Италию как мечты сравниваю. А не как - трактор с Италией. Понял?

- Ну, да, - кивнул ничего не понимающий Серафим.

- То-то. А то сразу чушь несешь…

Велосипед подъехал к дому Вельчевых, и мужчины спешились. Серафим пошел за дом, поглядеть на Марию, а Тудор вежливо, но настойчиво, постучал в дверь. Василий, позевывая, вышел из дому, скептически оглядев гостя.

- За Машкой? - сразу спросил он.

- За ней, - подтвердил цель визита Тудор. - Я вот орехов привез…

Через час пламя, разведенное прямо посреди двора, тенью колыхалось на стене дома, сложенного из смеси глины, соломы и конского навоза. Мужчины сидели вокруг костра, выгребали, не спеша, палками орехи из золы, кроили их отвердевшими от работы в поле пальцами, и ели сладкую сердцевину. Сладкие орехи запивали кисловатым вином, давить которое, Мария была мастерица…

- Мастерица была Мария, вино давила самое лучшее под каленый орех, - сказал задумчиво Тудор, и отпил из стакана, после чего протянул его Василию. - Такое вино можно вместо витаминов в аптеках продавать!

- Да уж, - согласился Василий, и крикнул за дом, - слышь, жена, тебя сельчане хвалят!

Поржав немного, Серафим и Василий под неодобрительным взглядом Тудора хмыкнули, и снова пустили стакан по кругу. На четвертом литре в игру вступил Серафим.

- Пойми, - просительно глядя в лицо Василию, сказал он, - не поймут наше село, если в округе будут знать, что во дворе дома болтается покойница. Мы станем отщепенцами!

- Мы и есть отщепенцы! - отрезал Василий, нелогично добавив. - Да еще и без трактора!

- Купим мы тебе новый трактор, - попытался утешить односельчанина Серафим, - вот попадем в Италию, накопим денег и купим!

- Далась мне эта Италия! - рявкнул Вася. - Вот и жена все уши прожужжала. И что, чем все кончилось?! Обманули вас. А почему? А потому, что простых людей всегда и все дурачат! Мы, понимаешь, жертвы. Олухи царя небесного. А, наливай!

- Слово даю, - крестился Серафим, - сам тебе денег пришлю. Дай только похоронить Марию по-человечески. А то висит, в жуть всех бросает. Ну, зачем тебе это?

- Да не очень-то нужно, - признался Василий, - я уж думаю, что погорячился, когда сказал, что не прощу ее ни за что. Мне тут кум из Алексеевки неподалеку старенький автомобиль обещал отдать, без двигателя. Так я двигатель соберу, кой чего налажу, и трактор сделаю!

- Получается, - вздохнул дед Тудор, - погорячились вы.

- Погорячились, - подтвердил Василий, и крикнул в ночь. - Слышишь, Маша, погорячились мы с повешением-то!

- Ну, а раз так, дай нам ее похоронить, - осторожно попросил Тудор. - Мы скоренько. Разве ж тебе нужно, чтобы она под самым домом висела?

- А нет, - махнул Василий, - проку-то от нее и от мертвой никакого. Даже вороны, и те не пугаются, в огород лазят. Разве что… А, да чего тут рассказывать. Лучше сто раз видеть, чем пару слышать. Или как там? В общем, сейчас покажу!

Василий сорвался с места, и, покачиваясь, забежал в подвал. Серафим и Тудор на всякий случай прикрыли друг другу спину, и положили вилы поближе. Также Тудор накалил в огне один конец

толстой дубины, чтоб, если что, сразу пьяного Василий ослепить. А тот выбежал, наконец, из подвала, с новым кувшином вина, и замусоленной тетрадкой. Поставил кувшин на землю, хлебнул, передал, - уже без стакана, - расслабившимся собутыльникам, и торжественно тетрадь раскрыл.

- Я тут по колебаниям ее тела, - поднял палец Василий, - розу ветров Ларги составил!

ххх

К февралю в Ларге решено было провести первый турнир по керлингу. Из-за отсутствия ледового катка, - зима выдалась чрезвычайно теплой, и иссохшие стебли кукурузы еще больше сохли по сараям, в тоске по жарким объятиям огня, - решено было сыграть на земле. А под камень, который игроки толкали, подсунули доску с колесиками, мастерил которую тракторист Василий. Игру назначили на полдень, и собравшихся не смутило даже, что мини-турнир, как адское наваждение адской Италии, заранее проклял сельский священник, отец Паисий.

- Итак, - объявил сельчанам, одевшимся в самое нарядное платье Никита Ткач. - Тяжело в ученье, легко в бою. Пуля дура, штык молодец. Хочешь в Италию, умей саночки кат… в смысле, диск перед собой толкать. Все готовы?
- Все! - закричали игроки.

И по свистку игра началась. Правда, камень, который керлингисты Ларги должны были заводить в игру, весил не то, чтобы положенные 20 килограммов. Скорее наоборот, он весил неположенные сто пятьдесят килограммов. Просто сельчане решили, что для максимальной эффективности тренировки необходимо проводить ее в тяжелейших условиях. Чтобы потом попасть на международный турнир наверняка.

Никита следил за игроками с трибуны, которую сколотил сам, с изрядным волнением. Ежеминутно Ткач полоскал горло водой из

пыльного графина, который нашел в Доме быта несколько лет назад. Графин был треснутый, но паутинка трещины на его толстой стенке лишь красило сосуд, как седина - виски почтенного старца. Графин и стакан, соединившись, дребезжали. Дребезжало и сердце Никиты, когда он увидел, как первый игрок в керлинг Села Ларга ведет первый диск керлинга села Ларга на поле во время первого турнира по керлингу в селе Ларга…

- Диск завожу! - выкрикнул нападающий, и с разбегу стал толкать перед собой камень. - Расступись!

Игроки команды стали тщательно натирать землю перед камнем настоящими швабрами, которые имитировали клюшки для керлинга. Теоретически, они разглаживали лед, по которому воображаемый диск должен был покатиться еще быстрее. Нападающий приналяг, но камень быстрее не катился. Ведь швабры лишь бороздили землю.

- Швабры бороздят землю! - крикнул Никите один из игроков, порядком поднадоевший Никите тем, что очень часто задавал наводящие вопросы. - А ведь клюшки лед разглаживают, а не бороздят.
- А ты разглаживай землю шваброй! - предложил Ткач.
- Как же я могу ей землю разглаживать, - удивленно сказал надоедливый игрок, глядя на швабру, утыканную гвоздями, - если…

Никита набрал воздуха в легкие, чтобы осмеять неуча, и объяснить, что швабры утыкали гвоздями специально, чтобы тренировка была еще тяжелее. Но не успел, потому что объяснять через минуту уже было нечего и некому…

- Разгладить землю, если швабра в гвоздях, - удивился игрок. - Это же невозмо…

После чего умер, придавленный камнем, который опрокинулся с доски. В наступившей тишине Никита хлебнул из стакана воздуха, - потому что стакан был пуст, а наполнить его Ткач забыл, - и нетвердо спустился к камню. Из-под того текла бурая, смешавшаяся с землей кровь.

- Наверное, сразу отмучился? - предположил кто-то.

- Надо проверить, - хриплым шепотом отозвались из задних рядов. - Вдруг сможем спасти? Хотя…

- Камень не снимать, - решил Никита, - здесь пусть и лежит. Как лежат в море затонувшие подводные лодки…

Игроки сняли шапки, и помолчали. Из-под камня еще несколько часов раздавались хрипы, но люди уже возвращались по домам. Да и не стал бы никто спасать беднягу. Ведь он уже стал легендой… Чуть позже импровизированную могилу уже второй жертвы мечты об Италии села Ларги обнесли невысоким заборчиком. Верхушку камня, как чело Спасителя, увенчали шваброй с гвоздями. Отец Паисий, как священник Молдавской Митрополии отпевать покойного отказался.

Но как священник Митрополии Бессарабской, которая прямо ни в чем не признает Митрополии Молдавской, отпел.

ххх

В старые времена, когда сельчане еще не мечтали об Италии, но были, по крайней мере сыты, Ларга славилась на всю Молдавию двумя достопримечательностями.

Первая - троллейбусный парк.

Первый троллейбус появился в селе Ларга в 1970 году, за десять лет до появления здесь же колеса обозрения. Троллейбус здесь пустили из-за того, что район стал чемпионом республики по сдаче эфиромасличных культур. И ему начислили премию в размере пятнадцати миллионов рублей!

- Пятнадцать миллионов рублей, - сказал председатель колхоза, потрясая поздравительной телеграммой в руке, - и почти миллион выделяют на Ларгу.

После этого известия многие сельчане разбрелись в задумчивости. На что тратить деньги, предстояло решить всем миром. Это упрощало задачу. С другой, неимоверно ее усложняло.

- Если на эти деньги купят новые трактора, - рассуждали в одном дворе, - значит, счастья привалило трактористу Василию, а как же общество?!

- Купить на них кормов да семян, - рассуждали в саду, - значит, снова все государству отдать. А сколько можно на него вкалывать?!

- Коровник построить не дадим! - решали у клуба. - Дочка председательская - главная доярка, с чего ей подарки такие делать?

- Дороги уложить? - сомневались еще где-то. - Ну, а нам-то с них что?

Поэтому никто сразу не возразил, когда на собрании сельский дурак, и, по совместительству кандидат в доктора сельскохозяйственных наук, агроном Дыгало, предложил:

- А давайте пустим в селе троллейбус!

Предложение это только на первый взгляд было смешным. А по зрелому рассуждению оказалось весьма привлекательным. Ведь запуск троллейбуса не давал поводов к зависти. Не лил воду ни на чью мельницу. Не делал ничью жизнь лучше. А значит, устраивал всех.

- Всем обществом решаем, - постановили в Ларге, - закупить троллейбус, протянуть линию, и ввести в расходы колхоза выплату зарплаты водителю троллейбуса.

Спустя месяц по трехкилометровой Ларге колесил троллейбус с совершенно ошалевшим кишиневским водителем, которого за плохое поведение на партсобраниях сослали в провинцию. Остановок на линии было три. В конце линии был выстроен импровизированный троллейбусный парк в виде огромного сарая, будки для диспетчера, бухгалтера, скамейку для контролера и кондуктора. Ездил автобус с рогами, - как окрестили в Ларге троллейбус, - строго по расписанию. Раз в полчаса. Двусмысленность ситуации не смущала никого…

- Прекрасно, что в селах республики, - постановили в Кишиневе, - население тянется к прогрессу во всех областях.

К счастью, денег на проведение ветки метров в Ларге союзное правительство, - инвестиции для республиканского были слишком большими, - не нашлось.

Постепенно сельчане к троллейбусу привыкли. В 1976 году в селе даже появился первый троллейбусный карманник! Асоциальный элемент Петря Иванцок специализировался на кражах ценных вещей в час пик. О том, что единственный карманник села - Петря, знали все. Поэтому его ежедневно избивали, вытащив из троллейбуса, в час пик, все пассажиры. На этой почве Петря совершенно сломался, стал инвалидом и физическим и духовным, и в 1980 году написал письмо в ЦК КПСС с просьбой признать его ветераном труда. Почетным, и с правом на повышенную пенсию.

Удивительно, но просьбу его удовлетворили, и Петря получал повышенную пенсию почти два года, прежде чем в отделе писем ЦК разобрались, что произошло. А когда разобрались, то, чтобы не привлекать внимания к своей ошибке, велели начислять Петре пенсию еще больше!

Постепенно Иванцок, - единственный житель села Ларга, на судьбу которого троллейбус повлиял плодотворно, - впал в старческий маразм, начал рассказывать подросткам о своем героическом прошлом, и сам в него поверил. В общем, занял место сельского идиота, и по совместительству кандидата в доктора

сельскохозяйственных наук, агронома Дыгало. Тот умер пятью годами раньше, так и не пережив персональной пенсии Иванцока. А тот постепенно занял место Дыгало в жизни села.

В 1982 году район, совершенно неожиданно для себя, стал чемпионом республики по сбору урожая табака. За это правительство республики выделило ему 20 миллионов рублей. Поседевший от повторного удара председатель, опять вышел к людям.

- Двадцать миллионов рублей, - сказал председатель, в руке которого, словно одинокий и палый лист на дрожащей осенней зяби Днестра, мелко колыхалась телеграмма, - и почти два миллиона выделяют на Ларгу…

Было бы все это в нынешнее время, сельчане сразу бы постановили - деньги тратить на переезд в Италию, всем обществом. Но тогда еще жилось еще плохо, но не то, чтобы уже кошмарно. Поэтому люди разбрелись по домам совсем уж удрученные. Предстояло решить задачу похлеще, чем раньше. Ведь троллейбус у них уже был! На что же тратить деньги? Да так, чтобы никому обидно не было…

Поэтому никто сразу не возразил, когда на собрании сельский дурак, и, по совместительству, бывший карманный вор Ларги, и персональный пенсионер правительства СССР, Петря Иванцок, предложил:

- А давайте построим в селе парк аттракционов с огромным колесом обозрения?!

Так Ларга обзавелась второй достопримечательностью.

Со временем, конечно, парки, - и троллейбусный, и аттракционов, - пришли в упадок. Люльки колеса обозрения растащили по дворам, сделав из них беседки. Коня с детской карусели предприимчивый дед Тудор приспособил флюгером на крыше дома. Правда, конь был тяжелый, и не крутился от ветра. Цепи с аттракциона "Ромашка" расхватали по хозяйству механизаторы всех окрестных сел. В куполе "Бешеного мотоциклиста" по ночам, - передавали друг другу на ухо девки, хихикая и краснея, - такое вытворялось…

А после того, как советская власть в Молдавии пала, в село назначили священника, отца Паисия. Тот предал анафеме аттракционы, как дьявольское скоморошество, и строго настрого запретил всем православным христианам переступать даже ограду бывшего

развлекательного парка. И торжественно сжег остатки колеса обозрения. Поскольку люльки сняли заранее, о колесе никто не жалел…

- А троллейбусный парк, - решил Паисий, тогда еще вполне счастливый со своей Елизаветой, белевшей телом в разрезе ночных рубах, - мы, пожалуй, оставим. Приспособим троллейбус для нужд Всевышнего.

По замыслу Паисия, на троллейбусе можно было возить по селе чудотворные иконы, и просить у Бога то дождя, то солнца, в зависимости от очередных природных катаклизмов, мешающих крестьянину собрать небывалый урожай. Многие роптали, и говорили, что при советской власти молебнов не было, а урожай был.

- Это потому, - объяснил молодой, и честолюбивый священник, - что при советах мы продали душу дьяволу, и за это он ниспосылал свои дьявольские урожаи!

Аргумент был безупречен и выверен, поэтому спорщиков не нашлось. Троллейбус выдержал три крестных хода, после чего выяснилось, что помимо урожаев, дьявол ниспосылал проклятой советской власти еще и электричества вдоволь. А без него, как выяснилось, троллейбус не ехал.

- Тогда будем его толкать, - с энтузиазмом, потому что его место в любом случае было в салоне, объявил Паисий. - Господь поможет!

Но эта затея спросом не пользовалась, и крестные ходы стали в Ларге традиционными. Паисия, с детства ненавидевшего прогулки, это расстраивало. Правда, сейчас он бы согласился на сто, двести, тысячу крестных ходов в год! Лишь бы его супруга вернулась к нему, сам он попал в Италию садовником, - имевший отдаленное о работе в саду представление Паисий думал, что это приятная и непыльная работенка, - а супруга и детки при нем. Где? Конечно, в Италии. Ведь там, по слухам, был рай. Оставалось выяснить, как туда попасть отцу Паисию, и как наскрести необходимые для этого четыре тысячи евро.

Ведь за единственную ценную вещь в церкви, чудотворную икону Николая Страстотерпца, священнику давали всего пятьсот евро. А сам храм в залог кишиневские ломбарды не принимали. Не то, чтобы в ломбардах смущались статусом здания… Это-то как раз никого не останавливало. Паисий доподлинно знал, что под залог церкви вполне можно получить кредит на отдых, жилье и образование. Некоторые банки даже разработали рекламную компанию для священнослужителей Молдавии с предложением такого кредита.

Просто, мучительно остро вспомнил свое унижение отец Паисий, в ломбардах приводили один аргумент, который сейчас батюшка в черное от безысходности и ночи окно и прошептал:

- А церквушка-то - неликвид…

ххх

На крыше дома, под большим колесом, где невозмутимо глядели друг на друга чета аистов, сидели двое мужчин. Печник и хозяин дома.

- Положи руку на трубу! - попросил печник.
- Горячо же, обожгусь, - нехотя сказал хозяин дома. - Горячий…
- Клади! - крикнул Еремей.

Хозяин осторожно приблизил руку к трубе. Потом, осмелев, положил ее. Затем, удивленно засмеявшись, сунул руку в трубу по самый локоть.

- Холодный! - изумленно выкрикнул он. - Дым холодный совсем!
- Ледяной, - улыбнулся Еремей, - настоящий, холодный дым. Вот он. Бери его рукам, трогай. Раз потрогать можно, значит, настоящий

Для печника Еремея из села Алексеевка мир делился на две части. То, что есть, и то, что выдумали люди. В числе первого было село Алексеевка, он сам, которого Еремей мог потрогать руками, его инструмент, печка, жена Лида, дочь Евгения, трава в поле, земля в поле, колодец, в котором по вечерам тонуло солнце, а по утрам вновь

из него выбиралось обсушиться, да проветриться в небе. В категорию выдуманного Еремей, не мудрствуя особо, относил паранормальные, на его взгляд, явления. Такие, как привидения, честный районный агроном, победа олимпийской сборной Молдавии в Китае в 2008 году, и… Италия.

- Нет ее, никакой этой Италии! - категорично заявлял он в доме очередного клиента, шлепнув мастерком глину резко, как последний аргумент. - Все это выдумки банды международных аферистов!

- Как же так? - удивлялись самые грамотные. - Ведь Италия существует на карте мира.

- Я вам на карте, - хмыкал Еремей, - что хочешь нарисую. Нет, конечно, страна такая, может, и есть. Но наши работники там явно не нужны. Все это грандиозное надувательство!

Изумленной публике, - а послушать Еремея в селе собирались часто, потому что он был человек уважаемый, - печник объяснял. Хоть и говорят все об этой Италии, и что, мол, в нее уже 200 тысяч молдаван уехали, но разве кто-то из здесь собравшихся ее, эту Италию, видел?

- Мне, - робко встревал кто-то из слушателей, - сосед говорил, что у его родни из Маркулешт в Италию сын уехал. Каждый месяц по двести евро шлет!

Но Еремей предавал неосторожного спорщика осмеянию, предполагая, что мальчика из Маркулешт давно уже распродали на органы. Слушатели изумленно ахали, а Еремей, любивший поговорить во время работы, споро слагал печку. Как древнерусский сказитель - песню.

- Понятное дело, они, аферисты эти, на продаже мертвого тела кучу денег заработали, - поднимал он мастерок, - а кого-то из них совесть мучает. Вот они крохи родителям-то и присылают.

- Какие же крохи, если двести евро в месяц?! - пытался подловить кто-то Еремея на явном несоответствии.

- Для нас это сумма, - усмехался Еремей, - а для них крохи!

Люди грустно замолкали, представив, сколько же денег должно быть у тебя, чтобы двести евро были крохами, а Еремей откладывал инструмент и шел пообедать. Ел он всегда дома, а вернувшись, продолжал разговор, словно и не было почти часового перерыва.

- Конечно, - несколько смягчался он после еды, как и всякий мужчина, - я не думаю, что 200 тысяч молдаван продали на органы в этой Италии. Наверняка кто-то и выжил. Но их, я полагаю, держат в заточении. И силой заставляют работать! Зарабатывают на них миллионы… Нет, миллиарды! А какие-то крохи шлют их родственникам.

- А зачем? - удивлялся хозяин дома, где Еремей работал, - ведь они все равно в рабстве.

- А чтоб лишних вопросов никто не задавал! - отвечал уже подумавший об этом печник, любуясь произведенным на людей эффектом.

Эффект и вправду был. Еремей был не только неожиданным, остроумным и оригинальным оратором, - воскресший Цицерон Алексеевки, так назвал его перед смертью сельский учитель, - но и блестящим печником. О его печах слагали легенды. Все знали, что дым из трубы над печью, сто сложил Еремей, выходит совершенно холодным. А это значило, что все свое тепло он отдал дому. Соперники не раз пытались подглядеть, как именно выстраивает этот печник сложные ходы дымохода, но всякий раз запутывались, и горько плакали, бессильно скрежеща зубами. Еще бы! Одна печь стоила почти двести леев[2]. И это давало основания считать Еремея весьма зажиточным человеком. Настолько, что к нему даже вламывались в дом несколько раз воры. Но, ничего не найдя, уходили с пустыми руками.

- Где ты прячешь деньги, - спросила печника жена после очередного неудавшегося ограбления, - что они их никак найти не могут?

- Гляди сюда, - таинственно поманил Лиду Еремей, и показал пальцем. - Только никому не слова!

Оказалось, что все ценности Еремей хранил в печке, прямо под огнем. Но сложил он печь так умно, что место, где полыхало пламя, всегда было холодным. Подивившись уму мужа, Лида еще раз благословила Бога за то, что тот ее с правильным мужчиной свел, и отправилась в поле работать. А Еремей пересчитал деньги, и сложил их под огонь, не обжегшись. Это было второй его тайной, которую он даже жене не открыл: огонь с ним ничего поделать не мог, а только гладил кожу, как добрый хозяин - кошку. Потом распрямился, вспомнил об Италии, о которой только все и говорили, да фыркнул. И услышал шаги.

- Папа, - сказала подошедшая сзади дочь Женя, - одолжи четыре тысячи евро. Я в Италию на работу уехать хочу.

ххх

После новостей об озеленения города Бельцы, отстреле бездомных собак в Сороках, и пресс-конференции премьер-министра в местной газете, настала очередь непременной теперь Италии.

- По данным института Института сотрудничества и развития Италия-Молдова, - гнусаво забубнил диктор молдавского телевидения, - число молдавских граждан, незаконно работающих в Италии, может достигать 200 тысяч человек! Председатель Института Дойна Бабенко отметила во вторник на пресс-конференции, что Институт предпринимает меры по поддержке молдаван незаконно находящихся в Италии, но по…

Раздосадованный Еремей выключил телевизор, и прошелся по комнате, сунув руки в карманы. Развенчивать миф об Италии ему стало теперь не совсем прилично. Ведь там, в городе Болонья, работала сейчас его дочь. Удивительно, но Женя добралась до Италии, позвонила оттуда, сказала, что место рабочее для нее нашлось, и стала потихоньку возвращать долги родителям. Выходит, Италия существует? А думать, что ничего такого нет, а деньги ему шлет международная мафия торговцев человеческими органами,

распилившая его дочь на части, Еремей как-то не хотел. Тем более, что Женя регулярно звонила, отчитывалась, что ест, как живет, не курила, и была весела. Еремей был счастлив, потому что дочь любил, но с поры ее отъезда как-то ссохся и помрачнел. И не из-за разлуки с дочкой…

- Эй, Еремей, - так как это нет никакой Италии, - если там сейчас твоя дочка Женя. Или нет никакой дочки Жени у тебя? А?!

И провожали печника дружным гоготом. Тот от расстройства не только похудел, но даже перестал спать, и работал как-то нервно и неровно. Брака Еремей не допускал, но многие заметили, что дым из его печей стал выходить чуть тепловатым. А, значит, печка не все тепло себе и дому, и людям оставляла. Злопыхатели даже провели эксперимент. Съездили в райцентр, и украли из тамошнего медпункта градусник. И сунули прибор в трубу дома, где печь Еремей после отъезда дочери выложил. Через сутки градусник вынули.

- Плюс два выше нуля, - торжественно объявил другой печник села, Анатол Ткачук, - по системе Цельсия!

Правда, клиентов у него после этого все равно больше не стало, потому что дым от печей Анатола выходил температурой плюс двадцать по системе Цельсия. Но все в селе поняли, что Еремей стареет, и, того глядишь, утратит былое мастерство.

- Послушай, Еремей, - сочувственно сказал как-то приятель печника, фермер Постолика, - почему бы тебе не признать, что ты был несколько не прав, когда утверждал, что нет никакой Италии. Люди, они ведь не звери. Они все поймут, и простят. И, может, перестанут над тобой насмехаться.

- Дело-то не в людях, - признался Еремей, - а во мне самом. Понимаешь, все обрушилось будто. Получается, я много лет рассказывал людям сказки?..

И уж тем более укрепились люди в этом мнении, когда по селу пошел слух, что погостить к родителям, - из Италии! - приезжает

Женя. Случай был уникальный, ведь до сих пор самое большее, что было в контактах между молдаванами в Италии и их родственниками - телефонные переговоры, да денежные переводы! К встрече дочери Еремей приготовился основательно, и даже сложил в ее честь маленький переносной камин. Правда, дым из него шел чуть-чуть, но тепловатый…

xxx

…жена печника Лида вышла из дома на цыпочках, и пошла топиться. Но Еремей знал, что река их у села глубиной от силы полметра, и что прекрасно плавающая жена ну никак не утонет. А жаль. И самому бы утонуть, подумал печник в отчаянной тоске, да сил не хватит. Тосковать было от чего. Встретив вечером, дочь на железнодорожной станции, - приехала, как принцесса, наряженная да с большими деньгами, - родители нарадоваться на приезд Жени не могли. До тех пор, пока она им не рассказала, чем там занимается. А на все вопли материнские, да молчаливый злой взгляд отца, сама зло кричала:

- Ну и что?! Да там все наши, кто помоложе, этим занимаются! А даже если и не открыто собой торгуешь, то все равно с хозяином будешь спать, если захочет! А куда деваться. Домой?! Куда?! Это - дом?! Эх, дома вы настоящего не видели! Это-то не дом, это грязь, дыра, да вечное унижение, Молдавия наша! В Кишинев еще куда ни шло, так ведь на квартиру там денег надо скопить, а где их здесь соберешь?!

Была она вся в отца, и слова бросала резко, как плитку на печь, как делал Еремей, чтоб она, плитка, легла ровно да прочно. И с каждым словом дочери спина его становилась прямее, хоть и понимал, что позора не миновать…

- А что мне здесь делать? - продолжала Женя. - Ненавижу грязь эту, ненавижу все здесь, тоскливо и постыло мне все тут!

Мать рыдала, печник угрюмо глядел на пламя, и дочь пошла спать. Лида пошла топиться, но через час вернулась от реки мокрая, и заплаканная. Еремей напоил ее чаем пустырника, от которого спят, как дети, и утром в спальне Жени долго любовался лицом жестоко обидевшей их, но горячо любимой дочери.

А на рассвете дочь задушил, и сжег в самой мощной своей печи, где металл для механизаторов обжигал, сжег не только ее, но и самый ее пепел. Проснувшейся к полудню Лиде объяснил, что дочь по своей воле уехала. Жена, правда, удивилась, но была так расстроена и слаба, что спорить не стала. Со временем она сомневаться в том, что Женя уехала, перестала и снова во всем верила мужу. Даже словам его о том, что Италии нет. Поверили ему и в селе. Как тут не поверишь?! Ведь даже дочь скептика Еремея, которая должна была приехать, не приехала. И звонить со временем, как все из Италии, перестала…

А к лету Еремей сложил печь, из которой холодными кусками валил самый что ни на есть черный туман. Который, в отличие от Италии, можно было и рукой потрогать. На сельском сходе торжественно объявили:

- Минус десять ниже нуля по системе Цельсия!

ххх

Село Минжир Хынчештского района было знаменито на всю Молдавию тем, что здешние жители частенько продавали почки. Причем собственные. Таких людей в селе насчитывалось уже тридцать. Время от времени в село наезжали корреспонденты "Би-Би-Си", "Радио Свобода", и журнала "Шпигель", от которых раз в полгода начальство требовало сенсаций, и делали репортаж из села. За бутылку коньяка репортеры передавали друг другу координаты Минжира, и его достопримечательностей - Василия Мырзу, который продал сразу две почки за три тысячи долларов и "Запорожец", Георгия Стынча, обменявшего почку на лошадь и 200 килограммов овса, и многих других. Жили сельчане плохо, и, что самое главное, больно - ведь, как говорили врачи, без почки долго не протянешь…

- А вот этой мы поглядим, Рассвет! - подмигнул другу дед Ион Сандуца. - Еще не раз весь мир удивится тому, как простой молдаванин всех перехитрит! На том стоял наш народ, и стоять будет, на смекалке и хитрости. Ну, что скажешь, приятель?

Друг глядел одобрительно, но молчал. Ответить Иону он ничего в любом случае бы не смог, потому что свиньи, а Рассвет был свиньей, не разговаривают. По крайней мере, при людях. Но это Иона не смущало. Ведь Рассвета он рассматривал исключительно утилитарных целях, как источник… органов для трансплантации.

Началось все в 1999 году, когда в село в очередной раз приехали гости из Израиля. Непонятные личности, среди которых было двое врачей, - по их словам, - убеждали сельчан продать почку. Все знали, что это обман, потому что в 1997 году почку продали четверо минжирцев, и вместо обещанных 8 тысяч долларов каждому на руки дали всего по три тысячи. Поэтому село знало - приезжие это обманщики! Постановили всем обществом на провокации не поддаваться, и почки больше не продавать.

… а поздно ночью в дом, где остановились агитаторы из Израиля, по одному прокрались четырнадцать человек, среди которых был и дед Ион…

Всех их в тот же месяц вывезли в Румынию, где сделали операцию, и очнулся дед он на белой, как снежное поле ранней весной, простыне, в запахе эфира, как доктор Живаго. Правда, книги об этом докторе дед не читал, поэтому ему казалось, что он просто очнулся среди запаха эфира. В руку Иону сунули скомканные купюры, вывели, пошатывающегося из палаты, вытолкнули на улицу, и дверь захлопнули.

- Пять тысяч долларов! - восторженно сказал дед, пересчитал двоившиеся в руках купюры прямо на улице, ничего не боясь, потому что был все еще под воздействием эфира. - А обещали девять. Почти не обманули!

Правда, чуть отойдя от наркоза, дед понял, что в глазах действительно двоится, и денег меньше - две с половиной тысячи долларов. Но и это было здорово! Глядя на жирных тараканов, шастающих под ногами пассажиров железнодорожного вокзала Бухареста, дед мысленно крестился и пел осанну Господу. Который, без сомнения был молдаванином.

- Конечно, Бог молдаванин. А иначе стал ли бы Он помогать молдаванину же?! - прошептал Ион.

Тут к нему подошел полицейский и оштрафовал неизвестно за что на пятьсот долларов, которые дед отдал, чтобы не лишиться всей суммы. Иону стало понятно, что Бог не только молдаванин, но и в некотором роде румын. Противоречие снялось, когда Ион вспомнил о родственных связях этих двух народов.

Еще сто долларов ему пришлось отдать проводнику за право ехать в Кишинев на третьей полке. Сто отстегнул молдавскому таможеннику, и еще двести - на вокзале в Кишиневе трем хмурым мужчинам, которые требовали денег от всех приезжих. На вокзале было темно, и полицейские еще не проснулись, поэтому дед Ион благоразумно заплатил. Дома он посчитал оставшиеся деньги, и в который раз перекрестился.

- Две тысячи долларов! - тихонько воскликнул Ион. - На всю жизнь хватит!

За три месяца дед справил свадьбу внучки, одни крестины двоюродного племянника и похоронил сестру. Деньги закончились. А спина Иона болела все сильнее. За год дед постарел на десять лет, и поехал в Кишинев, справить себе искусственную почку за государственный счет, как ветеран труда. В Кишиневе над дедом посмеялись, и посоветовали купить гроб и место на кладбище. По возвращении в село Ион заказал на дом с пенсии, - которую полгода не трогал, - всякую литературу медицинского толка. На почте соврал, что

хочет поступить в медицинский колледж, над чем все немедленно посмеялись.

- Смеетесь, кретины, - шептал дед, сжимая в руках увесистый пакет книг, - а я над вами посмеюсь, когда дед Ион снова с двумя почками, здоровый и крепкий, жить будет, а вы подыхать станете!

Вернуть почки дед Ион собрался необычным путем. Где-то он слышал, что людям пересаживают органы животных. Вот и себе Ион решил пересадить почку. Выбирая животное для этой почетной миссии, Ион остановился на свинье. Ведь ее органы, - уже хорошо знал просветившийся Ион, - очень похожи на человеческие. Правда, было одно "но"…

- Люди, которым пересаживают органы свиньи, со временем могут приобрести физические качества этого животного, - говорил в передаче "Здоровье", какой-то засранец с белом халате. - Таков итог моих многолетних экспериментов. Я проводил опыты с нашими биологическими предками, с обезьянами, пересаживая им различные органы свиней. После этого у некоторых обезьян наблюдалось изменение поведения в свинскую сторону. В частности, они стали менее разборчивы в еде. Начали питаться чуть ли не всем подряд. Я допускаю, что с человеком может произойти нечто подобное!

Дед Ион едва было, не расстроился, но потом подумал, что лучше быть живой и грязной свиньей, чем мертвым и чистым джентльменом. Предприимчивый пенсионер провел ревизию собственных средств, и, объединив капиталы от пенсии с вырученными от проданного последнего мешка кукурузы деньгами, купил поросенка.

- А звать тебя я буду Рассвет! - сказал он горделиво миленькому поросенку, хрюкавшему в загончике. - Потому что ты будешь символ новой жизни. Как рассвет убивает ночь, так твоя почка отдалит мою смерть, и продлит жизнь!

Не подозревающий о своей благородной миссии Рассвет с удовольствием сожрал миску каши, приготовленную дедом, и

завалился спать. В загончике Иона ему нравилось. Кормил дед сносно, к тому же, давал поросенку вино.

- А как же! - объяснил дед сам себе. - Я ведь буду егойной почкой пользоваться. Поэтому нужно сызмальства приучать ее к моему обычному рациону.

К сожалению, курить папиросы "Жок", поросенок так и не научился. Зато вино хлебал с удовольствием. Было видно, что будущая почка деда Иона приживется в новом теле без особых проблем. Это радовало Иона. Шло время, и поросенок мужал. Все шло по плану. Оставались детали. Самое важное, понимал Ион, было разрезать брюхо Рассвета так, чтобы не повредить почки свиньи. А потом - пересадить. Особенно дед Ион любил мечтать об этом, когда приходил к Рассвету на рассвете.

- А почку, - рассуждал он вполне со своей точки зрения здраво, - я себе сам засуну. А что? Выпью сто грамм для анести… в общем, храбрости, сделаю разрез, да засуну. Она и прирастет там. Небось, организм тоже не дурак. Все чует и понимает. Кости-то у людей срастаются!

Дед понимал, что риск велик, но выбора у него не было. Операция стоила бешеных денег, и делали ее только в Швейцарии. Продай дед еще одну почку, денег бы ему хватило только на первичное обследование. Рассчитывать приходилось только на себя и на Рассвета.

… июльским утром дед Ион понял, что пора пришла. Несмотря на прохладу, день обещал быть жарким до невозможности. В синем, как кобальтовый чайник жены Иона, небе не плыло ни облачко. С каждым днем Ион терял силы. Как объяснили врачи, в жару с одной почкой особенно тяжело… Потрепав Рассвета по морде, дед уже кабана кормить не стал, чтобы желудок почку не сдавливал, и стал прямо в сарае, готовиться к операции, которую наметил к вечеру. Поставил стол. Установил на стол графин с крепкой, - с севера, из под Бельц, самогонкой, - и два стакана. Пить-то будет не с кем, но с одним стаканом как-то не по-людски. Разложил на столе полотенце, достал

банку огурчиков, чтоб закусить наркоз. Взял остро отточенный нож и начал убивать Рассвета.

- Прощай, друг, - без сантиментов быстро полоснул дед по горлу ожидавшую кормежки, и потому доверчивую свинью, - ну, здравствуй почка!

И мощным ударом ткнул забившегося в судорогах Рассвета в сердце. Кабан еще немного подергался, и затих. Дед осторожно вытащил из свина почки, и положил их на ледник. Туда же и тушу притащил, чтоб мясо не пропадало. Теперь, - как следовало из научной литературы, - почки должны были немного охладиться. Совсем теплыми их пересаживать не дело. Умыв руки, дед Ион перекрестился и пошел в поле работать. Вечером, когда жара спала, вернулся, но зашел не в дом, а в сарай. Достал нож, вздохнул, выпил стакан самогонки, занес нож, снова вздохнул, выпил еще стакан, занес нож опять, выдохнул, и сильно полоснул себя по боку. Зажимая рану руками, побежал к леднику, и… не увидел почек.

- Ион, - крикнула ему от дверей жена Настя, - хай давай в дом. Я те почки, что ты вырезал, уже приготовила. Еще теплые, давай скорей, пальчики оближешь! Ион… Что… Ион, что с тобой?! Ион!!!

Роняя кровь, кишки и слезы, дед пополз к Насте, чтобы зарезать и ее, но на полпути, прямо посреди двора, умер. Вскрытие показало, что Ион Сандуца, 1927 года рождения, скончался от потери крови и болевого шока, но обе почки у него были на месте.

А вот желчный пузырь, половина печени, одно легкое, два желудочка сердца и, почему-то, аппендицит, отсутствовали….

ххх

На конкурсе рецептов газеты "Молдова суверана", приуроченных к Женскому дню 8 марта, победило письмо из Хынчештского района. Победа тем более уникальная, что это же (!) письмо победило в

литературном конкурсе газеты "Молдова суверана" на самое лиричное письмо читательницы.

- Возьмите две свиные почки, одну столовую ложку растительного сала, два стакана бульона, треть стакана крепкого, как сердце мужчины, самогона, - писала читательница Анастасия Сандуца, - да еще половину яблока, столовую ложку белой, как саван, муки, и сахарной соли по вкусу.

Вымочи почки, писала Настастья, в пяти водах, как рождение ребенка в слезах своего сердца, вотри в них соль, как воспоминания об обиде - в раны своего сердца, и оставь их копить сожаления в кухне, не забыв прикрыть марлей. На второй час предай их смерти, или крещению, это уж как пожелаешь, - утопи в чистой воде, утопи, не жалея, - ведь они воскреснут в кипящей лаве воды на огне. Когда сварятся, и станут мягкими, как ты за неделю до замужества, безжалостно порежь их ножом острым, как ярость, холодным, как лед, серым, как сталь.

Разбросай кусочки сваренных почек по блюду, как косточки невинных младенцев, побиенных Иродом, были разбросаны по Иерусалиму. Возрыдай над ними, и не дави в сердце печаль, а зажги лучше свечу, и проведи огнем ее по свежей зелени, чтобы всякую заразу убить. Ибо огонь крестит, как и вода, но огонь действеннее.

- И пока почки остывают, - продолжала свое грустное, как песнь о Миорице[3], письмо Анастация Сандуца из села Минжир Хынчештского района, - приготовь соус, густой, как река в половодье, пряный, как срамной запах самых укромных уголков тела твоего…

Подари кастрюле немного солнца от масла подсолнечника, смажь ее шрамы, и как только масло согреется, осыпь его мукой, налей бульона, крепкого, - как сердце сельского мужчины, который не умеет любить словами, но умеет делами, - самогона, и крошеное яблоко.

Когда соус закипит, полей им почки, и дай поплыть, дай остыть, дай оплавиться.

- А потом, - писала Настасья, - поцелуй свои руки за то, что так сготовили, да и заплачь.

Ибо нет с тобой того, кто бы мог съесть это, нахваливая, съесть быстро и жадно, не замечая оттенков вкуса, съесть ласково, съесть вместе с тобой. Первое письмо читательницы называлось "Рецепт почек в крепком соусе". Второе - "Плач по ушедшему возлюбленному мужу". Победив, Анастасия получила за оба конкурса один, но главный приз.

Живую свинью.

ххх

Консульство Италии в Румынии работало, как обычно. Пять секретарш в большом и просторном помещении, накрасив губы, пускали солнечные зайчики налакированными ногтями. Время от времени они прерывали это увлекательное занятие, и брались за документы. Просьбы об открытии виз делили на молдавские и румынские. Румынские рассматривали, а молдавские штамповали печатью с большим словом "ОТКАЗАНО".

- Удивительно, но это так, - устало повел по волосам рукой консул Паоло Микеланджело Буонаротти, - ни одному гражданину Молдавии по сегодняшний день не выдано визы с разрешением на пребывание в нашей стране. Я уж не говорю о туристических визах, или рабочих. Тем не менее, их у нас двести тысяч. Вы осведомлены о масштабе этого явления, мой друг?
- Моя кухарка молдаванка, - мягко ответил собеседник, невысокий седой мужчина с грустными глазами и взглядом комиссара Катани в последней серии фильма "Спрут", - за моей парализованной теткой ухаживает молдаванка, а дорогу у моего дома укладывают чернорабочие - молдаване.
- Так и есть, - хлопнул собеседника по колену, от чего тот поморщился, Буонаротти, - они как тараканы. Расползлись, и ничего с ними не поделаешь.

- Совершенно верно.
- Бедная Италия!
- Вы правы!
- У меня волосы встают дыбом, когда я думаю о русских!
- Разве мы с ними опять враждуем?
- Да нет, я имел в виду другое. Что в России - молдаван -нелегалов в два раза больше, чем у нас. У русских их четыреста тысяч!
- О-ля-ля!
- Вы что, француз?!
- По матушке. Вас это смущает?
- Нисколько. Так что русским куда хуже, чем нам.
- Да уж, они совсем бедолаги.
- С другой стороны, русских гораздо больше, чем итальянцев. И в соотношении на душу населения у нас молдаван, может, и не меньше.
- А может, и так.
- Так что не такие уж они и бедные, эти русские.
- Совершенно верно.
- Может, мы даже беднее, чем они. Как считаете?
- Совершенно с вами согласен.
- Что омерзительно, молдаване же еще и считают, что без них мы пропадем, потому что некому будет, как сказал мне один особо наглый работяга, наше говно убирать!
- В точку!
- Что?!
- В смысле, ваше замечание в точку, а не наглый блеф этого молдаванина.
- Благодарю вас. Я ответил ему в том смысле, что природа пустоты не терпит. Там, где перестанут быть 200 тысяч молдаван, появятся 200 тысяч марокканцев, албанцев, сербов, поляков, или кого там еще. Говно всегда есть кому убрать. Как полагаете?
- Поражен глубиной и точностью вашего замечания.
- Скоты…
- Вы отказали этому нахалу в визе?
- Само собой. Как он вообще на собеседование прорвался, не понимаю. Есть же указание, всем отказывать на стадии запроса.
- Я думаю, это справедливое…

Консул предложил собеседнику "Голуаз", и оба закурили.

- Мы прекрасно понимаем, - нарушил молчание Буонаротти, - что этим нашествие молдавских рабочих не остановишь. У нас хорошо, в Молдавии плохо, вот и все. Поэтому они будут ехать к нам всегда. Нелегально. Но если мы не будем отказывать им в визах, то они переберутся в Италию всей страной!

- Ужасно, - содрогнулся собеседник, - действительно ужасно…

- А так, по крайней мере, - объяснял консул, - они оставляют дома стариков, детей и самых непредприимчивых. И вынуждены отсылать им деньги, чтобы хоть как-то содержать на родине.

- Это не наши проблемы, - сухо заметил собеседник консула.

- Вы правы. Итак, наша задача, никому не давать никаких виз. Никому. Дадите визу хоть одному человеку, вас завалят прошениями. Я отказывал в визе сборной Молдавии по водному поло, которая ехала на турнир в Милане, и это были действительно ватерполисты, я уж знаю. Мы не пустили в Италию группу молдавских парламентариев. Отказали в визе группе журналистов. Как-то не пропустили целый симфонический оркестр, приглашенный в Рим самим синьором Берлускони!

- Сурово…

- Но что поделать. Уверяю вас, попади все вышеперечисленные в Италию, пусть даже визит их и не был надуманным, они бы все равно остались у нас!

- Вот как?!

- Да. Кстати, хотите раскрою тайну? Только никому ни слова! Знаете, почему протокольный отдел там, в Риме, все никак не организует встречу Берлускони с молдавским президентом Ворониным? Знаете, почему эти встречи в Италии намечались, а потом откладывались на неопределенный срок?

- Неужели?..

- Да, да, мой друг. У нас есть совершенно точные сведения, что вся президентская делегация Молдавии, с самим президентом, покинет ночью отель в Риме и разъедется по Италии устраиваться на работу. Кто асфальтоукладчиком, кто пастухом на ферме, кто горничной…

- Бог мой!

- Ерунда. Только представьте себе, президент Воронин сам собрал со всех, кто попал в делегацию, по четыре тысячи евро! Это обычная такса торговцев людьми за одно рабочее место в Италии, и дорогу туда! Сам президент!

- О, мой бог, - ошарашено повторял собеседник, - бог мой…

- Но это ерунда, потому что и с самого президента Воронина взяли четыре тысячи евро!

- Не может быть!

- Еще как может. Четыре тысячи евро он заплатил за то, что, когда попадет в Италию, его здесь устоят в пиццерию, помощником повара!

- Невероятно…

Буонаротти с удовольствием взглянул на собеседника, - консул обожал удивлять людей, - и еще раз утвердительно покачал головой. Потушил сигарету, и стал передавать преемнику дела. Самого Буонаротти повышали по службе - его ждала должность посла в Албании. Новый консул спросил уже только вечером, покраснев:

- Скажите, вы не приходитесь родней самому…

- Скульптору? - рассмеялся теперь уже бывший консул. - Нет, право. Сколько ни искал родственников, не нашел. Все дело в том, что мой батюшка большой поклонник флорентийца.

- Понятно, - сказал собеседник.

- Вы разочарованы, - улыбнулся бывший консул.

- Отнюдь, - удивился преемник, - почему же?

- Разочарованы, - подтвердил Буонаротти, - я же вижу. Все разочаровываются, когда узнают. Ведь всем кажется, что человек, которого зовут Микеланджело Буонаротти, не может не быть родней человека, которого звали Микеланджело Буонаротти.

- Вы, как всегда, проницательны, - признался новый консул, - простите меня.

Буонаротти улыбнулся, и встал у окна. Через его правое плечо в лицо новому консулу глядела, подмигивая и вечерея, центральная площадь Бухареста.

- Также я никогда не занимался скульптурой, - сообщил площади, вздохнув, Буонаротти, - и плохо рисую.

- Простите, - консулу было очень неловко, - что раз.. .

- Пустое, - махнул рукой Буонаротти, так и не поворачиваясь к собеседнику лицом, - вернемся к нашим молдаванам. Знаете, из-за того, что все они находятся в Италии нелегально, они страшно боятся выезжать из нашей страны.

- Потому что на границе их занесут в "черный список", и Италия им никогда больше не светит, - подтвердил новый консул.

- Совершенно верно, - кивнул Буонаротти. - Единственное, что им остается, это пересылать деньги домой, писать письма, да звонить иногда. Поэтому в Молдавии, представьте себе, циркулируют слухи о том, что де, Италии нет.

- Бред какой-то, - пожал плечами консул, усаживаясь в кресло у стены. - Вы позволите присесть?

- Прошу вас, тем более, что вы уже сели, да и место теперь это ваше… Они уверены, что в настоящей Италии о молдаванах знать не знают. А та Италия, где, якобы, пропадают 2000 тысяч молдаван, это миф. То ли выдумка банды международных аферистов, которые так воруют людей, то ли фантазия. Массовая галлюцинация.

- Почему же они едут?

- Потому что на их родине дела обстоят так плохо, - пожал плечами Буонаротти, - что они готовы сбежать оттуда даже в черную дыру космоса, в концлагерь, или в Саргасово море международных преступников и авантюристов.

- Из огня, - продемонстрировал знание русских поговорок новый консул, - да в полымя.

Буонаротти кивнул, и распахнул приоткрытое окно настежь. По комнате заюлил вертлявый, словно цыганский вор, бухарестский ветер. Старый консул постоял еще немного у окна, после чего попрощался с преемником, и пошел домой. За воротами посольства кружились обертки от чипсов, орехов и мороженого. Значит, подумал бывший консул, снова здесь прогуливали уроки дети из школы поблизости. Пнув обертку ногой, Буонаротти с тоской вспомнил детство, и постоянные насмешки однокашников. А все отец, и дурацкое имя, черт бы их вместе побрал!

- Нормальный же человек не назовет своего сына, - пробормотал он аргумент, который бормотал вот уже сорок лет, - Леонардо да Винчи. А?!

Впрочем, отец его был другого мнения. Придя домой, Буонаротти оглядел комнаты, в которых все уже было собрано, и осторожно открыл тайник, о котором горничные не знали. Вынув оттуда сто двадцать тысяч евро, он спрятал деньги в карман, и усмехнулся.

В последний день своей работы бывший консул продал визу со штампом "РАЗРЕШИТЬ" для команды по керлингу. Там все было чисто. Разведка доложила, что это и впрямь команда по керлингу, и они действительно хорошо играют, и твердо намерены участвовать в соревнованиях, а потом уехать на другие соревнования, в Пекин. Разумеется, Буонаротти не был продажным человеком, и его мучила совесть. Но иного выхода у него не оставалось. В предыдущие годы Буонаротти изрядно потратился на игру. А ему нужны были деньги для того, чтобы раз и навсегда решить одну большую проблему. Имя. Смена имени было бы постыдным бегством. Поэтому он нашел единственный способ победить злую волю и насмешку отца.

Сорокалетний Микеланджело Буонаротти собирался выучиться на великого скульптора.

xxx

Василий Лунгу с детства был увлечен механизмами. Все, что сделано руками человека - от маленького пластмассового зайца, барабанившего передними лапками по спине черепахи, глаза которой сверкали, а из головы неслось пение, до сложной конструкции кишиневской телевизионной вышки, - приводило его в восторг. Это тем более удивляло его родителей, что сам Вася, как и двадцать поколений его предков, был коренным сельским жителем.

- Ничего, кроме земли мы, Лунгу, не видели, - недоуменно разводил руками отец, - а вот мой пострел только к механике и

тянется…

С пяти лет руки Василия утратили аромат земли, свойственный всем, кто встает еще до того, как самые ранние петухи проснутся, и покрылись маслянистым налетом. Постепенно пальцы мальчика потеряли чувствительность, из-за ссадин, царапин и ран, которые то и дело он сам себе наносил по неосторожности инструментом. В десять лет Василий, все лето отстояв на поле с табаком, купил на собранные деньги маленькие тиски, набор напильников, паяльник и пилу-болгарку. Отец его за это немножко побил, но после того, как Василий починил телевизор, гонять сына за странное увлечение перестал. А когда началась пропаганда механизации, уж тем более, неповадно стало сына стыдить за то, чего от него, и всех молодых людей республики желала Советская власть. Правда, иногда в своей любви к механизмам Вася доходил до крайностей.

- Слышь, отец, - поманил председатель как-то отца Василия на серьезный разговор за угол дома, - сдается мне, что сын твой замыслил такое…

- Какое? - поразился отец. - Что он, кроме шестеренок своих, замыслить может? Да и как шестеренку замыслить-то?

- А ты ступай за мной, да погляди, - зловеще грустно сказал председатель, после чего отцу Василия стало как-то особенно неуютно и одиноко на пыльном дворе.

Прокравшись к сараю, где Василий занимался техническими работами, мужчины осторожно приоткрыли дверь и заглянули внутрь. Самого Васи в доме не было, работал в поле, потому можно было не бояться. Но все рано было боязно. А вдруг в сарае - адская машина?..

…А ведь примерно она там и оказалась! Онемев от ужаса, председатель и отец Василия глядели на странную конструкцию, напоминающую три этажерки, поставленные друг на друга непонятно чего ради. Напомнило все это председателю, о чем он и не преминул шепотом заявить, огромный старинный корабль, с обилием парусов. Отцу это не напомнило ничего, кроме ссылки в Сибирь, которую он, тогда совсем еще ребенок, еле пережил с родителями-кулаками.

Правда, вслух об этом крестьянин не вспомнил - ссылал-то их в Сибирь нынешний председатель, а чего хорошему человеку худое напоминать?..

- Интересно, что это? - вместо этого сказал он. - Уж не тряпки какие-то на фанере, да с рейками?

- Да уж тряпки, и на фанере, и с рейками, - ядовито поддразнил председатель, - так ведь что толку-то, если мы самого главного не знаем?

- Чего? - испугано спросил отец, и сердце его сжалось, потому что сына он любил, и сердце у него после Сибири было жалостливое, а глаз слезливым. - Чего мы с тобой не знаем?

- Мы с тобой не знаем, - стиснул зубы председатель, нахмурившись, - ЦЕЛИ, с которой твоим преступным сыном был создан этот преступный аппарат.

- Слушай, Коваль, - сказал, смелея от трусости, отец Василия, - ты сыну дело не шей. Чай, двадцатый съезд уж прошел. И вас, сталинистов, мы всех разоблачили. И сына моего на мучения на Север куда отправить, как ты нас отправил, я тебе не дам, понял?!

- А что, - искренне обиделся председатель, - глядишь, отправим куда, а он перевоспитается.

- Я тебя, - со слезами на глазах, потому что снова вспомнил себя маленького в Сибири, сказал отец Васи, - сейчас вилами в бок перевоспитаю.

И аккуратно притиснул председателя вилами к стене сарая. Несколько минут мужчины глядели друг на друга, а под ногами у них мелькали шустрые, как блохи, сельские куры. Глаза у отца Василия побелели, и он начал на вилы давить. Правда. От страха он сам умирал. Ведь он, - в чем никогда и никому не признался, всю жизнь был не мужчиной, а дубиной поломанной. Всего боялся, и по ночам часто плакал, когда вспоминал своего отца: тот возвращался в поселение с окровавленными от рабской работы рукам и, и кусал губы, пока мать раны жиром мазала… Как мать шишки по ночам, чтоб никто не видел, собирала, и лущила, а семена толкла и в хлеб добавляла…. Как кончились к январю припасы, а зима в Сибири долгая, и брат, любимый брат его, пятилетний Гриша, от голода опух, животик у него

расперло, и лежал под забором, и все просил мамку поесть, а потом замолчал…

Глядя на своих давно умерших, - едва из ссылки вернулись, - родителей, отец Василия с глазами, полными слез, почти лег на вилы. Председателя пока спасала папка.

Коваль сначала удивился, потом испугался, и ситуацию попробовал разрядить.

- Ну, может, он и не вредитель, сынок-то твой, - умиротворяюще пробурчал он, - может, его по ошибке в кружок троцкистов приняли, вот он и сварганил это…

- Да что ЭТО?! - снова заплакав, спросил отец парня, - может, здесь и нет ничего такого!

- Да ты погляди внимательно-то, - снова осмелел председатель, - ну, как такая штука не может быть чем-то опасным, подозрительным и крамольным?

Отец Василия вздохнул, опустил вилы и присел на корточки, вглядываясь в сынов агрегат. Что уж говорить, выглядел он чем-то опасным, подозрительным и крамольным. А значило это только одно. Сына посадят. Сердце отца сжалось, и навсегда замерло. С тех пор он и заикаться немножко начал, и губа у него нижняя то и дело подрагивала. Председатель с удовольствием наблюдал за тем, как односельчанин его страдает, и жалел, что нет у него возможности сфотографировать это, и повесить фото на доске позора у правления Ларги. Ведь в глубине души Коваль так и остался сталинистом, и двадцатый съезд ему был нипочем.

- А что это вы тут делаете? - удивился Василий, застыв на пороге сарая. - Папа? Товарищ пре…

И не успел он договорить, как отец его свалился ему в ноги, рыдая, и начал просить:

- Ох, Вася, Васенька, скажи, что ты затеял? Против советской власти что надумал? Что это за адская машина тут у тебя?! Покайся! Пошли вместе в райотдел, сдадимся. Тех, кто сдается, долго не мучают! Ох, кровинушка, что ж ты…

- Явку с повинной пусть напишет, - деловито предложил председатель, усевшись на корточки, - у меня вот и бумага есть, и ручка. Только в самом низу пусть обязательно укажебт, что это я, председатель Коваль, помог бдительностью своей его козни разоблачить!

- Укажет, укажет, - рыдал, корчась, отец Василия, - все укажет, только ЕГО не мучайте, ЕГО оставьте, идолы, сына моего единственного…

- Идолов, - высунул язык председатель, который уже что-то строчил, - тоже в протокол занесем…

Василий сначала не понимал, а потом все сообразил, и рассмеялся. Распахнул окно сарая, и куры из него повылетали все, и пух их, и воздух свежий влетел, и смеялся Василий так долго, и так заразительно, что с глаз отца его будто кто бельма срезал. И понял он, что времена уж нынче не те, и расстреливать его сына единственного никто не будет, и не сделал он, - комсомолец и отличник по физике, химии и математика, а литературу, что ж, литературу они подтянут, - ничего плохого. Понял это и председатель Коваль, а потому с сожалением порвал донос и протокол, которые уже составил. Вася, отсмеявшись, подошел к странному агрегату, вызвавшему столько подозрений у бдительного председателя, и сказал:

- Тяни за мной на сельскую площадь, падла, первую советскую копию первого самолета братьев Райт!

ххх

- Перед нами, - начал лекцию семнадцатилетний, и очень красивый Василий, чем-то похожий на вошедшего тогда в моду Григория Григориу, - первая точная советская копия первого самолета братьев Райт, товарищи! И, следовательно, товарищи, перед нами первая копия первого самолета в мире!

Толпа уважительно молчала, глядя, как Василий, не спеша, ходит вокруг странного агрегата, мало похожего на самолет, с указкой. Но против лекции никто не возражал, потому что за нее освободили от работы в саду и в поле. Неподалеку от сельчан с довольным видом прохаживался руководитель районного ДОСААФ, счастливый из-за того, что в подведомственном ему селе объявился механик-самородок.

- Что представляет собой, товарищи, самолет товарищей Райт? - спросил Василий, язвительно добавив. - Принятый некоторыми товарищами за странный и подозрительный агрегат?

- Васенька, - тихо и умоляюще шепнул Коваль. - Милый…

Вася злорадно улыбнулся, и продолжил лекцию. С председателем они порешили так. Василий ничего про вредительский замысел Коваля объявить первую советскую копию самолета братьев Райт никому не расскажет. Но Коваль за это на самолете пролетит вторым пилотом.

- Ты, падла, не бойся, - кряхтел Василий, когда они с Ковалем тащили самолет к сельсовету. - Механизм как часы работает, я уж проверял. Полетим невысоко, метрах в двадцати над землей. И недолго, километров с пять. Потом вернемся.

- Вася, я высоты боюсь, - скулил председатель, - не надо…

- Боишься, падла, - кивал никогда не матерившийся Василий, - и правильно. Но я с тобой ведь полечу. Так что не убьешься.

- Вася, я высоты бо…

- Знаю. Поэтому и полетишь. Чтоб тебе, животное этакое, хоть так все слезы моей семьи, и моего убиенного дяди Григория отлились!

- Вася, - утирал слезы Коваль, - ты же говоришь как антисоветчик!

- Нет, - улыбался Василий, - это ты антисоветчик, потому что едва не объявил подозрительным агрегатом первую советскую копию самолета братьев Райт! Которую я сделал тайком, чтобы порадовать руководство МССР и лично товарища Бодюла. А потом и руководство СССР и лично товарища Брежнева. А ты, падла, хотел помешать радости товарищей Брежнева и Бодюла. И кто ты теперь после этого?

- Антисоветчик, - шептал пораженный Коваль, - простите меня, люди…

Самолет они притащили, и Коваль отправился в кабинет, докладывать районному начальству про самородка Василий Лунгу, которому семнадцать, который вступил в ДОСААФ и сделал первую советскую копию самолета братьев Райт, чтобы порадовать партию, товарища Бодюла и товарища Брежнева. Начальство в Кишинев отрапортовало и порешило самолет везти по Молдавии, чтобы поразить людей и заразить молодежь стремлением в небо. А первую лекцию порешили провести в Ларге, на родине самородка Василий Лунгу, которому семнадцать, который вступил в ДОСААФ и сделал первую советскую копию самолета братьев Райт, чтобы порадовать партию, товарища Бодюла и товарища Брежнева…

… председатель вспомнил о полете, и всхлипнул. Но в душе он понимал, что прокатиться на самолете - ерунда за все то, что он сделал семье Василия. Поэтому плакал на всякий случай и для порядку. А Василий все говорил, и постепенно слушатели увлеклись. Ведь от молодого Лунгу никто такого красноречия не ожидал!

- Правда, товарищи, я вам только что соврал, - грустно сообщил Вася. - Соврал односельчанам, соврал товарищам из района, и своим друзьям по комсомольской организации.

- Ах, - поразились все, - ах…

- Я сказал, - широко улыбнулся Вася, тряхнув непокорной прядью смуглых волос, - что перед нами самолет. Но я соврал, и это не самолет!

- Ах, - испуганно поразились зрители.

- Ах, - радостно взялся за сердце председатель Коваль, и потянулся в карман за листиком для протокола и доноса.

- Перед нами, товарищи, - тыкал указкой Василий, - не совсем самолет, а планер-биплан, только немного больших размеров и более прочный!

- Ох, - облегченно веселились в толпе.

- Ах, - горько восклицал Коваль, - ах…

- А бензиновый мотор, мощностью в двенадцать лошадиных сил и весом около ста килограммов, устанавливается на нижнем крыле, - все говорил Вася под горделивым взором отца. - Рядом вы видите люльку

для пилота с управлением рулями. Знаете, сколько развивает мотор этой машины-копии?

- Больше, чем наши трактора? - задорно восклицали парни-механизаторы. - Не может быть!

- Может! - задорно отвечал Василий. - Мотор развивает полторы тысячи оборотов в минуту, и с помощью цепных передач вращает два толкающих винта диаметром три метра, расположенных симметрично сзади крыльев!

- Вот это да! - поражались механизаторы.

- А то ж! - смеялся Василий. - А теперь, товарищи, чтобы продемонстрировать вам эффективность этой машины, легкость ее в управлении, и красоту в небе, мы сейчас проведем экспериментальный полет!

- Ура! - ликовала молодежь. - Меня, меня возьми, Василий, меня!

- Нет, товарищи, - с сожалением поджал губы Василий, - я уже обещал первый полет нашему председателю, товарищу Ковалю. Наш совместный полет будет символизировать смычку комсомольской молодежи и старых, проверенных партийных кадров. Только товарищу Ковалю я могу предоставить место второго пилота в первой советской копии самолета братьев Райт, который мы изготовили, чтобы порадовать партию, товарища Бодюла и товарища Брежнева…

- Ура!! - с завистью ответила молодежь.

Коваля и Василия бросились качать. Уже от одного этого председателю стало плохо. Наконец, их опустили на землю, и Вася помог председателю надеть смешной шлем, и забраться на крыло, а потом и в кабину. Потом уселся сам. Группа молодежи потянула планер за канат, и разогнала его, после чего машина оседлала поток воздуха и… взлетела. Неуверенно, покачиваясь, но взлетела. С земли выглядело это так захватывающе, что отец Василия опять прослезился. Даже председатель Коваль был захвачен волнением и красотой открывающегося при наборе высоты вида, да так, что забыл о своих страхах.

- Ну, как, кровопийца? - повернулся к нему Василий, смеясь. - Не боишься уже?

- Нет, - улыбнулся Коваль, нащупывая в кармане листок для протокола, - уже не боюсь. Красота!

- А людей жрать каково было? - спросил вдруг Вася.

Да так серьезно и вдумчиво, что председатель, не ожидавший от семнадцатилетнего пацана такой прыти, похолодел.

- Это не от страха, - словно читая мысли Коваля, сказал Вася. - От потока восходящего воздуха.

- А, - радостно прокричал успокоенный председатель - а я уж было… Ты Вася пойми, время было такое. Да, наломали дров. А страну на ноги поставили!

- На костях дядя моего, который от голода в Сибири ребенком издох? - снова не по годам жестко спросил Василий.

- Ну, ты… - совсем уж растерялся Коваль. - Ну…

- Ладно, - прокричал Василий, - черт с вами, старики чертовы. Знаешь, я ведь тебя тоже обманул.

- Как? - радостно заорал председатель, потому что слышали друг друга они из-за ветра все хуже.

Самолет кружил над порогами Днестра, что на севере Молдавии глядят в небо дико, и белеют по сторонам от них известняковые холмы, как кости диковинных зверей, которые жили в здешних морях миллиарды лет назад…

- Я сказал, что это первая советская копия первого самолета братьев Райт, - проорал Василий, - но в первом самолете братьев Райт еще не было места для второго пилота. Мы с тобой, председатель, летим в первой советской копии второго самолета братьев Райт!

- Ерунда, - закивал Коваль, - пусть, пусть. Главное. Копия! Главное, партии на радость! Главное!..

- Ну, и, - продолжал Василий, все набирая и набирая на потоках высоту, - я тебя кое в чем еще обманул!

- Опять?! - удивился Коваль, и попросил. - А можно больше не подниматься вверх?

- Земля круглая, - захохотал Василий, - все относительно. Может, мы вниз падаем?

- Это как? - не понял Коваль.

- Да неважно, - махнул рукой Вася, самолет качнуло, и сердце председателя расползлось под рубашкой. - Так знаешь, в чем обманул-то?

- Говори уж, - попросил Коваль, - и давай спускаться.

- В том, что на втором самолете братьев Райт не было бомболюка, а на нашей, советской копии второго самолета братьев Райт он есть. Значит… что? Значит, это не копия и второго самолета братьев Райт.

- Да уж, - заюлил радостно далекий от авиации и ничего не понявший председатель, - да уж. Ну, а спускаться-то когда будем?!

- Ты? - повернулся к нему Василий, и обрадовал. - Уже сейчас!!!

И дернул рычаг люка. Медленно кувыркнувшись, - как аквалангист с лодки в море спиной, - Коваль понял, что падает, и сначала испугался, а потом обрадовался незабываемому чувству полета, а потом расстроился, потому что ведь летел он навстречу смерти, а за чертой, что ее от жизни отделяет, знал старый большевик Коваль, ничего незабываемого нет.

Да и вообще ничего нет. Ни большого хозяйства, ни партии, ни советской копии первого, второго ни третьих самолетов братьев Райт, ни опухшего от голода и издохшего от этого голода в Сибири засранца Гришки Лунгу, который нет-нет, да и приходил к председателю во сне всю его жизнь. Ни плачущих мужчин, ни смеющихся женщин, ни веселых парней, похожих на Григория Григориу, ни, страшно подумать! даже самого Григория Григориу нет! И Софии Ротару нет, и Надежды Чепраги, и даже товарища Бодюла там нет, а еще нет за той чертой, за которой смерть, винограда, ни солнца, ни стыда, ни доноса, а есть только большое и темное Ничего.

Но выяснить, так ли это, председатель уже не сумел. Перестав быть, и все тут, он не смог убедиться в том, что человек после смерти перестает быть. И все тут.

… при расследовании сошлись на том, что Коваль, опьянев от свежего небесного воздуха, и прекрасного вида, зазевался и упал сам. Тем более, что сам Вася еле посадил самолет, и тот был совершенно

изломан, и провести следственный эксперимент не получилось бы. Похоронили председателя на самом высоком холме у села. На плиту поставили мраморное пятиконечное надгробие с самолетом и звездой над ними. В газете "Независимая Молдавия" опубликовали величественный некролог под заголовком "Он отдал жизнь земле, а смерть - небу!"…

Республиканский ДОСААФ провел на следующий после смерти Коваля год торжественный турнир, который стал, как точно подметила республиканская пресса, доброй традицией. Молдавские пионеры слагали песни и стихи о простом сельском труженике, который 60 лет кормил СССР, наживая мозоли кровавые на руках, а в душе мечтал о небе. И, будучи уже пенсионного возраста, - до пенсии он бы себе такой порчи государственного имущества не позволил бы, - взлетел ввысь с молодым комсомольцем. И самолет их потерял управление, а комсомолец был неопытный, но товарищ Коваль сказал - будь спокоен, сынок, я спасу тебя, и выпрыгнул из самолета, чтобы тот сохранил равновесие, и не упал. И комсомолец сажал самолет, и плакал.

Школу, конечно, тоже назвали в честь председателя. И повесили на сельсовете мраморную доску с его портретом. Но это все было позже. А тогда, после трагедии, примерно через месяц, комсомольцу Лунгу выписали почетную комсомольскую путевку от греха подальше.

- Отправляем тебя, Василий, в школу трактористов, - торжественно объявил парню новый председатель. - Из трактора если кто и вылетит, так хоть не убьется!

ххх

Вспоминая это, Василий Лунгу и Серафим Ботезату выпили не один кувшин вина.

- А признайся, - улыбнулся Серафим, - ты ведь специально председателя из самолета выкинул!
- Нет! - перекрестился Василий. - Вот тебе крест. Православный, дивотворящий…

- Животворящий, - поправил Серафим, - а впрочем, какая разница, ты же все равно в бога не веришь.

- Был я на небе, - смеялся Василий, - и никого там не было.

- Тьфу- сплевывал, но больше для виду, Серафим, - ну, а скажи, в небо-то, небось, хочется еще?

- Нет, - врал Василий, - что мне с того неба? Я ведь тогда и правда, признаюсь, ради председателя все это затеял.

- Не боишься?

- Новые порядки уже двадцать лет, Серафим! Мне сейчас, за смерть большевика, небось и почетную грамоту дадут.

- Ничего тебе не дадут.

- Точно…

- Здесь…

- В смысле? Ты чего это сказать хочешь? - залюбопытствовал Лунгу.

- А то, - выпалил Серафим, - что человеку с такими руками, как у тебя, делать в Молдавии нечего.

- А, - махнул рукой Василий, - ты все об этом. Об Италии вашей, будь она неладна.

- Ладна, - не согласился Серафим. - Ладна, прекрасна и удивительна. Вот ты переправу нашу видел у Днестра? Грязная, куцая, не мост, а одно название. А в Венеции, знаешь, есть целый город на сваях. В море стоит. И везде мосты, мосты, мосты… Чисто, аккуратно. Красота неземная. Зарплаты огромные платят! Ну, скажи, не устроился бы ты лодочником?

- Грести, да мозоли нагребать? - пожал плечами Василий. - Мне мозолей и здесь предостаточно.. .

- Дурак, - упрекнул Серафим, - там же давно уже все лодки с моторами.

- С моторами? - мечтательно переспросил Василий, но потом покачал головой. - Нет. Не мое это.

- А еще, - давил, пока мягко был о, Серафим, - там заводы есть. "Фиат". И все там механизировано, все в масле, железо гремит, шумит…. Эх!

- В масле, - повторил Василий, - в машинном…

- Я бы тебя туда устроил, - вскользь заметил Серафим. - Мой знакомый из села Варзарешты в Италию еще пять лет назад уехал.

Недавно звонил. Попасть в Италию помочь не могу, говорит, а вот если выберешься, работу обеспечу. И тебе, и тому, кто с тобой.

- На "Фиате"?

- На "Фиате"!

Мужчины помолчали. Василий задумчиво вертел в руках велосипедную цепь. Куда ее приспособить, н еще не придумал, и надеялся посветить решению этой проблемы весь вечер. От этого его отвлек Серафим. Сначала Василий рассердился за это на приятеля, потом отошел.

- А как туда попасть-то? - спросил он Серафима угрюмо. - Снова деньги занимать? Никто не даст уж.

- А мы без денег.

- Это как? Христа Ради, что ли? Так попрошаек через границы не пускают.

- Зачем нам границы. Мы над границами пройдем.

- Это как? - тупо повторил Василий.

- Самолетом, - спокойно ответил Серафим, понявший, что Василий уже созрел, - самолетом, родной ты мой человек.

- Так на билеты деньги нужны, - раздосадовано закричал Василий, - а я тебе о них уже второй час толкую.

Серафим отпил вина, и потер руки.

- В этом самолете с нас денег не возьмут, - довольно объяснил он, - потому что это будет наш самолет. И сделаешь его - ты!

Ошарашенный Василий набрал в грудь воздуха, но выпустил его не сразу, а посидел еще неподвижно с минуту. Наконец, выдохнул, и снова вдохнув, поднял палец.

- Самолетом, - шепотом сказал он, - который построю я.

- Самолетом, - подтвердил Серафим, - который построишь ты.

- В Италию.

- В Италию.

- На "Фиат"?

- На "Фиат".

Василий помолчал, а потом начал говорить, оживляясь все больше.

- Та модель, которую я в юности построил, не сойдет. То была этажерка, и равновесие держала еле-еле. Нас в таком первый порыв ветра на землю собьет. Значит, будем строить самолет тяжелый. Очень тяжелый.

- А из чего? - деловито полюбопытствовал Серафим. - Материал какой возьмем?

Василий подумал, и решил:

- Украдем мой трактор.

ххх

Мариан Лупу, спикер парламента Молдавии с неожиданной для такого поста интеллигентной внешностью, с удовольствием разогнул спину, и вытер со лба пот.

- Марусь, а принеси мне водицы! - зычно рявкнул он супруге. - Испить водицы чего-то охота!

Жена, фыркнув, ушла за водой к колодцу. Вообще-то, вода на участке была и в скромном трехэтажном доме, подаренном спикеру президентом Ворониным при вступлении Лупу в должность. Вода была и в четырех беседка, установленных по углам обширного участка. Вода на любой вкус. Минеральная газированная, без газа, просто газированная, щелочная, дождевая, талая, роскошная "Перье" и скромная "Гура Кайнарулуй", вода сладкая, и с соком, с сахаром, и просто щербет, наконец, квас и пиво… Но Лупу требовал, чтобы жена непременно приносила ему воды из колодца. Ему нравилось смотреть на ее ладную спину, когда она, напрягая мускулы, крутит колодезный ворот, нравилось, как она, чуть сгибаясь, глядит, высоко ль уж ведро,

нравилось, как выхватывает она его из колодца, и несет, плеская себе на босые ноги, ему чистой колодезной водицы….

Разве же мог знать советник, что колодец его был наполнен теплой водой, в которой круглосуточно дежурил специально обученный аквалангист. Тот, завидев над поверхностью супругу Лупу, рывком насаживал на цепь вместо старого проржавевшего ведра, которое так любил советник, искусную имитацию - серебряное ведерко с позолотой в виде ржавчины, прикрытое наглухо специальной крышкой. При подъеме на поверхность воды крышка эта спадала, - само собой, в ворот был встроен специальный подъемник, и супруга советника только делала вид, что напрягается, - и Лупу получал специально очищенную в специальной лаборатории воду…

Но Лупу этого не знал, и с удовольствием следил, как жена несет ему водицы ведро. Кстати, звали супругу спикера вовсе не Маруськой, но разве имело это значения для главы законодательного органа страны, который желал опроститься и слиться с природой, и чтобы слияние это было в стиле а-ля рюс? Тем более, что это для Лупу было и своеобразной фрондой, - домашнего пользования, так сказать, - в свете ухудшившихся молдо-российских отношений.

- Молдо-российских отношения, и в свете молдо-российских отношений… - прошептал Лупу, и фыркнул, - что за чушь? Почему дипломаты никогда не пользуются нормальным, человеческим, языком? И вообще, разве есть язык нечеловеческий? Не чисто гипотетически, я имею в виду, конечно, а вполне конкретно, даже несколько эмпирически…

Тут любящий выспренние словесные построения спикер совсем уж запутался, и снова наклонился, работать. Мариан Лупу обрабатывал тяпкой картофельные грядки. Это тоже входило в его программу опрощения. И, хоть жена и ругалась, ей все же пришлось уступить несколько метров земли из-под своих цветов, - растил их, конечно, садовник, но она столько души в них вкладывала, бедняжка, что язык не поворачивался назвать цветы не ее, - для картофеля супруга. А тот с упорством, достойным похвалы, поливал эти грядки

потом. И искренне радовался тяжелой, непосильной работе крестьянина, в которой только, как сообщала пресс-служба об уик-эндах Лупу, и находит отдохновение истинный сын Молдавии, наш спикер…

Изредка, когда жена оставалась в Кишиневе, Лупу совершал на картофельные грядки набеги. Он специально не поливал растения жидкостью против колорадских жуков, предпочитая собирать полосатых гадин вручную. От этого руки Мариана становились желтыми, как кофта Маяковского, - по творчеству которого Лупу писал свою вторую диссертацию, - а взгляд рассеянным. Набрав полную банку жуков, Лупу впадал будто в транс, и шел, очень медленно, за дом, на асфальтовую дорожку. Там он садился на бордюр, вынимал жуков по одному, и рубил их небольшим топориком. Сначала редко, потом все чаще, спикер отрубал жуку голову с первого удара, и отстранено следил за тем, как еще некоторое время по дорожке смешно ползает обезглавленный полосатый бочонок, тело жука…

- Привет, Юра[4], - механическим голосом говорил он огромному жуку, - Юра Иванович… Как дела? Шмяк! Ой! А что у Юры Ивановича с головой? Отлетела баиньки? А это кто? Сам господин Степанюк[5] собственной персоной… Шмяк! Оп-па, не попали. Спинка разрублена, головушка цела. Израненный, но живой, как учение Маркса, ха-ха-ха. Шмяк! Марк… Здравствуйте, Марк[6]… как дела ваши? Оп-па! Нет, на вас и топора жалко. Поэтому мы еще раз подошвой так… Шмяк! О. Вы только поглядите. Сам Урекяну[7], собственной персоной… Вжик! Пол-туловища нету! Шмяк! Прощай, голова! А вы, сударь, будете Смирнов[8]. Хрясь, хрясь! О!!! Такой жирный… Здоровый… Сам Владимир Николаевич[9] собственной персоной… Вам, персонально, горящая спичка под пузо!

К сумеркам Лупу с сожалением отбрасывал топорик, спички, и отмывал дрожащие руки в серебряном тазике, лежащем под южной стеной домой. Металлический месяц молдавской ночи нежно покалывал его в щеку, приняв обличье сухой виноградной лозы, которую давно пора со стены убрать, да руки не доходят. И Лупу приходил в себя. Долго отмывал потом дорожку от желтой

внутренности убиенных жуков, тщательно полоскал банку. И к утру, ясный, веселый, посвежевший, возвращался в Кишинев, и жил спокойно год. До тех пор, пока не начинало тело его ломить, губы гореть, виски пылать, сердце - бешено стучать, а разум понимать, что пора на дачу, собирать колорадских жуков….

Но то было в прошлом, и в будущем. А сейчас он, спикер парламента, Мариан Лупу, обрабатывал свои грядки картофеля, да любовался женой, несущей водицы в стальном с ржавчинкой, ведерке. Из него водица вкусней всего, знал спикер. Дождался, пока жена дойдет, взял у нее бережно ведро, и запрокинул его, - в чашку воду набирать спикер не любил, как и вообще мелочиться, - над собой. И перед тем, как глотнуть, глянул в небо, и осторожно сел прямо на грядку, не пролив ни капли воды. Жена удивленно поглядела на него, и бросилась в дом, за врачом охраны. Тот позже распространял всяческие слухи, за что его сослали ветеринарным инспектором в провинциальный Кагул, где он благополучно спился. В частности, врач утверждал, что Лупу, перед тем, как уснуть, прошептал:

- Трактор! Надо мной пролетел трактор…

ххх

Конечно, все нутро, - как выразился Василий, - трактора пришлось вынуть. В начинке оставили только авиационный мотор от первой советской копии непонятно какого самолета братьев Райт, бережно хранившийся Лунгу, все двадцать пять лет добровольного изгнания из авиации в ряды трактористов. Поставили аппарату и крылья, и даже небольшой шар, наполненный горючим газом, поместили. Но форму трактора, - сложенную из тонких и легких пластин, - оставили. Для того, объяснили Василий, чтобы "полностью дезориентировать силы ПВО стран следования маршрутом".

- А дальше-то что? - прокричал Серафим, похлопав Василия по плечу. - Дальше? Карты-то у нас нет!

- Сейчас выйдем над Кишиневом, - объяснил Василий, крутя штурвал, - потихоньку покружим над аэропортом, выследим самолет

на Бухарест, и двинем в его направлении. Там повторим маневр, и долетим до Будапешта. Оттуда в Словению. А уж от нее до Италии рукой подать!

- Ты гений! - заревел серафим, и обнял смутившегося Васю. - Чертов гений!

- Да уж, - подтвердил Василий, - жалко, мы раньше до этого не додумались. Не пришлось бы жене вешаться…

Затем поставил аппарат на механическое пилотирование, и друзья выпили по стакану вина за упокой души несчастной Марии. Потом выпили за счастливый взлет, и за удачное приземление. Закусили, и выпили еще, просто так. Затем Василий вернулся в кресло пилота, и завел машину в облака.

- Это еще зачем? - вынимая куски тумана из уха, недоумевал Серафим. - Здесь же сыро, как у водяного в погребе!

- Над городами всегда будем заходить в облака! - объяснил Василий. - Чтобы не привлекать лишнего внимания!

- Умно, - согласился Серафим. - Извини, что сомневался…

- Выпьем за Италию! - предложил Василий. - За Италию "Фиатов"!

- И за Италию Венеции и мостов!

- За твою и мою Италию!

- За нашу Италию, которая одна, но для каждого бывает особенной и неповторимой, какой бывает только по-настоящему любимая женщина!

- За Италию! Виват Италия!!!

Небесный трактор, тарахтя, не спеша лопатил пропеллером туман, и друзья задремали.

………………………………………………………………………

Президент Воронин переступил с левой ноги на правую, и затосковал. Вот уже три часа как он должен был, разувшись, босиком вышагивать по траве у Днестра. Ловить рыбу, дышать дымом костра и пить крепкий, как слезы праведных, коньяк. А вместо этого он сейчас в

сковывающем костюме и узких ботинках с загибающимися носками, стоял на трибуне. И стоять предстояло еще долго…

- Обувь-то другую ты мне найти мог? - спросил президент главу канцелярии, когда тот наряжал его на митинг. - Выгляжу, как азербайджанец на рынке!

- Так у них и покупали, - тупо согласился шеф канцелярии, - говорят, туфли самого Алиева[10]!

- Алиева, - поддразнил президент, но ноги в туфли сунул, - а ты и поверил, олух царя небесного!

И поехал на митинг по поводу принятия Плана Молдавия - ЕС, который ничего не значил, но который рекламировался, чтобы отвлечь население от нищеты.

- Долдоньте им, что Европа вас вот-вот примет, - холодно предложил посол США в Молдавии президенту, когда тот пришел за кредитом, - и они будут тянуться за этим, как осел за морковкой. А денег, извините, не дам…

Само собой, выступать должен был спикер Лупу, - тот помоложе, да поязыкастее, - но со спикером, доложили президенту, что-то случилось. Работал в огороде, перегрелся, и получил тепловой удар. Нес какую-то чушь про летающие трактора, или плавающие грузовики, черт разберешь! Президент вздохнул, и начал читать:

- Состоявшееся первого мая 2004 года расширение Европейского союза определило историческое изменение Союза в политическом, географическом и экономическом направлениях, укрепив дальнейшую политическую и экономическую взаимозависимость Молдавии и Европейского Союза, хр-хр-хр-хрррррррррррррррррррр!!!!!!!!!!!!!

- Мой президент, мой президент! - зашипел, дернув его за рукав, сосед, глава МИДа, - вы храпите!!!

- Э…гм, простите, - Воронин потряс головой, и снова начал читать тысячам трем собравшимся на площади. - Это представляет возможность развития последовательного сближения, повышения степени экономической интеграции и углубления политического

сотрудничества. Европейскому союзу и Молдавии надлежит использовать представившуюся возможность для укрепления взаимоотношений, продвижения стабильности, безопасности и благосостояния. Основой для данной разработки служат партнерство, общие и отличительные свойства. Ее назначение заключается в дальнейшем развитии стратегического партнерства междуэхрррр- хр-хр-хр-э-рррррррррррррррррррррр!!!!!!!!

На этот раз даже вмешательство соседа не потребовалось, потому что президент разбудил себя храпом сам. И, как всегда спросонья, разозлился. Да ну их всех к черту!

- А сейчас вам расскажет о ближайшем будущем Молдавии в Европе наш министр иностранных дел! - воскликнул он. - И простите за неполадки с микрофоном. Видимо, нашим техникам тоже так хочется в Европу, что они ушли туда, не дожидаясь окончания речи своего президента!

Окружение засмеялось, и президент пошел к ступенькам за спинами не решившихся уйти послов, министров и советников. Пусть стоят, решил он, а я на Днестр, и рыбалку.

- Мой президент, - притиснулся к нему столичный мэр, - на город идут грозовые тучи. Митинг под угрозой. Что прикажете делать?

Воронин зло поглядел на спины окружения, и лаконично решил:

- Хер с ними, пусть мокнут!

Но пройдя пару шагов, со вздохом подумал об оппозиции, которая опять обвинит во всем его и правящий режим. Перед его глазами замелькали заголовки. "Коммунисты хотят в Европу на словах, а на деле мочат под дождем сторонников этой Европы". "Коммунисты изменились для виду!", "Президент Воронин повергает унизительной процедуре нахождения под дождем сторонников европейской интеграции". И, вздохнув еще раз, решил отдать приказ разогнать

тучи. Вздохнул в третий раз, подумав о реакции российского посольства. Президент буквально услышал, как ему зачитывают ноту.

"… совершенно непонятны те преференции, которые руководство Молдавии оказывает сторонникам так называемых европейских ценностей, доходя в своем стремлении угодить им до насилия над природой, - разгоняя облака, совершенно, конечно, случайно, шедшие с востока, - и не гнушаясь ничем…. В то же время, руководство Молдавии совершенно упускает из виду, что… Искреннее сожаление…. Совершенно непонятный факт, вызывающий недоумение у руководства Российской Федерации…".

А реакция Гагаузии? А чертово Приднестровье, будь оно неладно? Наконец, ОБСЕ?!! Единственные, кто грязью не обольют, так это в газете "Коммунист", да и те по углам шептаться будут, что, мол, президент отошел от партийных идеалов… А где они, эти идеалы? Эх, мать их так!

Сжав зубы, Воронин понял, что надо выбирать. Поразмыслив немного, он вспомнил, что русский посол Рябов вот уже больше года не дает ему в долг, и вообще человек заносчивый и неприятный. А вот американец очень дружелюбный, хоть тоже в долг не дает, и, в отличие от русского, никогда не давал…

- Хер с ними, - сказал Воронин мэру, - стрельните пару раз по этим облакам, но не больше, ясно?! Чтоб и не нашим, и не вашим! Понял?

Мэр убежал выполнять, а президент, усаживаясь в "Вольво", снимал ботинки, носки, и с наслаждением шевелил затекшими пальцами ног. И думал, как хорошо было бы поменять руководство в Кишиневе. Уж очень угодливый человек, этот нынешний градоначальник. Не то, что предыдущий, которого Воронину пришлось за строптивость прогнать. Чиновников менять - только радости и осталось президенту страны, которого даже в занюханную Италию третий год все никак не пустят! Да ну их всех на хер!

К полудню облако, в котором летел трактор, расстреляли. Серафим и Василий спаслись только благодаря катапультированию, и приземлились аккурат в лесок под Кишиневом.

- По крайней мере, - растер кровь на разбитом лице Серафим, - мы попытались!

Так митинг в поддержку Европы стал непреодолимым препятствием на пути двух молдаван в Европу.

……………………………………………………………………………..

- Говорят, сынок, будто в Италию-то нашу, - покряхтев, уселся на порог своего дома старый крестьянин, - кто ушел, так тому возврату из нее нет! Но люди, которые туда попали, они не жалуются. Они ведь как покойнички, потому что Италия это, получается, рай! И кто сошел туда, обратной дороги ему нет!

Молодой человек, присевший на корточки рядом со стариком, увлеченно записывал слова собеседника в клетчатую тетрадь. На обложке тетради, явно смущая пожилого крестьянина, разевала рот в безмолвном крике размалеванная Бритни Спирс. Октавиану Гонца, студенту филологического факультета Молдавского университета, было стыдно за юную и развратную певицу, так оголившую себя для несчастной ученической тетрадки. Но что поделать, других на железнодорожной станции в двадцати километрах от Ларги он не нашел. А взять бумагу и ручки из Кишинева он, как обычно, запамятовал.

- Вы отправляетесь в заповедные уголки Молдавии, - напутствовал Октавиана и троих его сокурсников сам декан, известный молдавский поэт Виеру, - туда, где нашей сложной и запутанной души не коснулась варварская рука Москвы. Там увидите Молдову Штефана Великого. Поговорите с людьми, которые помнят корни, и знают, откуда они пришли и зачем. Будьте же бдительны и работайте, не покладая рук.

И фольклорная мини-экспедиция филфака отправилась в путь. В Ларге ни работали вот уже неделю. Путешествие, рассчитанное на несколько дней, явно затягивалось. Но студенты были в восторге: декан оказался прав, и такого количества фактического материала они еще ни в одном населенном пункте Молдавии не собирали! Что было особенно приятно юным исследователям, в Ларге новые мифы переплетались со старыми преданиями…

- Например, вы только послушайте их рассказы об Италии! - восторженно восклицал Октавиан за ужином у костра. - Как причудливо перемешались старые предания времен турецкой оккупации о рае апостола Петра, и нынешние представления бедных землепашцев о земле обетованной…

- Я слышу в этом отголоски эсхолатической драмы начала нашей эры, драмы зарождения христианства людьми, отчаявшимися найти свое место в этом мире, - перебивала Октавиана отличница, и любимица курса, Елена Сырбу. - И как же волнительно наб…

- А сколько притч, философских образов, и, я бы сказал, контуров, - мечтательно глядел в небо студент Лупан, - породило это село!

Молодые люди были в восторге. Встав рано утром, разбредались они по Ларге, каждый с огромной тетрадкой, и несколькими ручками, собирать словесный виноград крестьян, пожинать благоуханные плантации их фантазий, скромно поливать пробивающиеся сквозь толщу земляного недоверия ростки честолюбия жителей Ларги. Тем было чем гордиться. Еще бы! Ведь ими заинтересовалась целая фольклорная экспедиция.

Была еще одна причина, по которой Октавиан хотел бы, чтобы их экспедиция длилась вечно. Он был влюблен страшно, и тайно, - о чем знал весь факультет и половина университета, - в свою однокурсницу Елены Сырбу. Она, увы, взаимностью не отвечала: была холодна с ним, как пашни под Бельцами, колюча, как терновник у цыганских полей у Сорок, жгла его насмешкой, как летнее солнце - пустоши Гагаузии. Но окончательно не отталкивала. Ведь внимание Октавиана, - подававшего огромные надежды, - ей льстило.

- Я бы за такого сразу замуж пошла! - восторженно делилась с Еленой подружка по комнате в общежитии. - Хорош собой, горяч, молод, гений!

- За душой ничего нет, - парировала Елена, - и, если встретит непреодолимое препятствие, то, как все гении, сопьется.

- Тогда прогони его!

- Какой смысл мне его отталкивать, - возражала практичная красавица, - если может случится так, что непреодолимых препятствий он не встретит, и станет знаменит на весь мир. За такого можно и замуж пойти.

- А ну как не дождешься?

- Что ж, буду льстить себе тем, что в меня был безнадежно влюблен этот бедняжка, - смеялась Елена, - знаменитый ученый Октавиан…

Тот все понимал, но поделать ничего не мог. Ведь Елена вошла в его жизнь прочнее, чем саркома в легкое тяжело больного, гуще, чем наркотик в кровь, цепче, чем паразит в волосы. И вынуть ее из жизни своей Октавиан смог бы, только убрав из своей жизни себя. Но до поры до времени спасала его и любовь к филологии…

- Когда мы закончим сбор данных, - глядел Октавиан, как сумрак и свет костра танцуют, страстно извиваясь, на лице Елены, - я начну работу над новой теорией.

- Какой? - словно нехотя спрашивала красавица, не отрывая взгляда от огня. - Какой еще теории?

- Мне кажется, - воодушевлено начал Октавиан, - что нынешняя Италия заняла в сознании этих крестьян место потусторонней жизни вообще.

- Так не бывает, - лениво прервала его блестящий лингвист, но плохой историк Елена, - есть ведь разделение ада и рая…

- Это уже более поздняя традиция, - терпеливо объяснил девушке, в которую был влюблен тайно, Октавиан, - а мы имеем дело с невесть как сохранившейся до 21 века ранне-эллинской традицией. Ну, разве не удивительно?!

- Чем это?

- Это все равно как… найти в самом центре нынешнего Лондона остатки поселения времен железного века! Представляешь?!

- Если честно, не очень.

- Ну, и ладно. В общем, местные крестьяне по складу ума своего принадлежат не к своим современникам по всему миру. Они скорее являются по менталитету обитателями Древней Эллады. В их представлении нет рая и ада, скорее, ад это то, что сейчас представляет собой Молдавия.

- Вот видишь, есть ад…

- Но это не ад в его христианской традиции. То древнегреческий ад, в котором нет мучений, а есть лишь небытие. Прерывание жизни, вот что страшило древних греков. Итак, ада у них не было. Соответственно, рая тоже!

- Олимп…

- Место для богов и избранных! Причем благочестивое поведение при жизни посмертное место на Олимпе древнему греку вовсе не гарантировало!

- Интересно…

- Таким образом, Италия это не рай и не ад для местных крестьян. Это просто сказочная земля, где по рекам текут медовые островки, покачиваясь на волнах молока, а над всем этим свисают утесы из брынзы. Забавно.

- Немножко да…

Октавиан подбросил хвороста в костер, и, отвернувшись, спросил трещавшие в ночи редкие искры:

- Могу я задать тебе очень личный вопрос?

- Задавай, - тихо ответила девушка. - Если личный…

Октавиан собрался с духом и выпалил:

- Скажи, почему ты мучаешь меня? Я ведь без ума от тебя, жить не могу, спать не могу, дышать. Ничего не прошу, скажи только, что я тебе просто по нраву. Мне и этого будет довольно, я с этим всю жизнь проживу, как с перчаткой Прекрасной Дамы…

Елена молчала, и молодой филолог понял, что фишка, на которую он все поставил, оказалась проигрышной. Порыв его, казавшийся Октавиану смелым и отчаянно трогательным, девушку лишь напугал и отвратил. Что ж, подумал студент, ждать еще несколько лет все равно бы не смог… не решаясь повернуться к Елене, чтобы не сгореть под ее насмешливым взглядом, он потер руки, и с нарочитым весельем выдохнул:

- Ну, что ж, пора по палаткам, а то упустим завтра целый сборник сказок.

Девушка промолчала, а потом тихо сказала:

- Ахрррр-а-ххр…

Октавиан, не веря себя, развернулся. Елена и вправду спала, похрапывая. Дрожащими от обиды пальцами парень застегнул ворот рубахи, и ушел к себе в палатку. Елена полежала еще минут двадцать для надежности. Единственный эффективный способ уйти от разговора, знала она, это - уйти от разговора. Девушка тихонько приоткрыла глаз, и на всякий случай, еще раз сказала:

- Ахрррр-а-ххр.

ххх

- Запоминай, сынок, что люди говорят про Италию, - диктовал крестьянин полюбившемуся ему Октавиану, который очень уж смахивал на внука старика. - Жила как-то в наших краях молодая и красивая девушка по имени ПерсИка.

- Персик? - уточнил студент.

- Персика, - укоризненно поправил дед, - это же она, а не он. Записал? Ну, слушай дальше. Жила она себе, не тужила, потому что мать у нее и отец были из состоятельных. В смысле, из красной голытьбы, которой Советская власть дала все. Поэтому они были в руководстве колхоза, и дочь их за шестнадцать лет пальца о палец не ударила, а воду в дом если и носила, то в волосах поутру росу…

- О! - оценил выверт дедовской речи Октавиан. - Еще раз, чтобы записать точно.

- А воду в дом если и носила, то в волосах поутру росу, - с удовольствием повторил дед, вычитавший это выражение в литературном журнале "Кодру", подшивка которого за 1967 год валялась у него в чулане. - А фамилия ее была Цереску.

- Как-как? - не поверил своему счастью студент. - Церера?

- Какая такая Церара? - рассердился дед. - Цереску она была! Понял?

- Так точно, - затараторил студент, - простите, записываю.

- И, значит, - повествовал крестьянин, - когда Советы ушли, стало село жить бедно, и потянулись постепенно люди в Италию. Почти половина села уехала! Собралась было в Италию и наша Персика, да мать, старшая Цереску, ее не пустила.

- Боялась?

- А как же! Из Италии ить из этой никто еще не возвращался. И вот, плачет Персика Цереску год, плачет другой, потому что и женихов в селе не осталось, ведь кто не в Италии пашет, те спились, а кто спился, тому бочка с вином невеста!

Посопев, дед с гордостью подумал, что "бочка с вином невеста" его собственное изобретение. Студент, затаив дыхание, глядел на крестьянина. Октавиан думал, что тот размышляет о Персике Цереску.

- И вот, как-то раз, приехал в наши края представитель агентства туристического, - продолжил крестьянин, которое вывозит наших людей в Италию. По-моему, фирма эта до сих пор работает. А фамилия этого господина была Плутонеску.

- Плутон! - хлопнул себя по ноге Октавиан. - Совершеннейший Плутон!

- Плутонеску, - сердито поправил крестьянин, - ты слушать-то будешь? А раз так, слушай. Ну, этот товарищ посмотрел на Персику Цереску и влюбился в нее по самое не могу. И стал родителям ее предлагать - отпустите, мол, дочь со мной в Италию, я ее туда горничной устрою, будет по тыще евро в месяц получать!

- Ого, - грустно сказал Октавиан, вспомнив Елену и свою повышенную стипендию в 70 леев[11]. - Неплохо…

- И он, понимаешь, так сладко вел свои речи, - не обращал внимания на собеседника дед, которого понесло, - что мать девушки почти было согласилась на эти уговоры! Но отец-то оказался против! И не пустил Персику в Италию.

- Все? - спросил Октавиан. - Закончена история?

- Нет, конечно, - махнул рукой дед, - куда уж. Плутонеску-то этот взял, да и подбил Персику сбежать с собой из отчего дома. Она, конечно, за ним…

Октавиан, уже выстроивший в уме свою блестящую теорию, за которую ему судьба должна была вручить Нобелевскую премию и руку Елены Сырбу, встал и потянулся. Он ликовал.

- Сказать вам, дедушка, что дальше-то было в этом мифе? - спросил он, торжествуя.

- В каком мифе? - не понял дед. - Это все чистая правда как есть.

- А, ну, да, ну да, - покивал Октавиан, - но все-таки, рассказать?

- Ну? - удивился дед. - Если знаешь, чего записывал? Если слышал-то…

- Не слышал, - пояснил Октавиан, - но знаю. Цереску эта ваша, которую Персика звали, из дому сбежала с Плутонеску, так? Ехали они в Италию долго, преодолевая множество препятствий, и все это время за ними гнались родители девушки. Так?

Дед широко раскрыл глаза, и глядел на парня с изумлением. Тот, довольный эффектом, продолжал.

- И вот, когда родители Персики уже видели беглеца с беглянкой, и вот - вот собирались схватить дочь за подол платья, Плутонеску с Персикой пересекли символическую черте ада, - пардон, назовем ее государственной границей Италии, - и стали для родителей недосягаемы. Так? Мать, погоревав, обратилась к высшему божеству, то есть, простите, дедушка, в консульство Италии в Бухаресте с требованием вернуть дочь. А та-то в Италии замуж вышла за старика, которому дом убирала, и возвращаться не хотела! Ну, те, в консульстве, подумали, да и порешили сделать так, чтобы всех удовлетворить…

- Это как? - спросил дед.

- А отпускать Персику из Италии на полгода, - расхохотался совершенно счастливый Октавиан, - весной и летом. А зимой и осенью чтобы она возвращалась в Италию. Так?!

Притихший дед испуганно поглядел на Октавиана, и на всякий случай пересел от студента подальше.

- Внучек, - осторожно сказал он, - все ведь совсем не так было. Плутонеску содержателем борделя оказался. И Персика там уже который год мучается…

Октавиан, посидев неподвижно с час, медленно поднялся, и пошел к туалету, бросить тетрадь в выгребную яму. В глазах у него плыли оранжевые круги. Это уже второй удар, - безучастно отметил он, - за прошедшие сутки. О, проклятое самодовольство.

- Правильно, сынок, - поддержал его дед, - толку от вашей учености никакой. Да и все сказки, что я вам понарассказывал, у меня в книге есть. Называется "Мифы и легенды древней Греции". Да ты и сам заметил. Ну, фамилии, я, ясное дело, на наш молдавский лад переиначил…

- Зачем, - спокойно спросил Октавиан, возвращаясь через грязь во дворе к деду. - Зачем это вам?

- Так ведь, - разве руками дед, - вижу, вам историй нужно разных, да побольше. А чего не помочь хорошим людям?

- Значит, - со вздохом уточнил Октавиан, - все из книги… И про Персику?

Дед помрачнел, и ударил палкой по земле.

- Про Персику все правда! - отрезал он. - Потому как внучкой она мне приходится.

- Тогда соболезную, - поднялся Октавиан, - а мне, наверное, пора…

- Ты не горюй, - спокойно сказал ему в спину дед, - девица-то эта все равно не для тебя рождена. Неужто не понял?

Октавиан аккуратно закрыл калитку, и, не обращая внимания на грязь, пошел к их палаткам. Собрал вещи, и подогрел себе чаю на костре. До поезда оставалось еще три часа, и парень не торопился.

Вечерело, и собаки Ларги, поскуливая, выкусывали из проплешин тощих блох. Вдалеке звенел колокольчик на грязной, теплой, и пахнущей овчиной овце. Еще реже на нее покрикивал тощий пастух. Небо было серым, но прозрачным, и с горки, на которой стояли палатки, до него было как будто ближе, чем из самого села. Октавиан сидел, скрестив ноги, и чувствовал себя совершенно пустым, и, в то же время, наполненным. Он ощущал в себе всю вселенную, и тихонько напевал что-то под нос, представляя себя средневековым муллой, что приехал сюда в обозе турок, пришедших покорять Ларгу. Потом ему казалось, что он египетский писец, запечатленный в глине, что хранится в Лувре.

Внезапно небо над Ларгой и Днестром, ползущим где-то поблизости, стало ярким, и порозовело. Это солнце, сползшее из-под вечерних облаков на краю горизонта, послало селу последний салют. Октавиан с наслаждением прикрыл глаза, но не до конца, и ловил лучи вечернего солнца дрожащими ресницами. Они были хороши, Октавиан знал. Как знал, что со вчерашнего вечера для него ничего не значит Елена Сырбу. И что с этого дня он больше никогда не займется филологией. Кто он будет в этом мире, Октавиан не знал. Знал только, кем не будет никогда…

… значительно позже почетный академик Академии Наук Молдавии, Румынии и России, филолог с пятью научными степенями, Октавиан Гонца с задумчивой улыбкой вспоминал этот день. Прекрасно понимая: это был самый яркий день его жизни, когда ему открылось Нечто. Что? Истина? Смысл бытия? Октавиан был близок к определению этого, но точную формулировку этому дню дать не рисковал…

… услышав шаги за спиной, и прерывистое дыхание Елены, поднявшейся на холм, Октавиан даже не обернулся. Хотя обычно

бежал помогать ей и подняться, и втащить на ровную площадку наверху тяжелый рюкзак.

- Помочь не хочешь, - спросила Елены, хрипло дыша, - джентльмен?

Октавиан, все еще ни о чем не думая, последним подрагиванием ресниц проводил солнце, что упало за край земли, и отрицательно покачал головой.

- Еще бы! - насмешливо сказала Сырбу. - Это же не о любви речи толкать…

Октавиан вздохнул, глянул на часы, и, поднявшись, стал спускаться с холма, на прощание сказав:

- Тащи свою поклажу сама… сука!

А когда покрасневшая и возмущенная Елена попыталась, догнав его, дать Октавиану пощечину, тряхнул ее за грудки, и бросил наземь. Бить, правда, не стал, так, пнул слегка тяжелым геологическим ботинком, да и пошел к станции. Поезд не приехал, и ночевать Октавиан вернулся в Ларгу, где Елена, не отвечая на расспросы сокурсников, лежала в палатке без сна всю ночь.

Через год они поженились.

ххх

Осенью 2003 года молдавский священник села Ларга отец Паисий провозгласил Первый Вселенский Крестовый поход православных христиан на нечистую землю Италии.

Причин, подвигших священника на это отчаянное действие, было много. Но самая главная, как всегда, - безденежье. Отец Паисий понимал, что, если он будет собирать деньги на поездку, то Италии ему не видать. Четырех тысяч евро сельскому священнику Богом забытого

прихода не собрать никак. А раз в Италию нельзя попасть за деньги, решил отец Паисий, то нужно ворваться туда во главе Христова воинства! Тем более, что о крестовых походах он уже читал в семинарии, которую закончил на одни шестерки[12]. Кстати, это поистине Соломоново решение отцу Паисию в голову пришло не после долгих рассуждений, которые он недолюбливал, а во время проповеди. Решение было ясным, коротким и быстрым. Как озарение, как Божественное провидение…

- Дети мои! - читал проповедь об Италии отец Паисий. =- Что есть эта богопротивная страна? Разве не источник всех наших бед и злосчастий? Да, кто-то скажет, что мы живем на деньги, присылаемые нашими родными оттуда. Но как заработаны эти деньги? Девы наши продают свои телеса, мужи наши, уподобившись евреям в плену египетском, надрывают послебдние силенки и гнут выю на хозяев за деньги, которые для этих хозяев гроши… Кто дал этим людям право издеваться над бедными молдаванами?

Прихожане слушали отца Паисия, входившего в раж, открыв рты. А проповедь священника приобретала все более апокалиптический характер.

- Не сказано ли в Евангелии, что легче верблюду проползти в узкую дверцу храма, - вопрошал, потрясая Библией, отец Паисий, - а если сказано так, то почему Италия эта богомерзкая живет в сытости и довольстве в то время, как… мы… голодаем, нищенствуем и побираемся! А ведь кто истинные христиане, дети мои? Итальянцы ли, продавшиеся неверной латинской вере? Нет! Мы истинные дети во Христе, стало быть, и нам всем владеть! Итак, отнять все у нечестивых и отдать чистым!

Проповедь становилась все более ясной и прозрачной. Прихожане, все еще не закрывая рты, начинали понимать, куда клонить священник. Многие глядели на отца Паисия все более одобрительно…

- Отнять все у нечистых, - пронеслось по церкви, - и отдать чистым…

Кое-где прозвучали робкие аплодисменты.

Отец Паисий поморщился, прокашлялся, и отпил черного вина из золоченой пластмассовой чаши. В горле у него будто вата застряла. И вино было черным не потому, что из винограда черного давили… Это все из-за пыли, и прихожан, неприязненно подумал священник, которые не могут оплатить услуги уборщицы в храме. Из-за чего здесь и грязно, как в хлеву!

- Как в хлеву живем мы, дети Бога, молящиеся Ему так, как апостолы заповедали, - загремел Паисий. - А эта вот Италия, которая непонятно с чего живет трудами наших сыновей и дочерей, жирует и процветает! Разве это справедливо, дети мои? Ибо в Библии сказано…

Аудитория снова начинала скучать. Паисий с облегчением понял, что от него ждут не цитирования Священных книг, а призывов к действию, и изменил программу выступления.

- Слушайте меня! - вскочил он на амвон, и поднял правую руку. - Внимайте, ибо не каждый день священник встает здесь, на этом святом месте! Дети мои! Мы должны взять то, что у нас отобрали. Хотите ли? Ответите да, и я поведу вас туда нагими и гордыми, как Адам Еву водил по раю до изгнания. Хотите ли вы?

- Да! - взревела церковь, потому что мало кто из сельчан не хотел попасть в Италию, но ни у кого не было на это денег. - Желаем!

- Я поведу вас туда! - взвизгнул отец Паисий, и достал из под рясы специально припасенный для этого меч, который он нашел в разоренном мародерами кургане под Ларгой. - Покарать мечом нечестивых и отдать их богатства чистым! Внимайте мне, и передавайте слова мои братьям вашим, и сестрам, любимым и врагам. Итак, слушайте же…

Побледневший от волнения, подрагивая ноздрями, отец Паисий дождался окончания овации, и вновь поднял руку. Где-то в углу церкви

замелькала камера районного телевидения. Это хорошо, подумал Паисий, и, дождавшись, когда на камере зажжется красная точка, заговорил.

- Я призываю вас на защиту истинной веры Господней! Православные христиане Молдавии! Пришла пора нам пойти в нечестивую Италию, и освободить двести тысяч наших соотечественников, как Моисей освободил иудеев от плена Египетского. Но если Моисей был безоружен, то мы силой дадим свободу братьям!

- Ура!!! - закричали в церкви. - Даешь Италию!!!

- Я объявляю Крестовый поход на Италию! - заорал Паисий. - Да будет так! Я даю вам слово пастыря, дети мои, что всем идущим туда, в случае их кончины, отныне будет отпущение грехов!

- Воистину! - ответствовала церковь золотыми огнями свечей, расплывшихся в глазах Паисия.

- Пусть выступят против неверных в бой, что даст нам в изобилии трофеи, те люди, что привыкли воевать против

своих единоверцев, - кричал Паисий, - те, кто погибал и убивал братьев в войне в Приднестровье! Нас заставляли убивать друг друга, так не лучше ли нам объединиться, и пойти бить неверных?! Пусть выступят ветераны!

- И-та-ли-я, И-та-ли-я!!!

- Земля та течет молоком и медом, - размахивал мечом Паисий, - так да станут ныне воинами те, кто раньше был грабителем! Кто сражался против братьев и соплеменников. Идите за мной!

- Да!!!

- Кто здесь горестен, тот станет там богат! Итак, дети мои, завтра мы выступаем!

- Так хочет Бог!

Дальнейшие крики толпы смешались в ровный гул. Позже отец Паисий со страхом признавался себе в душе, что в реве и шуме он явно слышал чей-то тонкий выкрик "Гол!", и даже "Зимбру - чемпион". Единственное, чего он не слышал, - облегченно вздыхал внук еврея Паисий, - так это крика "Бей жидов"… А в тот вечер, ставший подлинным вечером триумфа для Паисия, священника принесли в его

дом на руках. Испуганные ребятишки, сыновья, глядели, как отца еще качают во дворе, после чего люди ушли собираться в поход, а отец, на дрожащих ногах, еле дошел до дверей. Успокоившись, Паисий наточил и без того острый меч, - жаль, коротковат, отметил священник, - массивный крест, и сложил сумку провианта. Потрепал по холке кобылку, на которой собирался отправиться в путь, и немного поспал. Снились ему чудные виноградные плантации Италии, которые он, Паисий, подарит своим детям в вечное владение, когда крестовый поход закончится полной и окончательной победой святого воинства Молдавии. Снились полные, молочные, как у бесстыжих Мадонн итальянских фресок, руки жены его сбежавшей…

В шесть утра Паисий немножко отошел от пыльного вина из пластмассовой чащи, и мучился, представляя дневной позор. В семь, окончательно проснувшись, Паисий долго тер глаза, выйдя во двор, и улыбался неловко и смущенно. Священник был в шоке.

Вокруг его дома колыхалась с хоругвями вооруженная толпа из семидесяти пяти тысяч человек со всей Молдавии. Завидев отца Паисия, люди начали аплодировать. Дед Тудор подвел Паисию лошадку и помог взгромоздиться в седло. Люди в это время устроили ему громадную, как на стадионе, приветственную волну. Священник почувствовал другую, теплую волну, что поднялась по его груди к сердцу, не выдержал, и заплакал теплыми, как руки матери, слезами.

- Воистину, - сказал Тудор, надевая боевую румынскую каску Второй Мировой войны, - не пристало нам, старым воякам, плакать! Итак, утрите слезы и ведите нас на Италию, синьор!

ххх

"Изучая истоки Первого Молдавского крестового похода, можно отметить несколько интересных и очень важных моментов.

Прежде всего, бросается в глаза полная неорганизованность крестоносного войска. В атмосфере всеобщей неразберихи высший предводитель войска, священник Паисий, повелел воинам идти мирным пешим походом по городам и селам Молдавии в Кишинев.

Там глава похода намеревался взять святую для Молдавии икону Троерукой Богородицы, чтобы уже с нею двигаться на Италию. Паисий утверждал, что без этой иконы предприятие наше обречено на провал (так оно, кстати, и случилось, скажу я, предвосхищая свой рассказ). Таково, по крайней мере, было официальное объяснение. Я же, хронист, следовавший за его войском, - а в миру учитель села Ларга, оставивший свой пост за ненадобностью после того, как школу в селе закрыли, - предполагаю другие мотивы. Сдается мне, что Паисий, вождь нашего злосчастного мероприятия, просто не ожидал такого количества народу, что стечется под его знамена. Ибо в Бельцком только уезде, куда пришли наши войска Христовы, к нам присоединились пятнадцать тысяч местных жителей. Все они с энтузиазмом восприняли девиз нашего войска: - На Италию! Так хочет Бог!

Приведу сухие цифры. В Оргееве к нам пришли 345 жителей села Гроздешты, население в котором составляло 345 жителей. То есть, все Гроздешты, от мала до велика, стали с нами. Вообще, Оргеевский район дал нам 21 тысячу бойцов, мужчин и женщин. В уезде Сороки к нам присоединились десять тысяч местных цыган, которые, по их словам, устали побираться в поездах, и хотят иной, славной жизни…

Всех мы брали, может, потому и поступая ошибочно, ибо на третий месяц похода начались грабежи и насилия. К злосчастию нашему, войска святого отца Паисия двигались очень медленно. К третьему месяцу мы были лишь в сорока километрах от Кишинева, продвинувшись за этот срок всего на двести километров. Столь замедленное движение крестоносцев объясняется тем, что у нас было много пеших, и их приходилось ждать. Также мешали младенцы, взятые матерями в обоз, веселые девицы, следовавшие в обозе же, и постоянные разбирательства с местным населением.

Но армия и полиция нас трогать не смели, потому что в Молдавии девять тысяч солдат, офицеров и генералов, и десять тысяч полицейских. А нас тогда, во время первого Молдавского крестового Похода, было числом сто двадцать шесть тысяч. Пусть треть из нас и были немощные, старики, и женщины с детьми, но мы были силой, и нас боялись, и не трогали. И многие полицейские даже присоединялись к нам, говоря "что толку сидеть дома и, рискуя жизнью, получать сто долларов в месяц, если в Италии за мытье

посуды можно будет получать тысячу евро в месяц?!". Так нас стало еще больше и больше на радость войску, хвала Господу, аминь! … Но я, хронист похода, взявший на себя обязанность писать обо всем, что было с нами, говорю - на исходе третьего месяца местные жители относились к нам все хуже… Ибо если поначалу жители Молдавии с рвением вливались в ряды нашей армии, то на исходе третьего месяца стали кое-где чинить нам препятствие, а даже пытались остановить наше шествие. Нас называли мародерами, грабителями и жуликами. И слова эти были во многом истинны. Ибо к святому делу Крестового похода на злочестивую Италию присоединилось слишком много преступного люда! Отец же Паисий, намеревавшийся вообще зимовать в Молдавии, ибо понял, что армия к преодолению Европы не готова, понял, что мы или двинемся за пределы страны, или поход наш закончится губительно и внезапно… Итак, отец Паисий, посовещавшись о том с Богом, вышел к людям, и сказал, что мы отступаемся от Кишинева и идем к Унгенам, а уже оттуда переплавляемся в Румынию. И поднял свой остро наточенный меч, принадлежавший еще императору Траяну, и сказал: - За мной же, дети мои!

И огонь восторга вновь загорелся в сердцах, остывших из-за проволочек и несправедливостей, творимых нашим воинством. Тут даже бандиты стали святыми! Тут проститутки излечились от похоти, и жулики вернули украденное, а насильники прижгли руки, творившие зло. И мы пошли вперед, и в Унгенах в воинство наше влилось еще десять тысяч человек, и все они хотели, как и мы, от первого, до последнего, только одного. В Италию. К Богу.

ххх

Меч отца Паисия, вошедший в историю Молдавии как меч отца Паисия и меч императора Рима Траяну, был выточен из стальной рессоры грузовика. Таким образом, меч императора Траяна императору Траяну никогда не принадлежал.

- Это подделка, - сказал отцу Паисию лучший ювелир и любитель старины Унген, по счастливой случайности не ушедший из города при приближении крестоносцев, как сделали многие жители. - Искусная

подделка. Но довольно наивная. Вы видите, мастер даже не затер надпись на металле "Машиностроительный завод…"

- Вот как, - рассеянно кусал губы Паисий, возмужавший во время похода неимоверно. - Не ожидал…

Ювелир с усмешкой глядел на Паисия, подкидывая на руке меч. По форме оружие было похоже на скифский акинак[13]. Но разве здесь кто-то еще понимает что в истории? Ювелир вздохнул. С улицы раздавались крики. Это крестоносное воинство грабило город. Центр Унген пылал. С криками "Италия, Европа, рай" пилигримы вытаскивали из брошенных домов диваны и телевизоры. Паисий потер побелевший висок. Он знал, что диваны приспособят под повозки, поэтому не удивлялся.

- Подумать только, двадцать первый век, - пожал плечами ювелир, - и такое… Не могу поверить.

- Верьте, - холодно ответил Паисий. - Вы же человек точного ремесла. Это факты. Смиритесь пред ними.

- Вас же, - шепотом сказал, подмигнув, ювелир, - растопчет мало-мальски подготовленная армия даже такого захолустного государства, как Румыния. Или Словения.

И впрямь повзрослевший Паисий, руководство огромной армией крестоносцев которого, как подметил хронист "зело умудрило", улыбнулся.

- Я рассчитываю, - подмигнув, по-мальчишески, озорно священник, на то, что нас не тронут по той же причине, по какой не трогают албанцев.

- То есть? - не понял ювелир.

- Делай что хочешь, - улыбнулся еще шире, священник, - но обязательно говори, что хочешь в Европу! И тогда тебе все сойдет с рук. Вон, албанцы, чего только не вытворяют. И оружием торгуют, и женщинами, и заложников захватывают. А им все прощают, лишь бы были за Европу и НАТО. И нам простят! Такова, знаете ли, нынешняя тенденция.

- За исключением того, - покачал головой ювелир, - что варварам типа вас или албанцев, Европа позволяет все, что угодно только в специально отведенных для этого местах… Италия среди них, увы, не значится!

- Ну, - неуверенно сказал священник, - про нас уже сняли три репортажа для "Евро-ньюс" и написали десяток статей в европейских изданиях. Все хвалят нас за то, что мы тянемся к свету демократии, и смахиваем с ног пыль коммунистического прошлого…

- Это ровно до тех пор, - объяснил ювелир, - пока ваша армия, простите, голодранцев, не появится на границе с Европейским Союзом. Тогда они вас приветствовать перестанут…

- Неужто не примут? - впал в сомнения Паисий. - Да нет, не может быть…

- Не примут, - осторожно подтвердил ювелир, - вот если бы вы пошли крестовым походом на Россию, они бы вас до конца поддерживали. А у себя им ваш сброд не нужен…

- А, не вашего ума дело, - поставил точку в споре Паисий, - давайте займемся лучше мечом. Я бы хотел, чтобы он стал мечом императора Траяна.

- А, позвольте, - очень осторожно уточнил ювелир, - каким образом? Стереть надпись?

Паисий задумчиво поглядел на надпись, - и, правда, грех такую было не заметить, и потрепал ювелира по щеке. Мечом.

- Нет. Оставьте ее. Просто выгравируйте после надписи еще два слова, - попросил он после долгой паузы, - сан императора и его имя. И тогда меч перестанет быть подделкой.

- И что же тогда, - прошептал, сглатывая почему-то не жидкую слюну, ювелир, - у нас, то есть, у меня, получится?

Отец Паисий встал, и бросил меч на стол, отчеканив:

- Машиностроительный завод императора Траяна!

ххх

Кишинев-11.03.2004/07:38/(BASA-general) Гражданин Молдавии задержан полицией по обвинению в торговле людьми.

Гражданин Молдавии задержан полицией по обвинению в организации канала для желающих эмигрировать. Об этом для БАСА-пресс сообщили источники в Министерстве внутренних дел. Уроженец Кишинева, 32-летний Валериу Албу вместе с другими гражданами Румынии, Сербии, Хорватии и Словении наладил в 2003 году канал, через который вывозил молдавских граждан на нелегальную работу в

Италии. На допросе он признал, что завербовал около 100 молдавских граждан, от которых получил в общей сложности 90 тыс. 600 евро. По прибытии на место доверчивых людей ждала совсем не работа, как им обещали предприимчивые дельцы; их закрывали и удерживали в качестве пленных. Поняв, что их обманули, люди сдались хорватской полиции и были депортированы в Молдавию…

Кишинев-11.03.2004/07:38/(BASA - general) В Молдавии найдены остатки… машиностроительного завода римского императора Траяна!

Удивительное открытие совершил молдавский ученый Ион Бызгу, занимающийся исследованием мирного взаимодействия культур Римской империи и Дакии в период, ошибочно названный советскими так называемыми историками "римской оккупацией Дакии". Это, считает ученый, была не оккупация, а плодотворное сотрудничество двух культур. Об этом свидетельствуют уникальные находки, совершенные Ионом в конце прошлого месяца под Унгенами. У близлежащего у городка села Ион, - по подсказке местных жителей, - обнаружил, место, где располагался первый римско-дакский… машиностроительный завод!

- Конечно, - говорит ученый, волнуясь, - это не было производство подводных лодок. Но нам доподлинно известно о существовании одного сохранившегося изделия этого завода. Римского меча с клеймом "Машиностроительный завод императора Траяна"! Как сообщает агентству ученый, этот меч находился у руководителя Марша Мира за Европейскую интеграцию, ошибочно принятого румынскими пограничными войсками за Крестовый поход (см. новость "Трагедия на реке Прут: гибель 40 тысяч граждан Молдовы при незаконной переправе в Румынию" от 12.04.2004/08:33) священника Паисия. На запрос корреспондента агентства отец Паисий заявил следующее:

- К сожалению, этот меч утонул в реке Прут, и слава Богу, что я не утонул! А сейчас этот меч лежит на дне реки, разделившей нас с матерью Румынией, как вечный укор нашим соседям.

Примечательно, что надпись на мече была выгравирована на румынском языке, и, следовательно, настоящей латынью был

румынский язык, а не выдуманный язык, который многие века выдается за подлинную латынь, утверждает молдавский ученый. Остатки машиностроительного завода императора Траяна на территории нынешней Молдавии представляют собой яму, несколько полуразрушенных строений, ошибочно принятых местным населенбием за обветшавшие свинарники бывшего колхоза, и каменные строения в виде стены. В ближайшем времени объект посетит президент Воронин для открытия там памятника Зона Исторической Памяти.

Сообщаем также, что сам ученый Ион Бызгу во время открытия находился среди Марша Европы и Мира, называемого также первым Молдавским Крестовым походом (см. сообщения BASA-general от 12.01.2004/05:38/ и 17.10.2003/07:38/). Этот Марш проводили молдавские энтузиасты- сторонники европейского пути Молдавии, интеграции страны в ЕС и отказа от сотрудничества с Россией и СНГ.

Кишинев-11.03.2004/12:27/(BASA-general) Осужденные женщины предпочитают забеременеть.

Осужденные женщины предпочитают забеременеть, надеясь добиться отсрочки отбывания наказания. Как сообщил для БАСА-пресс начальник медицинского управления Департамента пенитенциарных заведений Министерства юстиции Владимир Цэрану, эта тенденция становится все более явной после вступления в силу нового Исполнительного кодекса, который предусматривает возможность отсрочки отбывания наказания матерям, у которых есть дети в возрасте до 8 лет. Цэрану подчеркнул, что новое законодательство направлено на сокращение количества беспризорных детей и детей, направленных в интернаты. Этот закон побуждает осужденных женщин отказаться от абортов, которые недавно были довольно распространенным явлением, добавил Цэрану. В 2005 году поступили 6 заявлений об отсрочке отбывания наказания со стороны беременных женщин, три из которых были ВИЧ-инфицированы. В настоящий момент в пенитенциарном заведении Прункул находятся…

ххх

".. предав город огню и мечу, пилигримы наши доблестные расположились на отдых в парке Унген, что вытянут прямо у границы, которая представлена рекой Прут. И всю ночь мы могли наблюдать огни, горевшие на той стороне, и даже у румынского города Яссы, который не спал. В полночь же прибыли к нам румынские парламентеры, которые сказали, что страна их наше войско не пропустит. Хоть отец Паисий и пообещал им мир и безопасность, сказав, что: - Лишь нечестивая Италия является нашей целью, вы же окажите нам содействие, и пропустите с миром…

Но лукавые румынские посланцы отказались удовлетворить нашему требованию, сказав, что Румыния уже член Евросоюза. И, значит, обязана блюсти границы его. А ведь и Италия в Европейском союзе, сказали посланцы, и несмотря на дерзкие речи, были отпущены с миром нами и нашим вождем, отцом Паисием. Тот же держал перед нами речь, и я, хронист похода сего, первого Молдавского Крестового, привожу ее с некоторым сокращением, потому что отец Паисий говорил много несвязного.

Ибо был, как и все войско, изрядно пьян оттого, что дьявол подсунул воинам при разграблении города Унгены, целый винно-водочный комбинат.

- Братья, слушайте речь мою, - сказал Паисий, - Румыния не хочет видеть крестоносное молдавское воинство на своих границах. Но они ничего не смогут поделать с нами, когда мы окажемся в этой самой Румынии, если мы будем идти через страну мирно. Убить нас они не смогут, потому что мы высоко несем знамя стремления в европейскую интеграцию… Итак, главное для нас, это пересечь реку, и, сбившись единой колонной, идти прямо и строго, и с Богом в сердце!

И сердца наши возликовали, и многие глаз не сомкнули до утра, потому что были пьяны и взволнованы. А под утро многие притихли, потому что были на краю своей мечты, и оставалось им сделать шаг, чтобы воспарить, как выросшим птицам. А огни на том берегу реки погасли, потому что румыны решили, что мы откладываем переправу. И отец наш Паисий, взмахнул мечом, в четвертом часу ночи, когда крепок сон пограничников, и тем дал знак для переправы.

… увы и горе нам. Воинство наше не было чисто помыслами, и Бог разрушил намерения наши легко и играючи, но не подобно

младенцу - башню из игрушечных кубиков, а словно суровый отец - нечестивую Вавилонскую башню. И была вся река забита судами малыми и большими, а ширина переправы в том месте не достигала и пятидесяти метров.

Но из-за скопления людей началась давка, и многие ушли на дно, тем более, что тянули их железные доспехи. А еще, по правде говоря, многие тонули потому, что не желали расставаться с награбленным в Унгенах, а еще ранее в Калараше, добром. И рыдали матери, провожая взором тонущих младенцев своих, и плавали мужчины, пытаясь спастись, но не было нам пощады, ведь течение Прута именно в этом месте очень быстрое, и влечет пловца ко дну сильнее, чем Бог влек Иону к исполнению предначертания его. А когда добрая четверть нас утонула, и из-за поднявшегося ветра, опрокинувшего многие шлюпы тоже, настал черед пограничников Румынии, которые меткой заградительной стрельбой разорвали на части то, чему не суждено было утонуть. И еще четверть наших пилигримов были застрелены. Или же, будучи в ранах, и без сил, утонули. И отец Паисий был ранен, и выронил меч императора Траяна в реку, и утонуло святое это оружие.

А тех десять тысяч, что перебрались все-таки на румынский берег, позже, мы слышали, продали албанцам. И те уж разделили людей и продали их. Мужчин, отправили их на апельсиновые рощи Греции, где полно змей, а если не яд тебя убьет, то солнце. А женщин продали в Косово, где ими пользовались солдаты миротворческих сил. А мы, уцелевшие, глядя, как уводят их на том берегу, плакали. И оставшиеся от всей крестоносной армии двадцать тысяч человек были рассеяны холодом и голодом. И мы вернулись по селам Молдавии, прозябать и копить деньги…

… потому что каждый из нас все же мечтал уехать работать в Италию".

ххх

Василий Лунгу и Серафим Ботезату добирались до Ларги почти месяц. Быстрее бы у них не получилось из-за трактора, остатки которого парни тащили на себе все эти двести километров. Шли они по колее железной дороги, и поездам приходилось терпеливо ждать,

пока не протащатся они от одной станции к другой. Пассажиры поезда тогда узнавали, что перед ними идут не кто-то, а сами Василий и Серафим, попытавшиеся улететь на тракторе в Италию, - а о них написали все газеты, - и устраивали путешественникам овацию. Единственные, кто не разделял восторгов людей, были проводники и вагоновожатые, и водители поездов, и начальники станций.

- Быстрее, что ли, не можете тащиться! - нервно восклицали железнодорожники, выпуская у паровоза пар, как из себя. - Прочь с колеи, насекомые!

- Оставьте вы их! - вступались за парней пассажиры. - Они идут за своей мечтой, и если той вздумалось ползти медленно, то не оставить ли их в покое?!

Железнодорожники покорялись, и устраивали перерывы. Ставили поезда на самую малую скорость, и те уныло плелись за Василием с Серафимом, то и дело подталкивая их в зад. Пассажиры выходили из вагонов прогуляться и подышать свежим воздухом. Устраивали пикники, не боясь отстать, ведь за час поезд проходил всего два-три километра. Многие принимали на крыше вагонов солнечные ванные, а особо нетерпеливые женщины ловили в зеркала солнечных зайчиков, и отпускали тех только за жаркий поцелуй.

- Как здорово, - говорили экзальтированные девицы, - что есть такие люди, как Серафим Ботезату и Василий Лунгу. Ведь только благодаря им мы вспоминаем, что не всегда нужно спешить. И благодаря им наше время останавливается, как несшийся за птичкой пес, что унюхал зарытую в земле кость…

А Василий и Серафим шли, напрягая спины, и проливая на раскаленные рельсы шипящий пот своей усталости, да невесело улыбались друг другу. Оба думали о том, что, не усни они, может, и увернулись бы от снарядов "Града", которыми разбивали облако, где прятался их летающий трактор. Судьба, понимали оба, и Василий не надеялся больше ни на что, потому что с трактором разбилась вся его жизнь.

- Мы несем остатки машины в Ларгу вот почему, - пыхтя, объяснял он Серафиму, который вовсе не спрашивал, зачем они несут в Ларгу остатки машины, а покорно нес их в Ларгу, - мы предадим их там земле, как тело самого достойного человека…

Василий твердо решил, что похоронит свой летающий трактор рядом со своим отцом, незабвенной памяти достойным мужчиной с сердцем мягче растаявшей ледяной розы. Вспоминая об этом, он вышагивал ровнее, и приободрял спутника.

- Эх, Серафим, - улыбался он, плача, - грош цена нам была бы, не попробуй мы попасть в Италию. Но, видно, не судьба. А раз так, то зачем с ней, судьбой, бороться?

- Давай поговорим об этом позже, - осторожно говорил Серафим, строивший новые планы, - когда попадем в Ларгу и отдохнем.

Паровоз за ними давал мощный гудок, и друзья, подняв головы, видели поезд, идущий навстречу. Машинисты, сцепившись, переругивались, кому сдавать назад, а друзья брели себе по рельсам, да раскланивались на аплодисменты пассажиров. За время пути Василий и Серафим окрепли, и стали подобны двум Аполлонам, вздумай Аполлон родить себе двойника, да переселиться в Молдавию.

О Василии и Серафиме написали в газетах, сначала в железнодорожных, а потом республиканских. Их называли пилигримами рельсов. Поначалу руководство Молдавской железной дороги хотело убрать их с путей, потому что они тормозили расписание поездов на четверо суток. Но потом, увидев популярность друзей, решило на них заработать. Василию с Серафимом предложили постоянную работу: курсировать от Кишинева до Унген и обратно, по рельсам. На маршрут чиновники собирались запустить пять поездов с саунами, кинотеатрами, залами для танцев, ресторанами, бассейнами, библиотеками и номерами люкс. Билеты на предполагаемый маршрут собирались продавать по 300 долларов, и привлекать для путешествий хотели иностранцев. Тур намеревались назвать "Очарование железной дороги или философы рельс".

Но пока на это искали первоначальный капитал, Василий и Серафим дошли по железнодорожной ветке до Унген, а потом поднялись к северу, и добрались до Ларги. И за время пути они стали любимцами всех пассажиров Молдавии. Но в вагон парней не взяли ни разу.

Потому что денег на билет у них не было.

ххх

Отоспавшись за неделю, Серафим проснулся на рассвете, и, провожая взглядом умирающую в голубом мерцании нового дня Венеру, придумал, как попасть в Италию.

- Василий, проснись, - растолкал он друга, примчавшись к тому сразу после того, как умылся, - я придумал, как попасть в Италию!

Василий, спавший на деревянной скамье под орехом, долго моргал, пытаясь понять, что случилось. А когда до него дошло, чего хочет Серафим, Лунгу задумался, и вылез из-под старого одеяла.

- Такие вещи всухомятку не обсуждаются, - торжественно сказал он, - Нужно помочь мозгу!

И, сунув босые ноги в старые калоши, пошел в подвал за вином самого лучшего урожая, того винограда, что собирал еще со своей покойной женой. Оттого, что они в ту осень еще жили мирно, вино это всегда отдавало ему невыносимой горечью слез Марии. Потому Василий его и любил.

- Ты понимаешь, - перед тем, как выпить по первому кругу, спросил он Серафима, - что нам будут нужны материалы для этого?

- Я понимаю, - сдержанно ответил Серафим. - Пей.

- Теперь ты, - передал стакан другу Василий, понюхав растертый в пальцах ореховый лист. - И где же мы их возьмем без денег? Украдем деньги?

- Этого делать не стоит, - разумно рассудил Серафим, - потому что, если мы украдем деньги, то зачем нам нужно будет тратить на материалы, если мы сразу можем потратить их на поездку в Италию?

- Мудро, - согласился Василий, - ну, и?

- Ты знаешь, что нам для осуществления этого грандиозного плана нужна подводная лодка, - задумчиво начал Серафим, - небольшая, на которой мы могли бы незаметно выйти из Днестра в Черное море, и, обогнув часть побережья Румынии и Словении, взять курс на Италию…

- Так, - кивнул Василий, - но ведь подводную лодку из слов не сделаешь…

- Мы сделаем ее из материалов, - разглядывал орех Серафим, наливая вино на слух. - Из материалов, мой друг…

- Каких?! - не выдержал, наконец, Василий. - Если у нас ни черта нет?!

Серафим выдержал драматическую паузу, отпил, глядя поверх стакана Василию в глаза, передал другу стакан, и решительно произнес:

- Мы выкопаем останки трактора!

ххх

Само собой, сначала друзья подрались. Вася, едва услышав кощунственное предложение Серафима, заехал тому ногой в грудь, а когда Сема упал, побежал за вилами. Вернувшись из сарая во всеоружии, Василий потряс головой, потому что его обидчик… пропал. Правда, очень быстро нашелся, свалившись прямо ему на голову с ветви ореха. Некоторое время Серафим бил Василия головой об скамейку, пока Лунгу не увидел красную пелену, что поползла на его глаза с макушки, и не вывернулся, саданув противника в бок.

- Эх, - согнулся от тычка Серафим, и повторил, - эх-эх.

А Василий ударил его по спине тупым концом вил, но не потому, что пожалел, а просто ухватил вилы неудобно, а пока перевернул их,

чтобы воткнуть, серафим уже швырнул ему в лицо кувшин с вином, и применил ужасно эффективный прием. Прием этот приятели, - еще будучи совсем молодыми, - видели в фильме про Брюса ли, который показывали в колхозе на заре 90-хх годов, и вход в комнату с видеомагнитофоном стоит три рубля. Высоко подпрыгнув, и ухватившись за ветвь ореха, Серафим ударил двумя ногами в грудь Василия, и выкрикнул:

- А-йа!!!

После чего благоразумно схватил вилы, и убежал в дом, закрывшись. От поджога его спасло только то, что дом был Василия, а тот жечь своей жилище, чтобы выкурить свежеобретенного врага, не решился.

ххх

К полуночи вино в доме закончилось, и Серафим стал плакать и просить выпустить его. Василий, высосавший пять кувшинов, смягчился, и друзья помирились, скрепив дружбу крепким поцелуем и мужскими объятиями.

- А теперь, - смахнул слезу Серафим, - пошли к священнику. Если он согласился отпеть и предать останки трактора земле по христиански, то разве откажется он же провести эту, как ее, эксгумацию?!

Месяцем раньше отец Паисий, находившийся в очень тяжелом материальном положении, и правда согласился провести обряд отпевания над кусками железа, принесенными в село Василием и Серафимом. Священник даже произнес "предаем земле прах раба божьего трактора". Но согласится ли Паисий, раз пошедший на извращение христианского вероучения, повторить святотатство?.. серафим не сомневался, что да. Василий не был в этом уверен, но повторения дневной схватки ему не хотелось, потому что от вина у него болела голова, а от побоев - ребра.

- Что?! - изумился, свесившись из окна, Паисий. - Откопать покойника?!

- Отец, - попробовал смягчить ситуацию Серафим, - это же всего лишь механизм. Трактор.

- Какая разница?! - зашипел Паисий. - После того, как мы его отпели по-христиански, он, этот ваш трактор, стал вполне нормальным, человеческим, я бы сказал, покойником. Выкопать покойника?! С ума сошли?

- Батюшка, нам ведь очень нужно, - канючил Василий, - мы ведь на богоугодное дело.

- Нет, - отрезал Паисий, - попробуйте только, сразу вас анафеме предам. Совсем ополоумели. Сначала заставляют священника трактор отпевать, потом священника же просят разрешение дать на то, чтоб покойника этого, то есть, тьфу, трактор, выкопать…

- Батюшка!

- Еретики!!!

- Отец Паисий!

- Отлучу! И не просите. Ясно?! Что есть наша религия?

- Не знаю, - стушевался Василий.

- Наша религия есть меч, - отчеканил Паисий, - ибо сказано, не с миром, но с мечом пришел к вам!

Тут вмешался Василий.

- А если мы вам из Италии вызов пришлем? - спросил он тихо. - Вызов и работу. Письменное обязательство дадим.

Священник посопел, и сел на подоконник.

- Наша религия, - протянул Паисий друзьям ручку с бумагой, - есть мир и милосердие. Пишите.

ххх

В присутствии священника, благословившего процедуру, и нескольких сельчан, друзья разрыли могилу трактора, и сняли с креста табличку. На ней было написано: "Трактор сельскохозяйственный.

Помним, и любим. 1980-2004". Еще на табличке был нарисован трактор с человеческой рукой, в которой была рюмка с вином. Теперь надобность в этом памятнике отпала…

- Благословляю вас, - торопливо перекрестил друзей Паисий, - и помните, что добрые христиане слово держат.

После чего ушел, торопливо подметая кладбищенскую пыль грязной рясой. Василий, глянув ему в след, подумал, что священник явно что-то замышляет.

- Двигатель, - пыхтел Серафим, разбирая гроб, в котором месяц назад Василий пожелал хоронить останки своего трактора, - не восстановить, да нам это и не нужно! Нам он как балласт пригодится! А металл нужен для корпуса!

Священник скрылся, наконец, за забором погоста, и Василий стал помогать Серафиму. За час работу управились. Пустой гроб отложили в сарай на углу кладбища, а останки трактора на носилках потащили в дом Василия. В пути приятели поспорили, как именно будет выглядеть подводная лодка, в какой цвет покрашена, и какое имя ей нужно дать. Но особо не увлекались, ограничившись словесными прениями.

- В любом случае, - вздохнул Василий, - нам придется что-то делать с двигателем. Ведь если мы попробуем доплыть до Италии, используя лишь карту подводных течений, нам до цели и за год не добраться.
- С двигателем не будет никаких проблем, - успокоил друга Серафим. - Ты только глянь туда.

Василий поднял глаза, увидел перед собой велосипед деда Тудора, отдельно - педали от него, и все понял.

ххх

Василий, в роскошной черной форме, с позолотой на фуражке и ярко-красными лампасами, стоял навытяжку. Рядом с ним, слегка

сгорбившись, - сказывалось, что в армии никогда не служил, - глядел, чуть склонив голову набок, Серафим. Оба они ели глазами румынского таможенника, который едва дар речи не потерял, когда увидел этих двух странных молдаван. Обычно на этот пропускной пункт приезжали люди на машинах. А эти пришли двое, да не с пустыми руками. Но и не с сигаретами, растворимым кофе и свининой, что обычно молдаване везли в Яссы[14], чтобы перепродать. Эти двое тащили на руках странного вида конструкцию, очень похожую на дешевую сигару, или…

- Подводная лодка! - не веря своим глазам, прошептал таможенник. - Маленькая, но все-таки подводная лодка! Иисусе Христе. Чего только эти молдаване не вытворяют, а?! Они что же, собираются перепродать в Яссах маленькую подводную лодку?!

Изумленно качая головой, румын глядел, как двое чудаков походят к пропускному пункту. Мало им того, что они подводную лодку тащат, так еще и вырядились, как шуты! Один буквально адмирал без флота, другой в тельняшке и пиратской косынке на непутевой башке… Ох. Неужели снова сумасшедшие какие-то?

- Вот, - весь сияя, протянул Серафим сопроводительные документы таможеннику, - извольте поглядеть.

И вытянулся по стойке смирно рядом с Василием, хотя обоим хотелось, высунув языки, присесть в тени таможенной будки, да дать ветру почесать у себя в бороде. Увы, место было занято несколькими бродячими собаками, которых таможня подкармливала, и которым разрешалось пересекать государственную границу когда угодно. Таможенник цыкнул зубом, и, почесав спекшиеся от солнца волосы, начал читать.

- Необычный конкурс проходит в американском штате Мэриленд, - запинаясь, читал бумажку таможенник, - где студенты инженерных факультетов демонстрируют самодельные подводные лодки на педальном приводе. Победившей станет команда, которой удастся на своей мини-субмарине за самое короткое время проплыть стометровую

дистанцию. Место проведение соревнований - специальный тренировочный резервуар ВМС США. По словам участников, необходимым условием победы является оригинальная конструкция субмарины и… сильные ноги.

Василий и Серафим, улыбаясь, кивали.

- Это еще что? - удивился румын.
- Это документ, показал на вырванную из газеты страницу Серафим, - подтверждающий наше участие в международных соревнованиях, которые пройдут в США. Мы там будем присутствовать в качестве почетных гостей.
- А как, - изумившись наглости молдаван, таможенник даже не рассердился, - вы в США попадете? Пешком?
- По морю, - с сожалением глядя на румына, ответил Василий. - Разве не понятно?!

Глубоко вздохнув, таможенник постоял немного, потом застегнул на кителе все пуговицы, поправил фуражку и отдал двум сумасшедшим молдаванам честь. Развернулся и четко, как на плачу, промаршировал в будку, где, давясь от хохота, рассказал все зевавшим от безделья коллегам. Те собрались, подтянулись, и вышли навстречу Василию и Серафиму как на торжественной церемонии.

- Мы рады, - начал, кусая губы, старший таможенник, - приветствовать доблестных представителей того, что, без сомнения, является зачатком будущего великого военно-морского флота Молдавии.
- Ура! - подхватили охочие до развлечений таможенники.
- Честь имеем! - кривляясь, подхватили другие.
- Слава! - наконец, дружно заорали все хором. - Слава!!!

Василий и Серафим, улыбаясь, жались друг к другу. Таможенники становились вокруг них все теснее. Наконец, один из румын не выдержал, и, взяв Лунгу за ухо, сказал:

- Вы что же нас, совсем за идиотов принимаете?..

- Никак нет! - ответил напуганный Василий. - Мы правда спортсмены-подводники. Просто документы потеряли. Но мы можем подтвердить делом.

- Это как? - язвительно спросил румын. - Переплыть реку, которой здесь нет?

Реки здесь и вправду не было. Она начиналась километрах в тридцати за таможней. Серафим глубоко вздохнул, и про себя взмолился богу, чтобы все прошло гладко. Ведь для того, чтобы попасть к Днестру, им нужно было пройти эту, румынскую таможню, потому что на приднестровской их бы непременно заподозрили в вооруженной агрессии. Поэтому Василий придумал план: нарядиться в костюмы, которые друзья украли в районном театре Бельц, и попробовать перейти границу наскоком.

- Вы наверняка знаете, - с умным видом сказал Василий, - о существовании такого явления, как подземные воды. Сегодня я бы хотел рассказать вам о существовании совершенно особенных подземных вод вашей горячо любимой родины, Румынии.

- Молдавии, - поправил таможенник.

- Но ведь это и есть Румыния! - сказал Василий.

- Ну, и? - удивился таможенник.

- Они, - продолжал Вася, - подразделяются на грунтовые и межпластовые. Сейчас я бы хотел подробнее остановиться на классификации первой категории вод. Итак, грунтовые воды приурочены к первому от поверхности водоносному горизонту, расположенному на первом водоупорном слое и не перекрытому водонепроницаемыми породами. Водоносный горизонт представлен песками современного, хвалынского и на севере Румынии хазарского возрастов. Глубина залегания грунтовых вод от нескольких до пятидесяти метров!

- Много, - с уважением сказал младший таможенный инспектор, уже потерявший нить разговора.

- Большей частью, - объяснял Василий, - воды соленые. В то же время в районе румынского озера Лаку Рошу хазарские воды пресные и являются источниками водоснабжения одноименного озеру поселка…

- Лаку Рошу? - несмело предположил помощник инспектора.

- Совершенно верно, - довольно согласился молдаванин в адмиральской форме, - недаром он одноименный озеру Лаку Рошу. Но я, господа, не о том.

- А о чем, - уже ничего не понимал старший инспектор. - вы, господин?

- Я о классификации теперь уже другой категории подземных вод. Межпластовых!

- О, - простонал младший инспектор, - мне, кажется, голову напекло…

- Межпластовые воды, - неумолимо продолжал Василий, - находятся в водоносных слоях между пластами водоупорных пород. Этот тип подземных вод прослеживается в разновозрастных горных породах по всему неологическому размеру, начиная с четвертичных отложений. Я подчеркиваю, четвертичных! Каких, кстати, отложений?

- Четвертичных, - с готовностью повторил таможенник.

- Верной! - поднял палец Василий. - Но суть не в этом. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что большей частью межпластовые воды характеризуются повышенной минерализацией и рекомендуются к использованию в лечебных целях! Именно поэтому мы с коллегой с обираемся провести эксперимент, и используя каналы подземных вод, пройти по ним до самого моря, а уже оттуда выйти в океан, и доплыть до самых США! А уже там, как было указано выше, принять участие в необычном конкурсе, проходящем в американском штате Мэриленд, где студенты инженерных факультетов демонстрируют самодельные подводные лодки на педальном приводе. Вам все ясно? Серафим, лодка на плечо, ать-два.

Таможенники, ничего не понимая, расступились. Из семи человек шестеро их были с высшим образованием, а младший инспектор даже защитил докторскую диссертацию. Но сейчас все они чувствовали себя почему-то кретинами. И тупо провожали взглядами двух молдаван с подводной ложкой, пока старший инспектор не пришел, наконец в себя. Он пошел за Василием с Серафимом, на ходу расстегивая кобуру пистолета, и крикнул:

- Эй-эй, куда? На каком таком?..

- Вы ведь наверняка знаете, - сказал, не оборачиваясь Василий, - о существовании такого явления, как подземные воды. Но я хочу сказать вам о существовании совершенно необычных подземных вод вашей горячо любимой родины Румынии. Разве вы не хотите об этом послушать? Или вы не патриот?! Так, подземные воды Румынии… Они подразделяются на грунтовые и межпластовые. Сейчас я бы хотел подробнее остановиться на классификации первой категории вод. Итак, грунтовые воды приурочены к первому от поверхности водоносному горизонту, расположенному на первом водоупорном слое и не перекрытому водонепроницаемыми породами. Водоносный горизонт представлен песками современного…

Таможенники, застывшие, как гамильтонские дети, пришли в себя только через час. Но догнать Василия с Серафимом они не успели. Когда машина с разъяренными румынами подъезжала к Днестру, самодельная подводная лодка "Маринеску" уже уходила под бурную воду реки.

- По крайней мере, - сказал старший поста вечером, когда все таможенники напились, - сегодня мы узнали много нового о грунтовых водах нашей горячо любимой родины…

Мужчины встали, чокнулись, и рявкнули:

- За подземные воды Румынии!

ххх

- Интересно, - лениво крутил педали Василий, - дед Тудор простит нам воровство его велосипеда?

- Не велосипеда, - поправил его Серафим, следивший за курсом в окошечко из плексигласа, украденного со стола районного землемера, - а педалей…

- Но украли-то мы весь велосипед! - возмутился Василий.

- Но взяли от него только педали! - возразил Серафим. - Есть разница!

- Никакой, - подумав, решил Василий, - ведь если лиса душит гуся, чтобы съесть только его мозги, то мы же не говорим, что лиса погубила мозги. Мы говорим, лиса задавила гуся.

- Если тебя мучает совесть из-за велосипеда деда Тудора, - понимающе похлопал по плечу товарища Серафим, - то ты зря переживаешь. Когда мы будем в Италии, и заработаем кучу денег, то непременно купим ему самый лучший, гоночный велосипед. И пришлем, с кучей денег, деду Тудору, этот велосипед.

- А старый? - распереживался Василий. - Что будет со старым велосипедом? Он же еще не совсем изношенный. Нельзя же так транжирить технику!

- Старый велосипед без педалей, - торжественно пообещал Серафим, - мы поставим в музее села Ларга, когда разбогатеем, как Крезы. И нашу подводную лодку туда же поместим. Школьники будут любоваться нашими подлодкой и велосипедом!

- Положим, - опротестовал слова друга Василий, - велосипед не наш, а деде Тудора…

- Да какая разница!

- Кстати, а как наша подводка по…

- По водку, - презрительно поморщился Серафим, - пельмени в Сибири жрут. А у нас с тобой подлодка, понял? Запоминай. Под-лод-ка.

- Понятно. Ну, а как наша подлодка поплывет за…

- Плывет, - брезгливо перебил друга Серафим, - только дерьмо. Да еще и на волнах качается. А наша с тобой подлодка идет. Понял? Запоминай. Подлодка. Ходит.

- Ты самый настоящий старый морской волк, - с уважением сказал Василий, - где это ты успел набраться?

- Из книг, - признался Серафим, - как почти все, что знаю в этой жизни. Итальянский язык я выучил по книгам, Италию узнал из книг, скульптуру Микеланджело полюбил по книгам. Ничего настоящего, как видишь, я в жизни не видел и не слышал.

- Твоя любовь к Италии, - одобрительно сказал Василий, - достойна самого большого уважения. Но где ты нашел самоучитель итальянского языка?

Серафим вздохнул, и опустил голову. В волосах его поблескивала, как в темной воде реки изредка скакал солнечный луч, седина. И Василий на миг залюбовался профилем друга, ставшего задумчивым и мрачным.

- Мы выходим из лимана, - негромко сказал Серафим, - и вот-вот будем в открытом море. Сильно на педали не жми. Не нужно уходить далеко от берега.

Василий кивнул и ослабил нажим. Оглядевшись, он поразился собственному инженерному гению. Небольшая подводная лодка, обшитая листами металла, оставшегося от многострадального трактора, внутри представляла собой весьма уютную каморку. Двое мужчин размещались в ней свободно. Кроме двух мест, - для капитана и гребца, - были предусмотрены лежаки для отдыха. На всякий случай была предусмотрена и выдвижная труба, по которой мог в аварийных ситуациях поступать воздух. Василий улыбнулся. Все шло по плану.

- Не обольщайся, - предупредил его Серафим, - работать придется много. Ведь к лиману нас сносило течением, а в море его не будет…

К полуночи друзья подняли лодку на поверхность, и легли в дрейф. Василий, глядя на теплые звезды лимана, такие все еще родные и молдавские, но уже чуть украинские и потому чужие, задремал, опустив руку в теплую воду.

Серафим же все глядел и глядел на лунную дорожку, напоминавшую ему волосы Стеллы…

ххх

Пролетая над Альпами, самолет заложил вираж, и в ушах у президента засвистело. Дождавшись, пока машину выровняют, он встал с кресла, несмотря на просьбы стюардесс, и пошел в кабину пилотов.

- А полегче никак нельзя?! - крикнул он. - Разбушевались, Чкаловы!

- Простите, президент, - оправдывались пилоты, - но чтобы исчезнуть с радаров, это был совершенно необходимый трюк.

Воронин, поворчав еще немного, присел прямо на полу, и хлебнул чаю из термоса. Сюда бы еще коньяку, подумал президент, но решил - это уже после. Все-таки в его возрасте подобные рискованные процедуры нужно выполнять, будучи совершенно трезвым.

- Коньяку бы, - облизав губы, словно угадал мысли шефа пилот. - Вот уж потом напьюсь.

Президент оглянулся. В проходе салона столпилось двадцать человек из свиты. Пять советников, шестеро из службы протокола, один министр реинтеграции[15], и восемь человек совершенно посторонних. Те попали в президентскую делегацию просто потому, что у них нашлось по четыре тысячи евро за вывоз в Италию. Присутствовали в самолете еще несколько человек, судьба которых была совершенно неясна. Двое советников, по экономике, и по внешней политике, которых Воронин не очень-то и любил.

- Ребята, а чтобы все было чисто, вы самолет и вправду разобьете? - спросил он, отвлекаясь, у пилотов. - Совсем?

- А чуть-чуть разбить самолет, наш президент, - смеялись молодые белозубые летчики, - невозможно. Так что совсем разобьем. Не беспокойтесь. Парашют взяли?

- Так точно, - вдруг по-военному ответил Воронин, и снова захотел коньяку. - Выпить с собой есть? В смысле, уже потом. На земле?

- Само собой!

Летчики посмеивались, и Воронин успокаивался. До осуществления его мечты оставалось всего десять минут. Две минуты назад его самолет ушел с радаров Земли. Сейчас они летят уже над территорией Италии. Через пять минут он, и его сопровождение, - все, кто скинулся по четыре тысячи, - будут прыгать с парашютами. Их в

условленном месте уже ждут молдаване, которые занимаются трудоустройством наших в Италии. Наконец-то, подумал Воронин, я попаду в нормальную страну. Где на улицах чисто. Где люди вежливые. Где всем живется, как в раю. Может, подумал он, прощупывая в прокладке пиджака зашитые десять тысяч евро, пиццерию потом открою…

А на родине пускай Лупу разбирается, спикер. Он молодой, он справится. К тому же, думал Воронин, кто бы не приходил к власти в этой стране, никому не удается сделать жизнь в ней лучше. Молдавия просто заколдованная какая-то! Так что черт с ней. Через десять минут он выпрыгнет с парашютом, его встретят, привезут в городок на севере Италии, дадут работу и документы. И вся свита так же устроится. А самолет, который оставят и пилоты, разобьется в верхушках гор. За те недели, что до него кто-то доберется, его занесет снегом и льдом, и искать тела вряд ли станут. Президент увидел весь план, как единое целое, и вновь подивился уму тех, кто планирует переправку молдаван в Италию! Таких бы побольше в правительстве, может, и выкарабкается Молдавия-то!

- Значит, вы президент, - задумчиво повертел в руках визитку Воронина человек в кишиневском офисе, - и хотели бы смыться в Италию, а денег у вас всего четыре тысячи евро? Ну, что ж, это как раз обычная такса. Автобусом ехать не хотите? А чем? Давайте мы придумаем, как вас отправить. Только с одним условием.

- Да-да, - с готовностью отозвался президент

Он пришел в этот офис вечером. А нашел эту фирму по объявлению на столбе "Отправляем в Италию. Не интим". И два телефона.

- Условие простое, - сказал делец. - Бензин ваш!

… Подумав о том, какую скорбную рожу скорчит Берлускони[16], Воронин засмеялся. Поделом ему, старому жулику! Не хотел пускать делегацию президента Молдавии, так пускай теперь выражает соболезнования.

- Мой президент, - похлопал по плечу Воронина старший пилот, - готовьтесь.

Президент встал, и, глянув на советников без парашютов, вспомнил.

- А с этими, - ткнув в их сторону большим пальцем, спросил он, - что делать?
- А ничего, - махнул рукой пилот, молодой парень, - пускай остаются…
- Где? - не понял президент. - Самолет что, без пилотов в Молдавию вернется?
- Пускай в самолете остаются, - объяснил пилот, - вот что я подразумеваю.

Президент подумал, и решил, что это будет не очень хорошо. Негуманно как-то.

- Негуманно как-то, - крикнул он пилоту, уже открывавшему двери для десантирования. - Мы же не звери.
- Правильно! - заорал пилот. - Мы люди, и, в отличие от зверей, мыслим и думаем.
- Верно! - одобрил президент.
- И вот я думал, думал, и вот чего придумал. Если вдруг до самолета доберутся, два тела все-таки найдут, значит, вопросов будет меньше. Это раз. Если мы хоть одного человека даром в Италию вывезем, получается, мы себе весь бизнес порушим. Это два! Так что делаем?..

Президент оценивающе глянул на советников, пожал плечами, и шагнул к открытой двери. Оттуда волосы его развеял по лице мощный ветер, и Воронин будто десяток лет сбросил. Перед тем, как он прыгнул, пилот еще раз спросил:

- Так что делаем с этими-то?

Президент ответил:

- Соболезнуем!

ххх

… Думая о волосах Стеллы, Серафим с тоской вспоминал девушку, и пенял жизни за то, что она сложилась не так. Ведь в библиотекаря Серафим был влюблен с самого первого класса. С тех самых пор, как глядя на ее чуть влажные виски, уселся рядом, и ударил по спине пеналом. Но шли годы, они росли, а парта нет, и Стелла никак не давала понять, - с досадой думал робкий Серафим, - своего к нему расположения. Может, думал он, потому и нашел я другую любовь своей жизни, Италию. Но и Стеллу забыть было трудно. А думая о ее любовнике, председателе райцентра, о связи которого со Стеллой судачил окрестный люд, Серафим чувствовал, как невидимая рука архангела Гавриила сокрушает ему ребра. Но потом смирялся, поскуливая.

- Что поделать, - стонал тихонько, чтобы не разбудить Василия, Серафим, - судьбу не выбирают. Не суждена она мне, не суждена.

Серафим вспоминал, и как пришел к Стелле за самоучителем итальянского языка, и как она была холодна с ним, и как он пытался мыслями пробудить в ней чувство, но словами сказать постеснялся, а потом уходил, досадуя на себя. А она, наверное-то, сразу о нем забыла, едва он за порог вышел, и стала прихорашиваться, любовника своего ожидая…

Что ж, в жизни каждого мужчины бывает женщина, которая и слышать о нем не хочет, а он сохнет и сохнет, словно брынза, вынутая из рассола, и брошенная на каменный прилавок рынка…

Серафим сжал зубы, и снова застонал. Потом решительно, но осторожно, чтобы не перевернуть лодку, встал. Хватит! Он все же человек взрослый, и у него есть дела поважнее мальчишеских увлечений. Пусть даже глаза у этого увлечения каждый - с

виноградину, а грудь округлая, как холм у верховья Днестра, и тело желанное, словно подарок на Рождество, а тело гибкое, как юная еще лоза, что прорастет даже сквозь промерзшую землю. Хватит! Он, в конце концов, не мальчик. Серафим выдохнул, и глянул вперед. Это был уже десятый день пути. Приятелям повезло с погодой. По всем расчетам получалось, что они уже недалеко от побережья Италии. Послышался плеск и Серафим оглянулся. Катер береговой охраны возник внезапно. Серафим улыбнулся и, показав ладони рук, громко сказал на отличном итальянском:

- Приветствую вас, доблестные потомки Рима!

Пограничники улыбнулись, и Серафим расслабился. Улыбаясь, он вдруг почувствовал, как лицо его погружается в теплую воду гостеприимного моря, ноги содрогнулись, как от удара, и еле успел схватить за шиворот Василия. Пограничники, которые успешно торпедировали подлодку "Маринеску" ручной гранатой, уплыли, даже не заинтересовавшись, остались ли в воде живые люди. Серафим продержался с Василием до утра, и их подобрали украинские моряки, идущие в Одессу. Оттуда друзей депортировали в Молдавию.

- Добро пожаловать на родину, работяги! - сказал им молдавский таможенник. - И не говорите, что вы не привезли из Италии денег!

ххх

Самоучитель Серафим получил только благодаря любви к нему библиотекаря Стеллы.

Библиотекарь района, Стелла Запорожану, была влюблена в Серафима Ботезату с того самого дня, как строгая сельская учительница усадила их за одну парту в первом классе. Глядя на задумчивого мальчика с пышными, - станет ли пышной моя грудь через десять лет, переживала девочка, - ресницами и болезненно задумчивым, всегда скользящим взглядом. Стелла не могла поймать его почти полгода, и ночами не спала, изнывая, и думая:

- Куда же он смотрит, этот Серафим?

И когда, наконец, поймала взгляд соседа по парте, то пропала, потому что поняла: он смотрит в самое красивое, что только может быть на свете. В глаза свои. С тех пор Стелла потеряла покой, и двадцать лет ее жизни стали адом. Особенно с тех пор, как Серафим, которому исполнилось четырнадцать лет, заболел Италией. И перестал глядеть на окружающий мир. С тех пор Стелла все чахла, да чахла, в отличие от тела своего, что расцветало.

- Уже и воск на фотографию лила, - жаловалась она матери, повзрослев, - и булавку в подол втыкала, да юбкой этой ноги его обмахивала, уж и волосы ему тайком срезала, чтобы в колодце за полночь утопить, да из воды той любви натопить, уж чего я не делала!

Мать, покачав головой, посоветовала дочери от этого мужчины отойти душой. Не твой он, говорила она, и была права, потому что Серафиму было не до Стеллы. И не до жены, которую ему родители подыскали, но с которой он послушно начал жить. Даже на свадьбе своей Серафим сидел с пустыми глазами, и все пытался понять, в гондолу с какой ноги заходят в Венеции, с левой или все-таки правой?

А Стелла после той свадьбы твердо решила никогда и ни за кого замуж не идти, остригла волосы, и заточила себя в монастырь районной библиотеки, посещали которую куда реже монастыря. Там годами сидела она над пыльными книгами, сторонясь чужой премудрости, и выплакивая душу свою летучим мышам, что обосновались над колоннами библиотеки. Здание было старым, и жили в нем когда-то местные дворяне.

- По вечерам, - глядел на молодую еще библиотекаршу председатель колхоза, - не страшно ли тебе здесь?

И, не дождавшись ответа, положил Стеллу на стол, и быстро раздел. После чего разделся сам и елозил по ее тяжелым, - все-таки стали они пышнее ресниц Серафима, - грудям. И потным ногам, и по мягкому животу, и замасленным подмышкам, и скользкому нутру, и

жаркому подкожному жирку, и прохладной от пота коже. Потом встал, молча вытерся и ушел. С тех пор председатель приходил к Стелле в библиотеку каждый вечер, и постепенно она даже научилась представлять, что на ней елозит Серафим, а не чужой человек. Правда, лица своего возлюбленного она представить не могла. Ведь не видела она его десять лет, с тех пор, как уехала из села в район, в библиотеку. Поэтому, когда к ней пришел посетитель, что было редкостью, Стелла в лицо его не узнала. Поняла лишь, кто это, когда мужчина дрогнул ресницами и сказал:

- У вас есть самоучитель итальянского языка?

Сколько Стела не пыталась дать понять Серафиму, что без ума от него, тот так и остался глух, да ушел, листая книгу, что получил в библиотеке. Обложки на ней не было, но все остальные листы присутствовали. Стелла вышла на порог библиотеки, - а Серафим уходил, - и думала, как загадочно устроено сердце мужчины, который гонится от мечты к мечте. А к вечеру собрала вещи и уехала из районного центра, закрыв библиотеку, и оставив председателя навсегда в тоске плоти. Постучавшись в дверь материнского дома в Ларге, Стелла стала жить на родине, и ожидать возвращения Серафима из очередного путешествия в Италию. Что он вернется, она не сомневалась. Серафим в Италии и часа не продержится, знала Стелла, потому что его там никто не поймет, и он никого не уразумеет.

Ведь Стелла подсунула ему самоучитель норвежского языка

ххх

Агентство "Новости Рима", 12/06/2005 *"Пограничники Италии предотвратили проникновение в страну террористической группы исламистов"*

"У побережья Италии было замечено, и расстреляно из гранатометов пограничниками судно, на котором находились, предположительно, боевики исламистского толка, намеревавшиеся совершить террористические акты в Риме и его предместьях.

- Это не случайная удача, - сообщает пресс-служба карабинеров Италии, - а закономерный финал продуманной, и осуществленной нашими лучшими специалистами операции. Она длилась примерно четыре года. Детали ее мы не раскрываем по понятным причинам.

Известно, что, как скупо сообщают представители правоохранительных органов Италии, террористы пытались проникнуть в Италию на мини-подлодке, изготовленной кустарным способом. Группировка насчитывала от 30 до 50 человек, и все они были уничтожены, когда отказались сдать оружие и подняться на борт катера береговой охраны Италии с поднятыми руками. Карабинерам также доподлинно известно, что среди боевиков находились и уроженцы Европы. В частности, после расшифровки одного из услышанных пограничниками крика, выяснилось, что исламисты разговаривали и на норвежском языке. Премьер Берлускони, комментируя инцидент, отметил профессионализм спецслужб Италии и подтвердил намерение Рима выполнять союзнические обязательства по отношению к американским партнерам в Ираке.

- Нас не запугать террористическому интернационалу! - заявил Берлускони. - Мы сильны единством!

Помимо этого…."

***"Новости Греции" 14/09/2005** "В Средиземном море найдена лодка с 75 истощенными мигрантами из Молдавии"*

Еще 30 человек погибли от истощения и обезвоживания. Лодка была обнаружена грузовым судном недалеко от берегов Сицилии. Пострадавшие доставлены в Сиракузы.

Пока установлено, что лодка с мигрантами из Молдавии отправилась из Словении. Каждый из мигрантов заплатил за перевозку до четырех тысяч евро".

***РИА Новости 12/06/2005** "Осло опровергает данные о каких либо центрах подготовки исламских боевиков на территории Норвегии, и выражает надежду, что расследование инцидента у побережья*

Италии будет честным и непредвзятым. Как заявляет министр внутренн…"

Агентство BASA-PRESS 12/06/2005 *"МОЛНИЯ! САМОЛЕТ ГЛАВЫ МОЛДАВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПОТЕРПЕЛ КРУШЕНИЕ НАД ТЕРИТОРИЕЙ ИТАЛЬЯНСКИХ АЛЬП. ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ДАННЫМ, ВЫЖИВШИХ НЕТ. ПОДРОБНОСТИ УЧТОНЯЮТСЯ. АГЕНТСТВО BASA-PRESS СООБЩАЕТ ПОДПИСЧИКАМ, ЧТО С ДАННОГО МОМЕНТА И ДО ВЫЯСНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КРУШЕНИЯ РАБОТАЕТ В РЕЖИМЕ НОН-СТОП. ОСТАВАЙТЕСЬ С НАМИ!"*

Агентство " Infotag" 12/06/2005 *"С момента прямой трансляции "Кто сменит президента Воронина?" и на сегодняшний час (всего 25 чсасов 43 минуты -* ***прим. "Инфотаг"****), нашу ленту новостей в Интернете посетило вот уже 150 тысяч человек! Не верьте конкурентам, которые утверждает о большем числе посетителей! Оставайтесь с нами!".*

xxx

Денег у Василия и Серафима, конечно, не оказалось. Как и ценностей, за исключением золотого крестика, которым Серафим успокаивал свою неверующую душу. Таможенник, конечно, крестик с бедняги сорвал, - сказал, что на сохранение, - и запер друзей в небольшой тюрьме при пограничном пункте.

- Это, - объяснил таможенник Михай Диордице, - моя личная, частная, так сказать, тюрьма, друзья мои. Открыта не из-за стяжательства, как утверждают недоброжелатели, а исключительно в духе частной инициативы в русле всеобщего стремления в Европейский союз… Вот. Так о чем я вообще?

- О том, что тюрьма ваша личная, - осторожно напоминал Василий, - частная, так сказать.

- Вот! - вспоминал Михай. - И правда! Поэтому вы можете гордиться тем, что являетесь первыми молдавскими узниками первой молдавской частной тюрьмы!

- А это дает нам какие-то привилегии? - поинтересовался практичный Серафим.

- Да! - смеялся Михай. - Вы можете стонать, когда вас бьют, ныть, когда заставят работать, и жрать то, что дадут!

Конечно, первыми узниками таможенник друзей назвал ради красного словца. В тюрьме, - добротном двухэтажном здании с толстыми решетками на окнах, сигнализацией, и колючей проволокой по периметру здания, - уже сидели около ста человек. Почти половина из них были цыгане из табора, который вот уже 500 лет кочевал по маршруту Сороки-Одесса-Николаево и обратно. С этим даже советская власть смирилась. Но таможенник Диордице, скопив денег на свою тюрьму, цыган во время очередной миграции задержал и, выражаясь его же языком, поместил в места не столь отдаленные.

- Вот отработаете Молдавии за пересечение ее государственной границы без документов и пошлин, - звякнул ключом таможенник, - и я вас сразу отпущу. Ромалы…

Цыгане, конечно, отрабатывать не стали, потому что сама работа, как таковая, противоречила многовековому укладу их жизни. В принципе, жизнь в тюрьме на государственном коште их бы устроила, если бы не одно "но". Кошта, как такового, не было. Заключенных в этой тюрьме не кормили.

- Как же мы выживем, добрый человек, - спросил Михая главный цыган табора, - И что тебе толку с мертвых цыган? Разве заплатят они тебе выкуп?

- Живые тоже не заплатят, - говорил таможенник, - так что выкручивайтесь, как сможете.

Тогда цыгана наловчились выкопать во дворе тюрьмы озеро, где останавливались во время перелета стаи пеликанов. Цыгане птицы ловили, солили, коптили, и того им на год хватало.

ххх

Принцип частной тюрьмы таможенника Михая Диордице был прост. Ему, капитану, разрешили открыть ее, с одним условием -

отчислять 10 процентов от выкупов и прибылей, содранных с путешественников, непосредственному начальству, майору Джику Петреску. Тот в свою очередь, обязан был отчислять 15 процентов от сумм, присланных ему подчиненными, тремя капитанами таможенных служб. За четыре года капитан Диордица окреп, возмужал, и стал весить 100 килограммов, против прежних семидесяти. Капитана совершенно не мучил вопрос, является ли его тюрьма средством незаконного удержания в неволе граждан Молдавии и других государств. Ведь частная тюрьма - предприятие в духе предпринимательской инициативы, а это в Молдавии приветствовалось.

- Я рад всему, - говаривал президент Воронин, трагически разбившийся в горах недавно, - что делает нас ближе к Европе!

Диордице и делал. Разве не было в Европе частных тюрем? Таможенных постов? В конце концов, таков главный принцип европейского мышления, считал Михай - главное, это собирать капитал, и аккумулировать, так сказать, средства. А когда есть средства, то есть и польза от них, потому что деньги пускаются в оборот Вот Диордица их и собирал, и запускал.

Время от времени капитан таможни Михай горько сожалел о том. что косное законодательство Молдавии не очень поощряло создание небольших частных армий. Ну, не армий, ладно, а так, хорошего вооруженного отряда человек в пятьдесят. Они бы, благодушно отдыхал после службы Михай, служили ему, и заодно Молдавии. Собирали бы пошлину. Приносили пользу ему, Михаю Диордице, а он, Михай Диорлдице, это и есть страна. Ну и, конечно, майор Джику Петреску, и подполковник Афанасие Виеру, и…

Иногда Михай подумывал и о том, чтобы поговорить с начальством на предмет разрешения ему печатать собственную валюту. А что?! Это было бы удобно. Печатаешь собственную монету… Помечтав об этом, капитан разволновался, встал с кровати, и босым вышел во двор тюрьмы. Там цыгане с силками уже поджидали

стаю пеликанов, которые как раз по весне садились народы рукотворного озера.

- Будулай, - весело крикнул одному из цыган, сидевшему в сторонке, капитан. - Чего грустишь? Выкуп плати, на свободу иди!

- Сколько раз повторять, - закричал, потрясая кулаками, седой и бородатый цыган, - я не цыган! И не Будулай! Я являюсь актером театра города Бельцы, и моя фамилия Волонтир, и зовут меня Михай, а как цыган я выглядел потому, что меня так загримировали в автобусе, который вез нашу труппу в Одессу выступать, и я совершенно не понимаю, почему вы сняли меня с рейса, и самоуправно держите здесь вот уже четвертый год!!!

Таможенник почесал плечо, и удивленно сказал:

- Ну, ты и психованный, Будулай!

Отвернулся, и присел у воды. Минут через пять на поверхность всплыла лягушка. Таможенник осторожно вытащил из-за пазухи допотопный, но рабочий, пистолет, тщательно прицелился, и выстрелил. Лягушка разлетелась, и Будулай, схватившись за сердце, начал материть Диордицу. Актер Волонтир так и не сумел привыкнуть к любимой забаве капитана. Таможенник Михай насмеялся всласть, после чего повернулся к заключенному, и прострелил тому ногу.

- Итак, - вздохнув, сказал таможенник, - Будулай, ты меня утомил. Огромная просьба, больше не порти мне забаву своими грязныцми оскорблениями, которые воспитанный человек и подумать-то не посмеет!

- Сколько раз повторять, - завыл, держась за ногу цыган, - я…

Таможенник выстрелил в другую ногу.

- … Будулай! - закончил Волонтир. - Я цыган, и звать меня Будулай!

- Как? - прицелился Диордица. - Как-как?

- Бу-ду- заревел Волонтир, - лай!!!

Диордица улыбнулся и спрятал пистолет. Потом вспомнил, зачем вышел к людям, в, так сказать, народ.

- Эй, ты! - позвал Диордице нового заключенного, Василия Лунгу, который сидел здесь за то, что пересекал границу без паспорта, и самое страшно, без денег, - мастеровой человек. Пролетариат, так сказать. Поди сюда.

Василий, не спеша, приблизился. Серафим, окучивавший грядки, выпрямился, и потер спину.

- А ты работай, работай! - махнул ему рукой капитан. - Чай, не при Совке живем, когда вы, быдло этакое, бездельничали, да водку жрали. Трудись, как в Евангелии заповедано! А ты, мастеровой человек, скажи одно…

- Слушаю, - угрюмо сказал истосковавшийся по воле Василий, который за три месяца тюрьмы исхудал, и совсем разочаровался в мечте об Италии, - вас, господин капитан.

- Вот ты скажи, - лукаво подмигнул таможенник, - смог бы я здесь монету свою печатать. Да нет, я не вообще, это уж не твоего ума дело. Меня технический, так сказать, аспект интересует.

- Монету? - переспросил Василий, после чего твердо, как монету, отчеканил, - Конечно. Настоящие деньги можете делать, господин таможенник.

- Из драгоценного, - поскучнел таможенник, - металла? А можно без него обойтись?

- Как это?

- А так, - мечтательно сказал таможенник, - чтобы печатать деньги, но денег на это… не тратить.

Серафим, прислушивавшийся к разговору, подошел поближе, и вмешался, поставив на карту все.

- Видите ли, - быстро заговорил он, в надежде, что таможенник не успеет разозлиться, и не пустит в ход "Маузер", конфискованный у настоящих контрабандистов, - задача, которую вы ставите перед Василием, не совсем техническая. А всем, что не техническое, в нашей

паре занимаюсь я. И могу вам сказать, что операция, задуманная вами, вполне осуществима. Вы совершенно свободно сможете ввести в обращение в подвластном вам регионе валюту собственного изготовления, не потратив на это почти никаких средств.

- Чего? - открыл рот выпускник Экономической Академии Михай Диордице.

- Вы сможете напечатать кучу бабок, не потратив на это ни хрена! - пояснил Серафим.

- Так понятнее, - почесал нос стволом "Маузера" Диордице, - расписывай дальше. Но так, чтобы теоретически даже я был чист.

- На границе ведь тучи ходят хмуро! - начал объяснять Серафим.

- … Край суровый тишиной объят, - подхватил веселый капитан любимую песню - У суровых берегов Амура. Часовы….

- Гм, простите, - перебил Серафим, - я не это имел в виду. Спеть можно позже! А я о чем? О том, что на границе места неспокойные. Полно всяких бандитов, мошенников, злоумышленников. И все они зарятся на кошелек путешественника. Особенно если он работяга, который из Италии или России домой с деньгами возвращается. Так?

- Так, - не понимал пока Диордице, - ну, и?

- А мы о нем позаботимся! - торжественно поднимал палец Серафим. - Вернее, вы. Напечатаете собственную валюту, причем открыто объявите, что она никчемная и дешевая. И при въезде будете отбирать у них все эти евро, да доллары с рублями, а взамен выдавать свою валюту.

- Она ведь дешевая и никчемная? -уточнил капитан.

- Правильно, - терпеливо объяснял Серафим, - и значит, на нее никто не позарится. И работяги привезут свой заработок домой в целости и сохранности! А все благодаря кому? Благодаря вам, гению финансовой мысли, отцу молдавского рабочего люда, капитану таможни Диордице.

- Ну, - уточнил капитан, - а когда они приедут домой, им надо будет настоящие, нормальные деньги отдавать взамен нашей валюты?

- А зачем? - пожал плечами Серафим. - Все равно ведь пропьют! Лучше организовать при каждом селе небольшой магазинчик, где продукты питания будут выдавать только за вашу валюту. Ну, и цены установить такие, как надо.

- А как надо? - хлопал глазами Диордице.

- К примеру, банку сока продавать за десять евро, - предложил Серафим.

- А чего так дорого? - автоматически перебил обожавший торговаться, как и все молдаване, капитан.

- А пусть пойдут поищут дешевле, если у них денег нет! - торжествующе закончил Серафим.

Капитан грустно поглядел на заключенного и сказал.

- Значит так. На всю страну мне такого сделать не дадут, но в пределах района разрешат. В качестве, так сказать, эксперимента. Мастеровой этот пускай деньги печатает из какого-нибудь дерьма. И запомни, умник… Крепко, и на всю жизнь, которую ты рядом со мной проведешь.

- Да? - шепотом спросил Серафим.

- Я бы тебя пристрелил, чтобы ты конкурентам не достался - признался таможенник, - да не запомню все то, что ты тут наговорил. Потому будешь бухгалтером.

Серафим покорно кивнул, и под руку с Василием вернулся к грядкам. Небо вдруг резко потемнело, и на озеро стали стремительно сыпаться белоснежные пеликаны. Цыгане приготовили силки. Из воды показалась лягушка.

Капитан Диордице прицелился…

ххх

- Быстрее! - торопил Серафим. - Нашей мечтой, Италией благословенной прошу. Умоляю тебя. Быстрее!!!

За спиной послышался лай, и Серафим, задыхаясь, с ненавистью стал толкать Василий к оврагу. Погоня, - лучшие надзиратели Диордицы с доберманами, - приближалась. А силы друзей почти оставили, ушли, из-за года тюрьмы, из-за работы непосильной, из-за еды тощей, как туберкулезная корова. Но другого выхода, кроме побега, у друзей не было. Оба понимали, что капитан Диордице

никогда не отпустит их на волю. Ведь благодаря уму Серафима и умению Василия таможенник стал зарабатывать огромные деньги. Поэтому, отпросившись на работу в кукурузном поле, друзья бежали.

- Не уйдем, - срываясь на хрип, выдохнул Василий, - не успеем. Прощай, брат.

- Как же так?! - отчаянно спросил Серафим. - Неужели сдаешься? А Италия? Держись! Мы с тобой убежим, и отдохнем, а потом подадимся в Италию. И попадем туда! Слово даю, попадем! Я знаю, ты не веришь…

- Верю, - ответил Василий, - верю, что попадешь. Когда ты об Италии говоришь, в глазах твоих правда маячит. Если ты туда не попадешь, значит, ни Бога нет, ни правды.

- Ты прости, - покаялся Серафим, - что из-за меня так много неприятностей в твоей жизни появилось.

- Брось, - вяло отмахнулся Василий, - судьба есть судьба. Мне вот что интересно. Есть ли она, эта Италия?..

- Есть. Верь мне. И мы там оба будем. Послушай меня! Выслушай! Вот мы сейчас овражек перейдем, и бросимся в речку. Там течение вынесет! Выкарабкаемся, брат!

- Но я не доживу…

- Ты это брось, - вновь поднялся Серафим, и, втащив Василия на спину, побежал, - мы уйдем от них, обязательно уйдем…

… охранники столпились на краю холма, и молча глядели, как Серафим с Василием на спине прыгает через ручьи, и все приближается к речке, что сразу за холмом разлеглась. Бесстыдно, как женщина, которая не стесняется показывать чужим мужчинам подмышки.

- Уйдут, - сказал начальник охраны, Будулай, а в прошлой жизни актер Волонтир, - не успеем. И собаки не успевают. А брать велено живыми.

- Сейчас попробую в ногу попасть, - предложил самый меткий охранник, - сейчас вот…

Серафим все бежал, как во сне, когда прилагаешь титанические усилия, а ничего будто не меняется. Как в замедленной съемке, поднимались от ударов его ног фонтаны воды, и вдавливались в жидкую грязь то ли еще берега, то ли уже реки, золотые листья молдавской осени. Холодный туман словно спиной прикрывал путь к реке, и, глотая его горячим ртом, Серафим провалился по пояс, решил, что погиб, как закружило его, завертело, и понесли их с Василием воды реки. И стало ясно - ушли они от погони…

… Подгребая левой рукой, Серафим крепко держал правой Василий, и говорил то, что в овраге сказать не успел. А Василий улыбался.

- Мы попадем в Италию, - говорил Серафим, - и все изменится! Не станет в нашей жизни грязи молдавской, нищеты ужасной, которая в головах наших поселилась, как короста в плешин нищего. Не станет поборов, унижений. Адского труда не будет, безысходности этой, от которой выть хочется громче, чем голодной собаке во дворе скупого попа.

Шум погони давно утих, и река тихо плескала в лицо им теплой водой, и ивы склоняли ветви все ниже.

- Там музеи, и культура, - мечтал Серафим, - там даже воздух сияет светом; небо там сверкает лучами солнца, и сама земля цветет неувядаемыми цветами, полна ароматов и прекрасноцветущих вечных растений, приносящих благословенные плоды!

И друзьям казалось, что благоуханный запах этот уже витает над ними, и над древней молдавской рекой Прут.

- Да и итальянцы, - говорил Серафим, - не такие хитрые, жестокие, злые и ленивые, как мы, молдаване. Не такие бездельники и бездари. Они даже одеты по другому. Их одежда такая же, как их страна. Веселая, и праздничная! И люди там красивые. И все они в голос славят свою Италию, потому что ее есть за что славить. А не как

Молдавию, которую нас призывают любить, но которая нам не мать, а мачеха!

Серафим еще очень долго говорил о том, какая это сказочная страна, Италия, и вода реки вторила ему, тихо-тихо, а потом в черном небе засиял месяц, и друзьям стало совсем не страшно. Не боялись они жирного сома на двести килограммов, который, говорили люд, в Пруте за последние два года пять человек за ноги схватил, да на дно утащил. Не боялись змеи, которая по лунному свету может поползти на самое небо, и оттуда упасть на голову человеку, который, ложась спать, не крестит потолок двумя пальцами. Плыли они по самому центру реки, и водовороты, завидев их, прикрывали свои черные, крутящие пасти. Коряги становились мягкими, словно волосы утопленниц. Рыбы выскакивали из воды, как озорные дельфины, чтобы поприветствовать Серафима и Василия. С озер, что лежат поблизости, доносился хор лягушек. И над всем этим благостным и негромким гулом возносился к вершине мира звон колокольчиков. И топот стад овец, бредущих куда-то по вытоптанным пастбищам, и несущих на себе эти колокольчики. И в сердце Серафима впервые воссияла пустота предстоящей разлуки с нелюбимой, но все-таки родиной…

А у Василия сердца уже не было, потому что его разорвала пуля охранника.

ххх

Постояв немного по колено в воде, и глядя на белое лицо друга, Серафим последний раз пожал его руку, и отпустил Василий в последнее плавание. Адмиральскую фуражку к рукам Лунгу Серафим намертво привязал, и очень жалел, что нет оружия, из которого можно было бы произвести прощальный залп. Ограничился короткой речью.

- Дорогой друг, - волнуясь, начал Серафим, придерживая Василия, чтоб течением не унесло раньше времени, - в эту тяжелую минуту расставания… нет, получается как-то официально. Прости, Василий. Гм. В свои самые лучшие дни покойный… нет, усопший…

Из-за холодной воды почему-то особенно остро болели колени. Серафим подумал, рубанул воздух рукой, и заговорил вновь:

- У меня есть мечта. Если Бог все-таки существует, я бы хотел, чтобы рано или поздно, он собрал всех нас. Униженных и обездоленных, оскорбленных и нищих. Собрал твою жену Марию, тебя, меня, деда Тудора из села Ларга, и еще три миллиона молдаван, ну, а может, еще и немножечко цыган, и посадил нас по правую руку от себя. И чтобы мы посмотрели друг на друга, и забыли о том, что есть боль, которую причиняли близким, и стали жить в раю, как в Италии. И чтобы после смерти в Италии мы получили все то, что нам не дали при жизни в Молдавии…

Закончив, Серафим прислушался. Река шумела неодобрительно. И даже надломанное дерево у ближайшего поворота скрипело как-то недовольно. Действительно, не прощание какое-то, а программная речь получилась, недовольно подумал Серафим. Вздохнув, он перекрестился, и сказал:

- Извини, Василий, и этот вариант какой-то… не такой. Сейчас… По-другому придумаю…

Так он пытался сказать речь почти день, пока даже покойный выдержал, и не возмутился, сказав:

- Мэй[17], Серафим, что ты тянешь, как кота за хвост?! Будь мужчиной! Раз-два, прощай дорогой друг, ты был надежный товарищ и верный муж, три-четыре, и предал тело воде!

Виновато покивав головой, Серафим так и сделал. И заплакал, глядя, как тело Василия скрывается за поворотом. И плакал до самой Ларги, куда пришел на следующий вечер, в сумерках, которые тем темнее под небом свисали, что на окраине Ларги горел факел. Подойдя к нему поближе, Серафим глядел на горящий столб. Огромный столб высотой в три метра. Он пылал, трещал, брызгался искрами, горячим жиром, грязными ругательствами, и предсмертными проклятиями…

Это сельчане торжественно сожгли деда Тудора.

xxx

Пропажа велосипеда, который позаимствовали, ради педалей, Василий и Серафим, стало тяжким ударом по психике деда Тудора. Ведь пешком добираться до поля, лежащего в десяти километрах от дома, Тудору доводилось слишком тяжело. Получалось, что его рабочий день удлинялся на четыре часа. Дед, вкалывавший по шестнадцать часов, понимал, что это конец…

Первые два месяца после пропажи Тудор только и делал, что кружил по двору, как ставший вдовцом лебедь, да причитал.

- Куда же он подевался, да куда же? - недоумевал дед. - Жалко, Серафим куда-то уехал. Тот молодой, и видит зорче сокола. Уж он бы мне помог найти велосипед. Я-то, небось, машину засунул куда, да по старости забыл…

Листки календаря облетали со стены, как зерна кукурузы с початка при лущении, а велосипед все не находился. Зима постелила белые свои простыни, да прикрыла ими холмистые груди Молдавии, а велосипед все не объявлялся. Весна сдернула кое-где почерневшие за три месяца снежные простыни, а велосипед не катил обратно. Наконец, лето залечило открытые раны грязных луж на сельских дорогах, и велосипеда, конечно, не было…

Осенью дед Тудор узнал, наконец, истину, которую от него тщательно скрывали односельчане, жалея старика.

- Велосипед деда Серафим взял, для подводной лодки, на которой он в Италию с Василием уплыл! - услышал как-то дед на крестинах шепот, и внезапно все понял. - Только не говорите об этом деду, а не то он от горя с ума сойдет. Любил ведь Серафима, как сына!

… на следующий день Тудор пришел в церковь, и, столкнув Паисия со священнического места, поднял руку и попросил слова.

- Добрый молдаване, - начал он, - я имею желание сказать вам мои мысли про Италии. Слушайте, и запоминайте. Италии… НЕТ!

Церковь привычно заохала. Где-то навзрыд зарыдал ребенок. Но дед Тудор был неумолим.

- Италия это сказки, - гремел он, - которые вам вешают на уши, как китайские макароны, чтобы вытянуть с вас по четыре тысячи евро! Италии не существует! Когда священник повел вас в Крестовый поход на Италию, то обманул вас! Нет никакого рая! Нет никакой благословенной земли, где вместо воды из крана течет мед, а в ванной люди разводят жирных карпов, и где горничные получают по тысяче евро в месяц! Ничего этого нет!

Народ со страхом смотрел на Тудора, а тот, словно Лютер, стучал по кафедре кулаком, и взывал:

- Очнитесь, люди! Вас манят сказками об Италии, и вы срываетесь с насиженных мест, бросаете свою Родину, чтобы попасть незнаком куда, и невесть чем там заняться. А ваши стада скудеют, ваша земля тощает, и ваши женщины и дети чахнут без вас!

- Но здесь все погибает и при нас, - робко возразил кто-то от стены с иконами, - и еще как рушится и погибает!

- А вот для того, чтобы вы уезжали отсюда, бросив свое имущество, и не пытались навести порядок дома! - вопил Тудор. - Вас и кормят баснями об итальянском рае. Вас отвлекают от вашей боли, и оттого, что действительно нужно лечить. Опомнитесь, люди. Италии нет!

Люди слушали, не веря себе. Кто-то плакал, кто-то крестился. Тудор продолжал.

- Поймите, несчастные, мы стремимся к тому, что можем сделать здесь. Прямо тут, в Молдавии! Мы можем САМИ почистить свои дома, САМИ отремонтировать свои дороги. Мы можем подстричь кустарники, и обработать поля. Мы можем перестать злословить,

пьянствовать и лодырничать. Мы можем стать добрее, терпимее и нежнее друг к другу. Мы можем перестать вырывать страницы из книг в библиотеках, и плевать на выметенный двор. Прекратить обманывать! Начать жить по правде! Италия, настоящая Италия - В НАС САМИХ!

Толпа угрожающе зашумела, и к деду Тудору потянулись враждебные руки. Набрав воздуха, он успел выкрикнуть напоследок:

- Отныне я становлюсь сельским священником! И объявляю веру в Италию в Италии ересью! Потому что истинная Италия находится в каждом из нас! И верить отныне можно только в нее. Отпус…

……………………………………………………………………

"… толчок же Второму крестовому походу на Италию дал.. еретик дед Тудор из села Ларга. Тому самому, откуда был родом и наш предводитель, отец Паисий. Люди говорили, что только Ларга, породившая настоящего духовного отца нашего, могла дать и такого антихриста, каковым был дед Тудор… Еще говорили, что даже в дьявольском своем упорстве и злобе дед Тудор все равно исполнил предначертанное ему Богом. Потому что именно его, Тудора, ересь, и пробудила от духовной спячки отца нашего, батюшку Паисия… Ведь после неудачи первого похода отец Паисий впал в грех отчаяния, и уж было собирался сложить руки, держащие боготворящий крест истинного молдавского православия…

… Явившись как-то в церковь, он, Тудор, стал со священнической кафедры проповедовать настоящую ересь. Говорил де, что не существует Италии, и сказки все это, и другие богопротивные ереси утверждал, от которых воспылало гневом сердце истинных христиан. И собрались они, и связали деда Тудора, и устроили над ним суд праведный, на котором присутствовал и я, бывший сельский учитель, а ныне хроникер Первого и Второго Крестового походов на Италию… И я записал часть вопросов, заданных Тудору, которого за неверие его в истину, бога и Италию, приковали к огромному столбу. И били нещадно, пытая также и словами. Затем, согласно нашей обязанности, мы потребовали судебнымпорядком от Тудора, чтобы он дал в

должной форме,прикоснувшись к святому Евангелию, клятву, что будет говорить, как выше упомянуто, правду относительно того, о чем его будут спрашивать. Этот же Тудор ответил на это следующим образом: "Я не знаю, о чем вы хотите меня спрашивать. Возможно, вы будете у меня спрашивать то, о чем я вам не скажу". Когда же мы ему стали говорить: "Вы поклянетесь говорить правду относительно того, что будут у вас спрашивать касательно веры и что вам будет известно", он снова ответил, что относительно того, что ему известно, он охотно поклянется. Но относительно того, что ему неизвестно, он оставляет за собой право не отвечать суду ничего… На это отец Паисий велел лить в глотку Тудору горячую воду и спрашивать, у кого тот набрался еретических мыслей об отсутствии Италии, как рая земного. А Тудор, несмотря на пытку, злословил, и утверждал, что ни бога ни Италии нету, и вообще всячески суд поносил. А мы же, поразмыслив над его заблуждениями, приняли твердое, от Бога решение, спасти душу еретика, предав гибели его тела….

….даже будучи подожженным, он говорил еретические речи о том, что, якобы, Италия это не рай, который существует, что подтверждено отцом Паисием, а, якобы, Италия это внутреннее состояние каждого из нас. И что, якобы, его можно достичь без уплаты четырех тысяч евро, без священников или Крестовых походов. От этих богомерзких слов мы все плевались и крестились, призывая сатану поскорее пожрать этого несчастного Тудора…

…сердце же сожженного, и прах его черный, бросили в воды реки Днестр, чтобы саму память о еретике деде Тудоре она смыла. А после этого словно воспрянувший ото сна отец Паисий велел собираться людям на Второй Крестовый поход, в Италию.

И каждому было обещано:

1. Отпущение грехов.

2. Рай в случае гибели.

3. Все имущество еретиков, не верующих в истинность молдавского православного Бога и Италии, а также города и села на поток.

4. Гарантированные рабочие места в Италии.

5. Вид на жительство в Италии.

И в утро начала Второго похода собралось в Ларге 190 тысяч человек, из которых числом дети - сто десять тысяч. Усевшись на коня,

отец Паисий их возглавил. И по мере продвижения его армии по Молдавии число людей в воинстве святом росло.

А дети, стал Христовыми воинами, радовались и смеялись, блаженные чистыми сердцами, и крепкие в намерении своем дойти до земли обетованной каждого верующего молдаванина, Италии. И собирались они в кружки, и пели песни, и славили отца Паисия, и Италию, и своих горячо любимых родителей, на встречу с которыми в Италии они все очень рассчитывали. И хоть в числе детей тех были отроки и отроковицы, но отец Паисий разрешил им двигаться одной колонной, не боясь греха. Ибо, как сказал он:

- Что чисто в душе, на телесах грязно быть не может, и если даже согрешат отрок с отроковицей, то уже лишь за участие в нашем богоугодном деле отпущение малой вины сей им, малым сим, гарантирую клятвенно!

И предприятие отца Паисия после этого стало еще популярнее среди молодежи. И очень скоро во многих районах Молдавии объявились мальчики в качестве проповедников, они собирали вокруг себя целые толпы единомышленников и вели их, со знамёнами и крестами, с торжественными песнями, к чудесному отцу Паисию. Если кто-то спрашивал юношей этих и девушек, куда же они идут, то получали единственный ответ:

- В Италию, к нашим родителям!

Ибо к году начала Второго крестового похода многие молдаване попали уже в Италию окольными путями, и трудились там, а детей вывезти не могли. И росли они, как сорная трава, но скучали по родителям своим. И когда отец Паисий пообещал им Италию, но не окольными путями, с хода черного, а с белого, то возрадовались и пошли за ним. И никто не мог удержать детей от этого предприятия, да и не было тех, кто хотел бы этого сделать. Ведь народ ждал от этого похода чуда.

Когда власти Италии увидят, говорили в народе. Двести тысяч детей, которые хотят в объятия к двумстам тысячам родителей, то сердце Рима растает, и каждый молдаванин получит право трудиться в Италии без визы, и привозить туда, кого хочешь. И только дети своей непорочностью, казалось, могут дать нам, молдаванам, то, что заменило нам Святой гроб Господень, дать нам нашу мечту сокровенную. Дать нам благословенную страну Италию".

ххх

А в то время, как двести тысяч детей отца Паисия шли на Италию единой колонной, с хоругвями, мечами и верой в сердце… А президент Воронин, зарыв парашют в землю, крался по тропе за проводником в итальянский городишко, где собирался заработать денег мытьем посуды на пиццерию… А тысячи молдаван покупали право попасть в Италию в тайниках автомобилей, рискуя ежечасно быть пойманными и отправленными обратно, в Молдавию… Пока Земля несла на себе и молдаван, и Италию их…

…Василий Лунгу совершенно спокойно, без препятствий и преград выплыл по течению реки в Черное море, и оттуда начал свой скорбный путь по морским течениям к Италии, куда стремилось его мертвое тело. В пути Василий очень изменился. Волосы его отросли в пути на несколько метров, и резвились над лицом утопленника, как щупальца странного морского зверя. Ногти расслоились на двадцать перепонок, и оттого руки Василия были словно ласты чудного Ихтиандра. Кожа южанина, коричневая и туго натянутая на скулы, выбелилась, как тончайший холст, и растянулась, отчего лицо Василия обрело потерянный после рождения покой. Ноздри его колыхались, мерно наполняемый водой, тело его расслабилось. И Василий, наконец, отдохнул за все тридцать пять лет своей жизни. А потом лицо его раскисло, и Василий забыл, как выглядел при жизни, и руки его обкусали мальки, а спину продырявили крабы… У побережья Румынии, под Констанцей, он повстречал богиню бразильских вод, Иеманжу, и принес ей жертвы страстными ласками, горячими, как молдавское отчаяние, а под Слэником ему повстречалась скульптура Паллады, свалившаяся с носа древнегреческого корабля, да так и оставшаяся жить в море. Под Мангалией же Василий увидал огромного кальмара, описанного в 12 веке ирландским монахом Петерсом Благоразумным, и подивился точности, с какой тот описал морское чудовище. Потом Вася выплыл из Черного моря в Адриатическое и подивился еще раз тому, как на картах моря одно в другое вкладываются, словно русские матрешки. Василий плыл, превращаясь постепенно в нечто аморфное, в студенистый ком,

который колыхался в биение сердца Океана, и был счастлив, как никогда. Океан был огромной утробой, а он младенцем.

- Вот она, моя настоящая родина, - думал утопленник, - Океан!

Так, в радости, предвкушая встречу с Океаном, сердце которого билось в нем все сильнее, Василий покинул, наконец, теплое море Адриатики, и вышел сквозь Геркулесовы столбы в океан. И громадная туша Океана поразила Василия так, как крики "Земля" - Колумба. Волны яростно рвались в столбы, чайки радостно приветствовали Василия, а котики, игравшие на столбах вместо мяча солнечным диском, гавкали, и лай их, сливаясь с гулом Океана, породил сладчайшие слезы в истрепанном сердце Василия. И он, а вернее, то немногое, что от него осталось, вырвался в открытый Океан. А самая сильная и большая волна так накрыла Василия, что жалкие остатки тела его разлетелись в пене. И закружились. Каждая - сама по себе планета. Так гражданин Океана Василий Лунгу вернулся домой навсегда.

ххх

В мае унылые поля румынской Молдовы покрылись бледными, как лица местных жителей, цветами. Изредка на них торчали прошлогодние стога, до которых никогда и никому дела нет и не будет уже. Ведь зимой в Молдове, но не той, что за Прутом, а в румынской, лет четыреста назад бывшей Молдовой Штефана Великого, пал весь скот. Румыны говорили, что виной всему колдуны из Молдавии, которых привел сюда три года назад отец Паисий. Официальный Бухарест слухов этих не подтверждал, но и не опровергал. Румынский президент давно уже мечтал избавиться от Еврограда. И даже собирался встретиться с отцом Паисием, чтобы расставить, наконец, все точки над "и". Но священник, который получил уже приглашение Басеску о встрече, думал в этот день совсем о другом…

- Ты только глянь, какая симпатичная девица! - заорали в спину. - Вот бы на такой лошадке покататься!

- Сейчас мы ее, - поддержали балагура, - объездим…

Отец Паисий вздернул плечи, отчего стал выглядеть совсем жалким и съежившимся, накинул капюшон на голову повыше, и засеменил быстрее. Со спины длинноволосого, субтильного священника, и впрямь можно было принять за девушку. Паисий мельком глянул на часы, и нырнул за палатку городка. Следовало торопиться. Буквально через несколько минут в Евроград завезут цистерны с вином, и начнется всеобщая попойка, которая закончится, как обычно, грабежами и насилием. И тогда уж его не пропустят, а непременно задерут рясу. А уже если люди увидят знал Паисий, что это он, священник, то изнасилование, грозившее ему, будь он девушкой, детской игрой покажется.

- Сожгут, как несчастного Тудора! - горестно прошептал Паисий, поджав губы. - О, жестокая толпа. А ведь я смерти несчастного не хотел.

Толпа и вправду была жестокой. Паисий это прекрасно знал, и понимал, что, в случае поимки, на снисхождение ему рассчитывать не придется. Ведь дети особенно жестоки. А из ста десяти тысяч жителей Еврограда сто восемь с половиной тысяч составляли подростки в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет. Преступления, которые они совершали в городе ежеминутно, были по дикости и жестокости своей вопиющими. Евроград вообще, с горечью понимал Паисий, являл собой средоточие зла. Истинный Вавилон наших дней. Рим Нерона, прихотью демонов перенесшийся в Румынию 2005 года. И виной всему он, Паисий.

А ведь начиналось все так красиво…

ххх

"… Бог, располагая всем для того, чтобы мы достигли цели своей, благословенной Италии, рассудил все же иначе. И за грехи наши мы были погублены разумением его и замыслом высшим…Впрочем, расскажу обо всем в той последовательности, в какой и происходили события. А подтверждением истинности моих слов будет мой тяжкий труд хрониста Крестовых походов отца Паисия. В миру же, до того,

как стать хронистом, занимал я место сельского учителя в селе Ларга страны по названию Молдавия…

Итак, собрав двести тысяч человек, более трех четвертей в которых были дети, отец Паисий предпринял поход на святую для всех молдаван землю, Италию. Земля эта обетованная. Говорил Паисий, сейчас стонет под ногами нечестивых итальянцев, мы же должны освободить ее и заселить Италию истинными православными молдаванами. Но первый Крестовый поход, - а хронику его я также вел тщательно и достославно, - не состоялся и мы были рассеяны, как египтяне были рассеяны промыслом Божьим. Потому, говорил отец Паисий, это случилось, что мы, взрослые молдаване, оказались недостойны той Богом отведенной нам участи… И из-за отсутствия чистых помыслов в воинстве Первого крестового похода. Он и был разгромлен. Потому во Втором походе, по замыслу Паисия, должны были принять участие только дети. Именно они, чистые душой и разумом, спасти должны Италию от нечестивых итальянцев и открыть двери в этот божественный мир нам, молдаванам.

Первые три месяца мы ничего не делали, а лишь следовали за отцом Паисием по всей Молдавии, совершая крестные ходы, моления, радуя местное население гимнами во славу Италии и Бога, и запасаясь провиантом, иногда и без согласия на то людей, нас этих провиантом снабжавших. Примерно на третий месяц в войске отца Паисия появились признаки разложения: юноши и девушки совокуплялись столь бурно, что даже отец Паисий, уже отпустивший эти грехи своей пастве, призвал их быть сдебржанеее, и помнить о конечной цели нашего предприятия…

… на исходе четвертого месяца мы, наконец, перешли реку Прут, и нас никто не мог остановить - ни румынские пограничники, ни водная преграда, которая в тот день была необыкновенно тихой и спокойной, в чем мы увидели промысел божий и возликовали….

… а под городом Яссы нас окружили войска, и предложили остановиться, а отца Паисия вызвали для переговоров. И румынский президент сказал, что не может пропустить наше воинство через свою

страну, но бомбить нас и стрелять в нас ему не позволяет чувство румынского братства. Тем более, что всех румын очень растрогало столь искреннее стремление юношества Молдавии в Европу. Поэтому, посудив и порядив, отец Паисий и президент Румынии Басеску пришли к следующему. Румыния обязалась построить нам палаточный городок с несколькими зданиями из камня. И помочь строительными материалами, из которых уже мы сами должны были построить себе город. Также Румыния обязалась стать адвокатом Молдавии в Европейском парламенте, и хлопотать за этих 2000 тысяч молдавских детей, чтобы их выпустили в Италию, не чиня никаких препятствий. Но нечестивые итальянцы, конечно, этому противились, и потому у румын ничего не вышло…

… а город назвали в честь Европы и европейской интеграции. Евроград. И стали мы жить в нем, ожидая решения судьбы нашей Европейским парламентом. Но Бог наслал на нас безумие, и молдавские дети стали превращать Евроград в подобие той страны, которую окинули, и прах которой отрясли со своих ног.

… В Еврограде расцвели буйно, как сирень в рощах у Днестра, коррупция, воровство, насилия и беззакония. Без взятки и шагу ступить нельзя было в городе. По вечерам юные крестоносцы творили насилия друг над другом, в городе вспыхивали драки, поножовщина. Улицы Еврограда представляли собой настоящую помойку, которой и свиньи бы не побрезговали. Девушки продавали себя за еду, юноши те, что посильнее, брали все силой, а слабые унижались, стремясь причинить боль лишь тем, кто еще слабее их. Канализацией, вырытой румынами, никто не пользовался. Нужду справляли прямо на лицах, туда же выбрасывали мусор и сливали помои. Общественную баню сожгли. В городе появился туберкулез, многие жители завшивели. Два университета, открытых, чтобы самосовершенствоваться в ожидании Италии, разгромили. Но не только рушили в Еврограде. Еще и создавали. Так, за три года в городе открыли более 400 питейных заведений, где спиртное продавалось рюмками и бутылками, на глоток и ведро. Отца же Паисия совершенно не слушала толпа детей. Появились кланы, и группировки, преступные авторитеты и жулики.

И гибла наша мечта стать чистыми и удостоиться Италии.

А весь мир, глядя на наш город, поражался нашим несчастьям. А Италия после такого совершенно спокойно отказалась пропустить нас на земли свои, и когда после этого жители Еврограда собирались продолжить Крестовый поход, их плетями и дубинками загнали обратно. И продолжили они разлагаться и умирать

Тем самым, превратив Евроград в Молдавию…

ххх

Паисий, вспомнив хронику, прослезился, и приподнялся на локтях. Священник лежал у крайней к границе города палатке. Издалека донесся рев грузовиков, и по палаткам замелькали лучи прожекторов. Это включилось вечернее освещение Еврограда, осуществляемое румынами, которые окружили город войсками. Людей из города не выпускали. Но колонны с питанием, алкоголем, и вообще товарами, пропускали. Сейчас как раз должны были подвезти три цистерны с крепленным вином.

- Сладенького привезли! - хохотал кто-то у цистерн. - На десерт!

Позвякивая ведрами, от цистерн расходились подростки. Многие пили прямо у цистерн, и падали, опьянев, там же. Торговцы румыны презрительно пинали их ногами, следя за расчетами. Одному из парней не хватило денег, и он привел десятилетнюю сестру. Продавец вина, презрительно поморщившись, отлил котелок зелья, и, пока мальчик лакал его, увел девочку в кабину. Через час, избитую и плачущую, вытолкнул, и что-то сказал брату. Тот, уже изрядно пьяный, промычал ответ. Торговец налил ему ведро вина, и, подняв онемевшую от ужаса, побоев и насилия девочку, запер ее в машине. Увозит, понял Паисий, купил, и увозит. Но взял себя в руки и отвернулся…

К ночи Паисий, дождавшись, пока вино перельют по ведрам, и понесут в центр города, тихонько стелясь по земле, подполз к грузовику, и шмыгнул в пустую цистерну. Там, напялив на голову

противогаз, Паисий присел на корточки, и от облегчения едва не расплакался. Вообще, три года попыток управления совершенно не подконтрольными подростками, да еще и молдаванами, превратили Паисия в сентиментального плаксу.

- Вырвался! - прошептал себе Паисий. - Вырвался! Сейчас бы домой, отоспаться!

Машина ехала долго, и священник уснул. Снились ему, из-за недостатка воздуха, сны удивительно яркие. Сначала жена его сбежавшая, Анжела, бесстыдно поманила ляжкой из ночи. Паисий побежал за ляжкой, схватил ее, и стал мять. А потом, без лишних церемоний, повали потаскушку жену на землю, и овладел ей. Но желание, как ни странно, не пропало. И тогда священник, оглянувшись, увидел девочку, купленную торговцем вина. Того поблизости не было. Паисий, подкравшись к ребенку, зажал ей рот, повалил на землю, и овладел, как женой. Потом вдруг, в ночи появился торговец вином. Заставив Паисия напялить противогаз, он сам овладел им, как женой!

… Проснулся Паисий весь взмокший, из-за света, который попадал в цистерну через открытый люк. Убедившись, что в него никто не глядит, священник снял противогаз, и полез наверх, глотнуть воздуха, что стал краше вина. Несмотря на то, что цистерна была открыта, машина ехала, двигалась в колонне, подъезжавшей к какой-то границе. Сощурившись, Паисий прочитал, и, не веря глазам своим, перечитал надпись на придорожном щите.

"До границы с Италией 5 километров".

Священник потер глаза, и решил было, что у него из-за вина галлюцинация. А потом вспомнил, как в Еврограде говорили о винодельческих фермах Италии, где трудятся молдавские чернорабочие. Вино там делают дешевое, сладкое и крепкое. И, снабдив документами, как, якобы, молдавское, везут потом продавать в Россию. А заодно, понял Паисий, и в Евроград такое вино продают. Паисий задумался, будучи в этот момент очень похож на танкиста, что

высунулся из люка боевой машины по пояс. Да он и был танкист. А цистерна - его боевой машиной. И он, Паисий, преодолевал последние пять километров своей Десятилетней Войны…

Паисий приосанился, и вдохнул полной грудью небо приближающейся Италии.

ххх

Самолет заложил вираж, и ушел вверх. Боевая машина ВВС Хорватии, старенький кукурузник, мог набирать высоту почти полчаса, при этом не отрываясь далеко от земли, из-за маленькой скорости. Пилот, Иван Горджич, закрыл глаза и снял шлем. Он любил, установив курс прямо на Солнце, оставить штурвал, и помечтать с зажмуренными глазами.

- Иван, ты погляди на этих наглых румын! - крикнул второй пилот, отдыхавший сзади. - Совсем прятаться перестали!

Иван нехотя разлепил глаза, и перевел самолет в горизонтальную плоскость. Земля, из-за света, казалась ему ярко-зеленой. Поэтому колона грузовиков, ползущая к границе с Италией, показалась ему гусеницей, а земля - яблоком. Лишь поморгав, Иван разглядел в колонне машины с цистерной, из которой совершенно обнаглев, высунулся какой-то румын. Или…

- Скорее всего, молдаванин! - заорал Иван. - Видно, румыны их теперь в цистернах перевозят в Италию. Вот смехотищи-то!

- Это еще что! - поддержал новичок, второй пилот. - Я вчера в интернете видел фотографии грузовиков, пересекающих границу Мексики с США. Где только эти мексиканцы не прячутся…

- Молдаване изобретательнее, - не согласился Иван, - я считаю, что…

Коллеги немного поспорили о том, какие мигранты ловчее, мексиканские или молдавские. Сошлись все-таки на молдавских. Колонна в это время подъехала к границе вплотную. Наверняка, в

цистерне было полным полно молдаван. Об этом следовало доложить на землю. Или нет? В любом случае, поступить с колонной следовало жестоко. Молдаване-нелегалы были проблемой для хорватов, которые тоже всеми правдами и неправдами рвались в Италию.

- Давай, - предложил Иван, - разбомбим эту колонну к такой-то матери!

- Иван, ты чего? - удивился второй пилот. - У нас же всего две бомбы, да и те муляжи.

- А мы чужими руками!

- Это как?!

Иван радостно заржал, и, вместо ответа, вошел на частоту патрулирования самолетов НАТО.

- Парадокс, Парадокс, я Симпозиум! - заорал он тревожно. - Говорит Симпозиум. Как слышите?

- Вас слышат, Симпозиум, - раздался в наушниках голос с британским акцентом, что было тем более удивительно, что говорил голос по-английски. - В чем дело?

- На нашем участке прорывается в сторону Италии огромная колонна с вооруженными сербами, будь они неладны! - кричал Иван. - Прямо нашествие какое-то!

- Да? - в голосе Парадокса появилось сомнение. - А не получится, как в прошлый раз, Симпозиум? Ну, когда мы раздолбали эти два туристических автобуса?

- Они же были, - обиделся Иван, - зеленого цвета, вот я и подумал, боевики арабские едут…

- Ладно, - вздохнул Симпозиум, - сейчас буду двигаться в вашем направлении…

- А вы где? - поинтересовался Иван-Парадокс.

- Над Атлантикой, - пояснил Симпозиум, - буду через две минуты. Куда метить?

- В третью от начала колонны машину, - сказал Парадокс. - Там прямо на грузовике сидит огромный бородатый, чтоб его, серб! Уселся, сволочь, и улыбается!

- А, вижу. Вижу, - ответил Симпозиум, - уже вижу. Довольный, сволочь. Наверное, вспоминает, как убивал косовских албанцев.

- Наверное! - радостно подтвердил, тихонько посмеиваясь, Иван. - Я вам больше скажу, Симпозиум. Сдается мне, у него знакомое лицо. Кажется, я видел его, серба этого, в числе военных преступников, разыскиваемых Гаагским трибуналом.

- Тогда бинго! - заорал Симпозиум. - Мы сорвали банк!

На дороге под кукурузником расцвела черная роза дыма. Потом еще одна, и еще, и колонна румынских грузовиков, ехавших за вином, стала плантацией черных роз. Иван со вторым пилотом еще немного покружили над ними, а потом набрали высоту и полетели к Солнцу. Чуть позже на связь вышел Симпозиум, и сообщил, что его собираются наградить. За это Симпозиум обещался выставить хорватским коллегам по стаканчику виски. Те, конечно, согласились, и вечером коллеги здорово нажрались в Загребе.

Сербским властям за очередную попытку агрессии предложили выплатить компенсацию Евросоюзу.

ххх

- Ну и наследство вы мне оставили, мой президент, - прошептал спикер парламента Лупу, усевшись в кресло Воронина. - Ну и наследство…

Только что из кабинета главы государства, которым стал, как преемник, Лупу, вышли советники с портфелями. В каждом советнике были тонны зависти, а из портфелей у них вылезали кипы бумаг. Доклады были неутешительными. Молдавия стала беднейшей страной Европы за каких-то пятнадцать лет. Промышленности нет, сельского хозяйства нет, население разбегается. Лупу выругался матом, - правда, на французском, потому что был очень культурным человеком, и знал пять языков, - и задумался. Не то, чтобы повальная нищета Молдавии его расстраивала…

- А ну как Молдавия вообще перестанет существовать? - выразил он свои опасения единственному советнику, которому доверял. - Президентом чего же я тогда буду?

Советник вздохнул, подошел к сейфу, и открыл ее ключом, висевшим на его цепочке рядом с крестиком.

- Еще первой президент Молдавии, - начал советник. - Снегур, приказал поставить этот сейф здесь. И оставил в нем послание потомкам. И поручил мне передать содержимое сейфа президенту Молдавии, при котором дела в стране пойдут хуже некуда.
- Гм, - пробормотал Лупу. - откуда же он знал, что дела в стране пойдут именно хуже некуда?
- Потому что они, - объяснил советник, - шли так с самого начала, но первые годы нам было что проедать, пропивать и разворовывать. Итак, ваш пакет, ваше высокопревосходительство!

Лупу жестом велел советнику остаться, и раскрыл пакет. На бумаге было написано тяжелым почерком Снегура:

"Когда в стране станет совсем хреново, срочно начни с кем-нибудь воевать".

ххх

О том, что мечты умирают как люди, Серафим Ботезату, постаревший за десятилетие изрядно, узнал осенью в Ларге. Опубликовав в районной газете объявление "Переводчик с норвежского языка ищет работу", он здорово удивился, когда к нему в дом пришел Никита Ткач. Основатель первой команды Ларги по керлингу.

- Понимаешь, - объяснил Никита, - мы летом будем в Норвегии выступать, поэтому мне бы хотелось, чтобы ты приготовил нам приветственные транспаранты.
- Хорошо, - кивнул Серафим, - ну, а Италия?

- Мы должны были попасть туда летом, - смущенно ответил Никита, - но… отказались.

- Не пустили? - спросил, не поднимая головы Серафим.

- Нет, пускали, - объяснил Никита, - но мы сами не поехали.

- Вы сами, - прошептал Серафим, - что…?!

Никита Ткач, краснея, объяснил. Команда по керлингу, которую он сколотил для того, чтобы вывезти в Италию своих земляков, только на первых порах была шутовской.

- Потом мы, - говорил, зажигаясь, Никита, - и в самом деле увлеклись керлингом. Мы полюбили его. В этой игре есть своя философию. И мы прониклись ей. И поняли, что наш рай там, где есть керлинг. Вот наша настоящая Италия…

Серафим слушал, не веря себе. Никита все говорил, говорил, и в печи догорали остатки ореха, под которым Серафим так любил спать когда-то, но который срубил…. За десять лет команда по керлингу из города Ларга (Молдавия) добилась значительных успехов. Второе место на чемпионате Европы, бронза на Чемпионате Мира. Теперь вот к Олимпийским играм в Пекине готовятся. Конечно, поначалу был соблазн на первых же зарубежных соревнованиях выйти из гостиницы, и скрыться. Но любовь к керлингу победила. А теперь вот они должны были поехать в Италию на соревнования, но…

- Но что?! - сквозь зубы спросил Серафим.

- Понимаешь, - виновато объяснил Никита, - мы отказались, потому что турнир в Норвегии, он интересней для нас, потому что там соперники сильнее. Так что мы отказываемся от Италии…

Серафим вытер дрожавшую, как пламя, в уголке глаза слезу, и тоже заговорил. Неужели ты не понимаешь, спрашивал он Никиту, что ты предал не только нас, но и себя. Что, отказавшись от мечты попасть в Италию, ты надругался над прахом деда Тудора? Несчастного Василий, который погиб от пули? Над светлой памятью пропавшего невесть где отца Паисия? Над тысячами и сотнями тысяч наших земляков, погибших в крестовых походах в поисках Святой Земли -

Италии? И что ты, Никита Ткач, отказался от самого себя… Никита, молчавший в ответ, вздохнув, поднялся и вышел. Серафим пошел было ему вслед, да махнул рукой, и снова заполз под одеяло. Мужчину знобило. Он плакал.

ххх

Новый президент советовался с помощником. Лупу очень нервничал. Ведь в его планы руководство государством не входило. Куда лучше ничего не делать в парламенте. А тут сразу - в президентское кресло, да еще войну начинай… Мариан очень нервничал!

- Легко сказать, - пожаловался Лупу, скомкав завещание Снегура, - воевать. С другой стороны, отвлечем население. Война.

- Так точно-с…

- Ладно. Решено. Правда, есть вопросы. А с кем?! Кто слабее нас?!

- Никто, - решительно покачал головой советник, - вообще никто. Значит…

- Значит, - понял Лупу, - надо воевать самим с собой?

- Верно, - согласился советник. - Нападем на какой-нибудь район, рад два, делов-то!

- Отлично, - решил Лупу. - Давайте на Приднестровье нападем!

- Нельзя, - вздохнул советник, - можем проиграть…

- Тогда, - развел руками Лупу, - я даже не знаю.

Советник подумал, после чего отодвинул от стены тяжелую бархатную портьеру. Лупу, раскрыв рот, увидел огромную порнографическую скульптуру: Зевс и Европа. Зевс, по замыслу скульптора, только начал превращаться в быка. Поэтому Зевс был еще с телом атлета, но уже с головой зубра, во лбу которого горела звезда[18]. Это чудовище овладевало девицей с нимбом из звездочек над головой, - символ Евросоюза, - вспомнил Лупу, причем девица уже почти не сопротивлялась и явно входила в раж… Что было особо пикантно, фигуры двигались и постанывали!

- Пардон, шеф, - смутился советник, - тяжкое наследие президента Воронина. Сей момент!

Задвинул портьеру, и механизм, судя по тому, что Зевс с Европой умолкли, отключился. Советник отдернул портьеру с другой стены, и обнажил огромную карту Молдавии.

- Выбирайте! - ткнул он указкой в карту. - Населенный пункт по нраву!

- Давайте, что ли, на севере на кого-то нападем! - предложил Лупу. - Северяне… Терпеть их не могу, вечно самогонку жрут вместо вина!

- Нет проблем, - пожал плечами советник. - Ну, к примеру, Ларга?

- А это еще что такое? - поинтересовался Лупу, положив ноги на стол. - Город? Я вообще-то из Кишинева только за рубеж выезжал…

- Село. Постоянно у нас из-за них неприятности. Помните, какой-то поп собрал пару тысяч голодранцев и повел их в Италию? Так это из Ларги. Они вообще там все сумасшедшие какие-то. На местных выборах там один кандидат в мэры даже предлагал Ларгу объявить вольным итальянским городом!

- Что ж, давайте на Ларгу нападем. - почесал нос Лупу. - А в чем мы их обвиним?

- Так этот "вольный итальянский город" и вспомним, - рассудил советник. - Сепаратизм им пришьем.

- И тогда, - закончил Лупу, - свалим разруху на войну.

- Совершенно верно, - улыбнулся советник. - Ваше высокопревосходительство.

Лупу отпустил советника готовить приказ, а сам заглянул за портьеру. Бык со звездой во лбу глядел на нового президента вполне одобрительно. К тому же, длина его хозяйства в сантиметрах, поделенная на два, равнялась любимому числу Мариана, четырнадцати!

Лупу решил, что это добрый знак, и успокоился.

ххх

В октябре настала пора умирать. Серафим, опустошенный после гибели друга своего, Василия, сожжения деда Тудора, и измены Никиты Ткача, очень долго отлеживался в заброшенном доме. Напоминал он себе вампира, который отошел от злых дел, и коротает нескончаемый век вдали от всего, даже от крови. Просто валялся на шерстяном одеяле, нечесаном, как голова Серафима, да изредка выходил во двор по ветру. Телевизор Серафим не смотрел, поэтому ничего не знал ни о гибели Еврограда, ни о таинственном исчезновении отца Паисия. Не знал он, что Министерство иностранных дел Молдавии предложило Митрополии Молдавской канонизировать отца Паисия, как "ревностного сторонника европейских ценностей и борца за европейскую интеграцию". Не слышал, как в окрестных церквях провозгласили, что отец Паисий был взят прямо на небо, и там, в небесной Италии, коротает сейчас дни, наслаждаясь пением ангелов. Не было новостей в жизни Серафима. Ничего не было.

Он просто лежал на одеяле, прикрывшись другим одеялом, и, тупо глядя в побеленную десять лет назад стену, пересчитывал раны, нанесенные ему мечтой. Серафим понимал, что, погнавшись за Италией, потерял все. Василия, который мог бы стать ему другом, деда Тудора, которой заменил бы ему отца, Стелу, жарко хотевшую отдать ему тело свое и душу. В то же время, отчетливо понимал Серафим, он и не стремиться в Италию не мог, потому что здесь, на родине, его все равно ожидали нищета, беспросветность и отчаяние. Изредка Серафим слышал, как в дом кто-то заходит, и закрывал глаза, упорно не желая никого видеть. Посетитель ставил на стол еду, и тихо уходил. Серафим понимал, что это Стелла, которая, в него влюблена, и которой он не мог простить самоучитель норвежского языка…

Время его ушло, понимал Серафим, и поря умирать. Поэтому к еде не притрагивался. Так шло время, и как-то на подушке с головой Серафима лег прикорнуть желты лист. Серафим подумал, что желтизна у них, листьев, как у людей седина.

- А ты-то из-за чего состарился, и тебя кто предал, - спросил он лист, - и где твои мечты сейчас плачут, бедняга?

А потом бережно взял лист, и вынес его во двор. Тут-то и раздались взрывы на окраине Ларги. Село, разбитой на вершине склонившегося к реке холма, обстреливала артиллерия Национальной армии Молдавии. К счастью, поначалу артиллеристы пристреливались. Поэтому ряд снарядов лег за Ларгой, после чего кусок земли, на котором она лежит, медленно пополз к воде.

Потом Ларга сошла на воду, как корабль, и поплыла.

Серафим, не веря глазам своим, дрожащими руками положил лист на землю, и огляделся. Село правда плыло. Небо над ним ползло медленно, и волны Днестра тихо плескали в землю Ларги. Село, ставшее островом, уносило все дальше вниз по течению. Серафим подумал, что они плывут к Черному морю, а оттуда - прямиком в Италию. Где-то вдалеке размахивали руками, в бессильной злобе, военные. С другого конца села к Серафиму бежали люди, радостно что-то кричавшие. Впереди всех бежала невесомая, словно лист, Стелла, и Серафим впервые за много лет подумал, что у них может что-то получится. Конечно, на свадьбу нужны деньги, но разве не заработают они их там, в Италии? Ларга плыла, покачиваясь, в море. В Океан, где ее землю омыл прах Василия Лунгу. По воздуху, где над ней кружила душа отца Паисия. Ларга шла к морю!

Люди были все ближе, и Серафим пошел им навстречу, раскрыл душу и руки. Улыбнулся, и услышал:

- Курс на Италию, адмирал!

КОНЕЦ

Октябрь 2004 - март 2006

---

notes

Примечания

1

три доллара - прим. авт.

2

двадцать евро - прим. авт.

3

молдавская народная песня - прим. авт.

4

вице-спикер Юрий Рошка - прим. авт.

5

лидер фракции коммунистов Молдавии - прим. авт.

6

советник президента Молдавии, Марк Ткачук - прим. авт.

7

мэр Кишинева - прим. авт.

8

президент Приднестровья - прим. авт.

9

Воронин, президент Молдавии - прим. авт.

10

президент Азербайджана - прим. авт.

11

6 долларов США - прим. авт.

12

аналог тройки - прим. авт.

13

короткий клинок - прим. авт.

14

приграничный город. - прим. авт.

15

воссоединения, в Молдавии есть министерство воссоединения с Приднестровьем - прим. авт.

16

премьер-министр Италии - прим. авт.

17

обращение к мужчине, что-то типа "эй" - прим. авт

18

греб Молдавии - прим. авт.